ГРАФИНЯ М. КЛЕЙНМИХЕЛЬ

ИЗЪ ПОТОНУВШАГО МІРА

Переводъ съ французскаго

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ГЛАГОЛЪ»

МЕМУАРЫ

Прежде чѣмъ память моя угаснетъ и глаза мои закроются навѣки, хотѣла бы я изложить мои воспоминанія. Будущему историку, быть можетъ, предстоитъ найти въ этихъ разбросанныхъ страницахъ фундаментъ для изображенія той эпохи, въ которой я жила, и слѣды которой безжалостно сметены потокомъ революціи.

Я родилась въ 1846 г. въ г. Кіевѣ, гдѣ отецъ мой былъ вице-губернаторомъ. Мой крестный, генералъ Бибиковъ, генералъ-губернаторъ Кіевскій, Подольскій и Волынскій, былъ очень извѣстной личностью въ военномъ мірѣ. Онъ лишился руки въ сраженіи при Силистріи. Для того, чтобы присутствовать на моихъ крестинахъ, моя крестная мать, которая одновременно была и моей бабушкой со стороны отца, совершила большой путь изъ Курляндіи въ Кіевъ въ собственномъ экипажѣ, такъ какъ не было тогда еще желѣзныхъ дорогъ. Она разсказывала о своемъ путешествіи такъ, какъ Стейнлей разсказывалъ-бы о своей экспедиціи въ Центральную Африку.

У меня нѣтъ воспоминаній о Кіевѣ того времени, такъ какъ черезъ четыре года послѣ моего рожденія мой отецъ

былъ переведенъ въ Ригу чиновникомъ особыхъ порученій къ князю Суворову, бывшему тогда генералъ-губернаторомъ Лифляндіи, Курляндіи и Эстляндіи. Нѣсколько лѣтъ спустя послѣдовало назначеніе моего отца Волынскимъ губернаторомъ.

Здѣсь хотѣла бы я сказать нѣсколько словъ о моей семьѣ. Мой прадѣдъ, графъ фонъ Келлеръ, былъ посломъ Фридриха Великаго при дворѣ Екатерины II. Его жена была принцесса Сайнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ, сестра русскаго фельдмаршала того же имени. Во время одного торжества, въ честь великой Правительницы, даннаго моимъ прадѣдомъ, моя прабабушка почувствовала себя плохо, ввиду ожидаемаго материнства. Императрица предложила ей удалиться, и сказала моему прадѣду: «если супруга ваша подаритъ Вамъ сына, Я буду его крестной. Опредѣлите его на русскую службу». Въ ту же ночь родился мой дѣдъ. Императрица сдержала слово, и когда, спустя три года, мой прадѣдъ получилъ назначеніе въ Вѣну, онъ оставилъ своего сына на воспитаніе своей золовкѣ, принцессѣ Витгенштейнъ.

Шестнадцати лѣтъ отъ роду мой дѣдъ вступилъ въ гвардейскій Гусарскій полкъ и 24 лѣтъ онъ уже командовалъ армейскимъ гусарскимъ полкомъ въ бородинскомъ бою, когда и былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ. Онъ находился на пути къ блестящей военной карьерѣ. Но, женившись на богатой наслѣдницѣ, графинѣ Борхъ, принесшей ему въ приданное имѣнія въ 40.000 десятинъ въ Витебской и Минской губерніяхъ, онъ бросилъ службу въ чинѣ гвардіи полковника и занялся сельскимъ хозяйствомъ въ имѣніяхъ своей жены, что ему, между прочимъ, очень плохо удавалось. Я помню, что еще сорокъ лѣтъ

назадъ имѣнія эти, прошедшія черезъ многія руки, были проданы казнѣ за девять милліоновъ рублей; отецъ мой и дядя получили лишь одинъ милліонъ, который надо было раздѣлить между пятью братьями.

Моя мать была урожденная Ризничъ. Отецъ ея, сербскаго происхожденія, былъ женатъ на графинѣ Ржевусской, мать которой была—княгиня Радзивиллъ. Онъ былъ богатъ, жилъ въ Кіевѣ и въ деревнѣ на широкую ногу, и благодаря своему гостепріимству, онъ былъ избранъ предводителемъ дворянства въ своемъ округѣ. Онъ сохранилъ живыя связи съ Сербіей, былъ большимъ патріотомъ и воспитывалъ на свой счетъ многихъ сербскихъ юношей въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ Кіева. Между прочимъ, я хорошо помню молодого студента-теолога, Милой Іованновича, впослѣдствіи игравшаго большую роль въ сербскомъ возстаніи 1875 года, въ качествѣ епископа Михаила Сербскаго.

Вблизи Оптицы, имѣнія моего дѣда и бабушки Ризничъ, находился замокъ Погребище, принадлежащій брату его дѣда, графу Адаму Ржевусскому (дѣду княгини Блюхеръ). Онъ пріѣзжалъ ежегодно съ цѣлой свитой адъютантовъ и многочисленными приглашенными, для большой охоты, въ которой принималъ участіе едва-ли не весь округъ. Этотъ графъ Адамъ Ржевусскій — тотъ дядя мой, съ которымъ я чаще всего встрѣчалась. Онъ былъ генералъ-адъютантомъ еще при Николаѣ I и былъ тогда уже очень старъ. Онъ былъ трижды женатъ. Двадцати одного года повѣнчался онъ съ женщиной за пятьдесятъ, графиней Орловой, урожденной Жеребцовой, бабушкою посла въ Парижѣ (возведеннаго въ то время въ княжескій санъ) и прабабушкой князей Владиміра и Алексѣя Орловыхъ,

такъ хорошо знакомыхъ тогдашнему парижскому обществу.

По этому поводу разсказывали въ Парижѣ такую исторію: однажды графъ Ржевусскій, прійдя въ русское посольство, сказалъ швейцару, чтобы тотъ доложилъ посланнику, что пріѣхалъ его дѣдъ. Швейцаръ взялъ визитную карточку и передалъ ее лакею съ слѣдующими словами: «Доложите князю, что здѣсь какой-то господинъ, должно быть умалишенный, утверждаетъ, что онъ дѣдушка князя!» Но къ удивленію всѣхъ, князь поспѣшно вышелъ къ супругу своей бабушки, обнялъ его сердечнѣйшимъ образомъ и повелъ его къ себѣ на верхъ. Повѣнчанный въ ранней молодости своей со старухой, женился онъ, вторичнымъ бракомъ, вѣроятно для возстановленія равновѣсія, на совершенно юной особѣ, Дашковой; она была очень красива, богата, изъ хорошего дома и, къ удивленію, не смотря на большую разницу въ лѣтахъ, была влюблена въ него по уши. Она умерла во время родовъ. Дочь ея впослѣдствіи вышла замужъ за князя Вильгельма Радзивиллъ, внучка которой стала княгиней Блюхеръ.

Черезъ два года послѣ смерти жены, графъ Ржевусскій женился третьимъ бракомъ на госпожѣ Яшевской, подарившей ему трехъ сыновей. Съ однимъ изъ нихъ, Адамомъ, я познакомилась въ Парижѣ, — онъ былъ молодымъ декаденствующимъ литераторомъ, не безъ дарованія, тѣмъ не менѣе онъ былъ извѣстенъ не такъ своими литературными работами, какъ крупной карточной игрой въ парижскихъ клубахъ. Въ одну ночь онъ проигралъ милліонъ рублей сербскому королю Милану.

Другой братъ моей бабушки, Генрихъ, былъ польскимъ Вальтеръ-Скотомъ. Его наиболѣе извѣстный ро-

манъ «Краковскій Замокъ» описываетъ интересные, но дикіе обычаи его соотечественниковъ въ 17-омъ вѣкѣ.

Младшій изъ братьевъ, графъ Эрнестъ Ржевусскій, командовалъ кавалерійской бригадой на Кавказѣ; я его ясно вижу предъ собой, въ его живописномъ черкесскомъ одѣяніи, въ бѣломъ бешметѣ, увѣшанномъ орденами, вооруженнымъ до зубовъ, всегда готовымъ на всякія военныя и любовныя авантюры, въ которыхъ онъ, конечно, игралъ героическую роль. Къ сожалѣнію, я никогда не знала результатовъ этихъ авантюръ, такъ какъ едва разсказы о нихъ доходили до самаго интереснаго момента, меня высылали изъ комнаты.

Мой дѣдъ со стороны матери имѣлъ сестру, бывшую замужемъ въ Неаполѣ за герцогомъ Санъ-Марко, и другую — въ Венгріи, графиню Нако. Сестра матери моей вышла замужъ за польскаго дворянина Цихоновецкаго. Она жила въ великолѣпномъ охотничьемъ замкѣ въ Литвѣ, принадлежавшемъ Станиславу Августу, и ея сады, устроенные на французскій ладъ, возбуждали восхищеніе во всей окрестности. Одна изъ ея дочерей была замужемъ за барономъ Стьернстедомъ, генералъ-адъютантомъ при дворѣ короля Шведскаго, — другая дочь обручилась съ виконтомъ де-Форзанцъ, военнымъ агапе въ С.-Петербургѣ, командовавшимъ впослѣдствіи кавалерійской бригадой въ Версалѣ.

Герцогиня Деказъ и маркиза де-Бовуаръ были также моими кузинами; эти обѣ сестры, несмотря на ихъ несходство, были обаятельны — одна необычайной добротой, другая — блескомъ и остроуміемъ. Изысканное, широкое гостепріимство де-Бовуаръ, которое она мнѣ оказывала въ

Сандрикурѣ, принадлежитъ къ лучшимъ воспоминаніямъ моего парижскаго пребыванія.

Сильное развитіе во мнѣ космополитизма приписываю я тому обстоятельству, что во мнѣ течетъ кровь различныхъ національностей и что у меня такое разнородное родство. Если этотъ космополитизмъ служилъ мнѣ препятствіемъ для ненависти, то онъ никогда не былъ мнѣ помѣхой для любви. Съ дѣтства любила я Россію больше всего на свѣтѣ и обожала Императора Александра II, въ которомъ я привыкла видѣть свой идеалъ. Это чувство вселилъ въ насъ нашъ отецъ, страстно преданный Императору.

Отецъ мой провелъ свою юность въ Петербургѣ, въ домѣ тетки своей, княгини Барятинской, урожденной графини фонъ Келлеръ, и посѣщалъ гимназію и университетъ вмѣстѣ со своими двоюродными братьями, — съ княземъ Александромъ, впослѣдствіи фельдмаршаломъ и намѣстникомъ Кавказа, княземъ Владиміромъ, впослѣдствіи оберъ-шталмейстеромъ Его Величества, и княземъ Анатоліемъ, впослѣдствіи генералъ-адъютантомъ. Онъ былъ бы чрезвычайно удивленъ, если бы ему сказали, что онъ — не русскій или назвали бы его иностранцемъ. Это названіе, столь любимое въ наше время, было тогда не въ употребленіи. Интересы Россіи были дороги сердцу моего отца, и я вспоминаю изъ ранняго дѣтства моего одинъ день, когда насъ освободили отъ уроковъ и дали намъ шампанскаго — большое событіе для насъ, дѣтей — по случаю побѣды надъ Шамилемъ, для празднованія подавленія возстанія на Кавказѣ.

Націонализмъ, какъ его теперь понимаютъ, существовалъ тогда лишь въ славянофильскихъ кругахъ, о кото-

рыхъ я тогда не имѣла понятія. Я говорю о томъ націонализмѣ, который состоитъ не изъ любви къ отечеству, а скорѣе изъ ненависти къ другимъ.

Въ Житомірѣ, гдѣ отецъ мой былъ губернаторомъ, завязывается глубокая дружба между нашей семьей и семьей генералъ-губернатора князя Васильчикова. Когда княгиня пріѣзжала въ Житоміръ, она всегда останавливалась у насъ; большей частью привозила она съ собой свою дочь Софью, впослѣдствіи графиню Строганову, бывшую старше меня, но съ которой я тѣмъ не менѣе очень подружилась. Будущій генералъ, князь Сергѣй Илларіоновичъ Васильчиковъ былъ тогда маленькимъ мальчикомъ, бѣгавшимъ въ своей бѣлой, вышитой краснымъ, русской рубашкѣ.

Изъ Волыни отецъ мой былъ переведенъ губернаторомъ въ Минскъ, гдѣ въ томъ же году произошло большое событіе: Императоръ Александръ II, пріѣхавъ въ Минскъ, остановился въ домѣ губернатора. Мать моя лежала еще больной въ постели, послѣ родовъ моего младшаго брата; такимъ образомъ я, десятилѣтняя дѣвочка, должна была, по нашему русскому обычаю поднести Императору на порогѣ дома нашего хлѣбъ-соль. Императоръ меня обнялъ и сказалъ: «Пріѣзжайте въ Петербургъ и я дамъ вамъ шифръ». Я никогда не слыхала ни о какомъ «шифрѣ» и еще не знала, что шифръ — это украшенный бриллiантами вензель Императрицы, дающійся, какъ отличіе, придворнымъ дамамъ. На слѣдующій день Императоръ выразилъ желаніе быть крестнымъ у моего маленькаго брата. Въ это же время оба моихъ брата были возведены въ пажи, что дало имъ право на казенный счетъ воспитываться и вступить впослѣдствіи въ гвардію.

Тутъ послѣдовало весьма характерное событіе, о которомъ я уже пятнадцать лѣтъ не упоминала и которое я вдругъ, за годъ до войны вспомнила, когда моя племянница Элла Клейнмихель, представила мнѣ своего жениха, Всеволода Пущина, адъютанта, конногвардейца, павшаго въ эту войну. Прадѣдъ этого молодого Пущина, старый 70 лѣтній декабристъ, жилъ послѣ помилованія и возвращенія изъ Сибири, гдѣ онъ провелъ много лѣтъ на каторгѣ, въ Минскѣ. Это былъ очень любезный старецъ и былъ всегда желаннымъ гостемъ у моихъ родителей.

За полъ года до прибытія Императора далъ мой отецъ въ честь предводителей дворянства званный обѣдъ, къ которому было приглашено все православное и католическое духовенство и вся провинціальная знать.

Въ то время православные и католики жили въ полномъ согласіи, — оба епископа были даже на «ты» и часто посѣщали другъ друга. Послѣ многочисленныхъ тостовъ и изряднаго возліянія, одинъ молодой польскій предводитель дворянства, подъ вліяніемъ присутствія Пущина, вдругъ вздумалъ провозгласить тостъ за здоровье декабристовъ. Наступило мгновеніе необычайной растерянности, страхъ и безпокойство охватили всѣхъ присутствующихъ. Тутъ поднялъ свой бокалъ мой отецъ и громкимъ голосомъ произнесъ слѣдующія слова: «Да, мы пьемъ за здоровіе раскаявшихся декабристовъ, такихъ какъ Всеволодъ Пущинъ, но прежде всего за здоровіе нашего всемилостивѣйшаго Государя Императора Александра II, благодаря добротѣ и великодушію котораго мы имѣемъ теперь возможность видѣть среди насъ Пущина, которому Императоръ простилъ его юношескія заблужденія. Ура!»

— Двѣ недѣли спустя мой отецъ получилъ письмо отъ своего друга Валуева, товарища министра внутреннихъ дѣлъ, въ которомъ онъ сообщалъ, что отецъ мой потеряетъ свой постъ, въ виду того, что присутствовавшій за обѣдомъ жандармскій полковникъ, послалъ, возмущенный, тайный доносъ на то, что полякъ осмѣлился за столомъ у губернатора произнести такой недопустимый тостъ. Валуевъ посовѣтовалъ отцу моему немедленно ѣхать въ Петербургъ для своего оправданія. Отецъ тотчасъ же послѣдовалъ его совѣту, и я помню, какъ мать моя при разставаніи пролила не мало слезъ. Все было приведено скоро въ порядокъ: министръ внутреннихъ дѣлъ Ланской былъ очень благожелательнымъ, справедливымъ человѣкомъ, онъ описалъ Императору это событіе въ его настоящемъ свѣтѣ, и это происшествіе не повлекло за собой никакихъ послѣдствій.

Въ Минскѣ Императоръ вдругъ вспомнилъ объ этой исторіи и, обратившись къ отцу моему, сказалъ: «Какъ хорошо ты тогда отвѣтилъ этому поляку по поводу Пущина (Императоръ всѣмъ говорилъ «ты»), но гдѣ же Пущинъ? Я хочу съ нимъ познакомиться». Полковникъ Кавелинъ, адъютантъ Императора, былъ командированъ привести Пущина, жившаго по близости; Пущинъ былъ приведенъ. Императоръ усадилъ его рядомъ съ собой, разспрашивалъ его съ большимъ интересомъ о прошломъ, объ отдѣльныхъ эпизодахъ заговора, немедленно вернулъ ему званіе подполковника и назначилъ его плацъ-комендантомъ крѣпости Бобруйскъ, чѣмъ тотъ и оставался до конца дней своихъ. — Это событіе указываетъ на духъ тогдашней жандармеріи, этой тайной и вмѣстѣ съ тѣмъ оффиціальной полиціи, лежащей тяжкимъ бременемъ на всѣхъ

должностныхъ лицахъ, какъ крупныхъ, такъ и мелкихъ, при чемъ эти доносчики никогда не были наказуемы.

Императоръ Александръ II былъ иногда безжалостнымъ, но часто былъ рыцарски великодушнымъ. Когда онъ назначилъ Бенкендорфа (дѣда посла въ Лондонѣ) начальникомъ тайной полиціи, которая не подчинялась ни контролю, ни закону, онъ передалъ ему носовой платокъ со словами: «пойми меня хорошо, Бенкендорфъ, — этотъ носовой платокъ долженъ тебѣ послужить для того, чтобы осушать слезы тѣхъ несчастныхъ, которымъ законъ не можетъ помочь и которые лишены возможности обратиться въ судъ». Эта благородная мысль Императора была впослѣдствіи также искажена, какъ идея Христа служителями церкви, и много несправедливостей и ужасовъ было произведено жандармской властью, тѣмъ болѣе сильной, что она была совершенно безотвѣтственна.

Варшава 1861—1862 г.

Широкая автономія была предоставлена Польшѣ въ 1861—62 г. Великій Князь Константинъ, братъ Александра II-го, былъ назначенъ намѣстникомъ Польши. Маркизъ Велепольскій получилъ назначеніе начальника гражданской части, въ то время, какъ отецъ мой занялъ постъ министра внутреннихъ дѣлъ. Въ его распоряженіе былъ предоставленъ прекрасный замокъ Мостовскаго. Жившій во дворцѣ Великій Князь былъ окруженъ блестящей свитой, особенно подчеркивавшей значеніе намѣстничества. Гофмаршаломъ былъ графъ Хрептовичъ, богатый литовскій магнатъ, бывшій ранѣе русскимъ посломъ въ Лондонѣ. Жена его, графиня Нессельроде, была дочерью знаменитаго канцлера Нессельроде.

Великій Князь былъ окруженъ большимъ числомъ адъютантовъ, какъ то: кавалергардомъ, ротмистромъ Киреевымъ, лейтенантомъ Арсеньевымъ (бывшимъ впослѣдствіи воспитателемъ великихъ князей Сергѣя и Павла), графомъ Комаровскимъ, женатымъ на графинѣ Паниной, княземъ Ухтомскимъ, лейтенантомъ Казнаковымъ и другими. Это были все люди высшаго общества и прекраснаго

воспитанія. Было обращено особое вниманіе на то, чтобы они хорошо владѣли французскимъ языкомъ, дабы не вызвать у поляковъ неудовольствія и наоборотъ снискать ихъ расположеніе.

Придворными дамами были графиня Комаровская и госпожа Бибикова, впослѣдствіи княгиня Крапоткина, для замѣщенія которой, спустя нѣкоторое время, была назначена я. Завѣдующимъ канцеляріей Великаго Князя былъ дипломатъ польскаго происхожденія Тенгоборскій, бывшій прежде долгое время атташе въ Даніи. Сестра его была замужемъ за венгерскимъ политическимъ дѣятелемъ графомъ Эстергази.

Оберъ-гофмейстериной Великой Княгини была вдова адмирала Лазарева, геройскаго защитника Севастополя, старшая дочь которой, Таня, была старше меня, младшая же, Анна, вышедшая замужъ за Скалона, была моихъ лѣтъ. Сестра моя и я съ нею очень подружились и дружба наша длилась до ея смерти. Мы всѣ были вскорѣ приглашены принимать участіе въ играхъ маленькой Великой Княжны Ольги (впослѣдствіи Королевы Греческой) и Вѣры (ставшей затѣмъ герцогиней Вюртембергской), Великая княжна Ольга была прелестнымъ ребенкомъ, неописуемой доброты и привѣтливости; ея большіе голубые глаза отражали чистоту ея ангельски доброй души. Весною эти приглашенія во дворецъ, въ Лазенки, были для меня источникомъ большой радости, такъ какъ взамѣнъ комнатныхъ игръ намъ было разрѣшено совершать поѣздки верхомъ въ прелестномъ Лазенковскомъ паркѣ, въ одномъ изъ красивѣйшихъ парковъ Европы.

Еще сегодня вспоминаю я съ большимъ удовольствіемъ о маленькой арабской лошадкѣ, на которой я ѣздила

верхомъ. Князь Павелъ Сангушко, женатый на графинѣ Борхъ, двоюродной сестрѣ моего отца, подарилъ Великой Княгинѣ эту лошадку, происходившую изъ знаменитаго Славутскаго коннаго завода, разрушеннаго во время революціи, въ дни Керенскаго. Собственникъ завода, князь Романъ Сангушко былъ жестокимъ образомъ умерщвленъ солдатами, послѣ того какъ звѣреподобные люди на его глазахъ изнасиловали и убили двухъ его племянницъ.

Домъ моей матери пользовался большою любовью какъ со стороны русскихъ, такъ и поляковъ, и у насъ прилагались всѣ старанія слить эти два элемента. До 11 ч. вечера разрѣшалось моимъ сестрамъ и мнѣ, подъ надзоромъ нашей гувернантки Мисъ Веллеслей, въ углу зала разливать чай. Русская и польская молодежь толпилась вокругъ насъ. Поляки превосходили въ блескѣ русскихъ и ихъ разговоры были интереснѣе и содержательнѣе, но я должна признаться, что я, въ мои пятнадцать лѣтъ, тогда находила большую прелесть въ блестящей формѣ гродненскихъ гусаровъ и голубыхъ и желтыхъ улановъ. Особенной приманкой для гостей въ моемъ родительскомъ домѣ было частое присутствіе госпожи Калерги, урожденной графини Нессельроде, бывшей въ дружбѣ съ Вагнеромъ, Листомъ и Ленбахомъ. Она часто играла у насъ на роялѣ.

Принцъ Эмиль Витгенштейнъ, другъ и родственникъ моего отца, былъ также предоставленъ Великому Князю для особыхъ порученій. Отецъ мой предложилъ ему жить у насъ, такъ какъ замокъ Мостовскаго былъ очень обширенъ. Присутствіе принца Витгенштейна очень содѣйствовало большому оживленію нашего дома. Къ намъ дѣтямъ онъ всегда относился прекрасно. Читалъ намъ часто свои стихи, почти всѣ описывавшіе военные эпизоды во время

его пребыванія на Кавказѣ, о которомъ онъ отзывался съ большимъ восторгомъ. Онъ былъ любителемъ балета, познакомился съ очень тогда извѣстной танцовщицей, Стефанской, на которой онъ впослѣдствіи женился и отъ которой имѣлъ трехъ сыновей. Великій герцогъ Гессенскій подарилъ ей и дѣтямъ ея титулъ бароновъ Клейдорфъ.

Къ этому времени Король Вильгельмъ послалъ трехъ уполномоченныхъ курьеровъ въ Варшаву, чтобы войти съ Великимъ Княземъ въ соглашеніе относительно выдачи политическихъ преступниковъ, въ противоположность Англіи и Франціи, дававшимъ имъ тогда у себя пріютъ. Этими уполномоченными были генералъ-адъютантъ фонъ-Раухъ, братъ графини Елизаветы Ферзенъ и майоръ Берди-де-Барнуа, ставшій впослѣдствіи военнымъ министромъ. Они были торжественно приняты при дворѣ Великаго Князя Константина, приглашавшаго ихъ почти ежедневно къ своему столу, въ то время какъ польское общество ихъ весьма холодно приняло. Они были также частыми гостями въ домѣ моихъ родителей. Генералъ Тресковъ, прототипъ благовоспитаннаго сентиментальнаго нѣмца того времени, нынѣ почти совершенно исчезнувшій типъ, полюбилъ глубоко Таню Лазареву (впослѣдствіи интимную подругу принцессы Маріи Баденской, матери принца Макса), просилъ ея руки, но получилъ отказъ. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе 25 лѣтъ, ежегодно, до самой его смерти, въ день, когда имъ было сдѣлано предложеніе, госпожа Лазарева — гдѣ бы она не находилась — получала отъ него букетъ фіалокъ. Часто въ домѣ моей пратетки, графини Ржевусской урожденной княгини Любомірской, встрѣчалась я съ охотно у нея бывавшими Великимъ Княземъ и Великой Княгиней. Я ясно ее вижу

предъ собой, эту 87 лѣтнюю старуху, сидящую прямо, никогда не опираясь о спинку, въ своемъ креслѣ, въ бѣломъ парикѣ, причесанную по модѣ 20-хъ годовъ. Исторія ея жизни была необычайна. Въ 1793 г. находилась она со своей матерью въ Парижѣ. Ввиду того, что эта послѣдняя была близка къ королевѣ Маріи Антуанетѣ и пользовалась ея добрымъ расположеніемъ, мать и дочь были арестованы и посажены въ тюрьму. Вскорѣ затѣмъ мать забрали и въ телѣгѣ повезли на эшафотъ. Моя прабабушка охотно показывала пожелтѣвшій отъ времени лоскутокъ бумаги, на которомъ, малоразборчиво, кровью, были нацарапаны слова. Эти слова, смыслъ которыхъ можно было съ трудомъ разгадать, были написаны къ ея подругѣ, принцессѣ Салмъ-Салмъ, также казненной въ Парижѣ. Это были трагическія слова матери, полныя отчаянія: «черезъ два часа я умру на эшафотѣ, сжальтесь надъ моимъ ребенкомъ!» Такъ какъ у нея не было ни пера, ни чернилъ, она поранила кускомъ дерева свою руку, чтобы написать эти нѣсколько словъ. Она передала эту записку женѣ тюремнаго сторожа, которой она поручила и свое дитя, съ просьбой разыскать принцессу Салмъ-Салмъ. Наступилъ Термидоръ, царство террора прекратилось, жена тюремнаго сторожа стала прачкой и сохранила у себя маленькую польку, которая изучила ремесло своей пріемной матери и стала черезъ нѣсколько лѣтъ ея поддержкой. Однажды, въ началѣ 19-го вѣка, обѣ онѣ пошли въ гостинницу, отнести бѣлье иностранцамъ, одному старику и другому молодому человѣку, говорившимъ по польски. «Вы говорите», воскликнула маленькая полька — «на томъ языкѣ, на которомъ говорила моя мать!» Иностранцы заинтересовались и старикъ началъ разспрашивать прачку

о молодой дѣвушкѣ. Эта все разсказала и оказалось, что старикъ былъ князь Любомірскій, братъ казненнаго, другой-же, молодой, былъ его племянникъ — графъ Ржевусскій. Князь Любомірскій забралъ свою племянницу Розалію въ Польшу, гдѣ она вышла замужъ за своего кузена, графа Ржевусскаго. Она вела открытый домъ въ Варшавѣ и получила чинъ статсъ-дамы съ бриллiантовымъ портретомъ, высшее назначеніе, которое женщина могла получить при русскомъ дворѣ. (Статсъ-дамы носили усыпанный бриллiантами портретъ Императрицы на лѣвомъ плечѣ). Ее очень цѣнили при дворѣ и въ обществѣ. Дочь ея вышла замужъ за Дона Гонорато князя Теано, впослѣдствіи герцога Сермонета изъ знатнаго рода Гаэтани.

Жена Великаго Князя Константина подарила своего супруга сыномъ; было рѣшено назвать его въ угоду русскимъ — Вячеславомъ, въ угоду же полякамъ — Вацлавомъ. Этимъ надѣялись примирить обѣ славянскія расы, но вышло наоборотъ. Когда русскій, говоря о новорожденномъ, называлъ его Вячеславомъ, полякъ, выходя изъ себя, вызывающе восклицалъ: «Вы хотѣли сказать — Вацлавъ, этотъ ребенокъ родился въ Варшавѣ, онъ — полякъ». Когда же полякъ называлъ его Вацлавомъ — русскіе негодовали и называли это наглостью,

Императоръ Александръ II послалъ своего второго сына Александра,—будущаго Императора Александра III, не бывшаго еще тогда наслѣдникомъ, такъ какъ царевичъ Николай тогда былъ еще живъ, — въ Варшаву держать во время крещенія надъ купелью маленькаго Вячеслава. Кромѣ того, съ тѣмъ же поѣздомъ, прибыли въ качествѣ гостей во дворецъ, въ Лазенки, Великій Князь Михаилъ, братъ Великаго Князя Константина, его супруга, краса-

вица Ольга Федоровна, урожденная принцесса Цецилія Баденская, и прелестная Марія Максимиліановна Лейхтенбергская, впослѣдствіи принцесса Баденская, мать принца Макса. Великій Князь Александръ пріѣхалъ со своимъ воспитателемъ, полковникомъ Литвиновымъ, а Великій Князь Михаилъ съ своимъ гофмаршаломъ Альфредомъ фонъ Гроте, впослѣдствіи оберъ-гофмаршаломъ при дворѣ Императора, моимъ дядей. Графъ Хребтовичъ явился къ моимъ родителямъ съ извѣщеніемъ, что Великая Княгиня выразила желаніе, чтобы при выходѣ послѣ крестинъ ей сопутствовали два пажа, которые держали бы, во время пріема ею поздравленій, ея шлейфъ. Былъ избранъ для этой цѣли сынъ генерала Андрольта де Ланжеронъ, потомокъ французскихъ эмигрантовъ, и вторымъ — палъ выборъ на моего двѣнадцатилѣтняго брата, который нѣсколько лѣтъ назадъ въ Минскѣ (гдѣ отецъ мой былъ губернаторомъ) былъ возведенъ Императоромъ въ пажи.

Для обоихъ были съ большой поспѣшностью заказаны парадныя формы, — короткіе, до колѣнъ, брюки, шелковые чулки и туфли съ пряжками, на бедрѣ у каждаго изъ нихъ висѣла шпага. Въ теченіе недѣли обоимъ юношамъ внушалось, какъ они должны держаться, какъ кланяться и, особенно, — какъ обходиться со шлейфомъ. Для этой цѣли миссъ Веллеслей одѣла шлейфъ и была очень польщена тѣмъ, что разыгрывала роль Великой Княгини; она была неутомима въ этихъ упражненіяхъ и все поощряла обоихъ пажей къ повтореніямъ. Наконецъ великій день наступилъ. Придворный экипажъ прибылъ за обоими тщательно причесанными и одѣтыми, дрожащими отъ волненія, отъ сознанія важности ихъ роли, пажами. Сестрѣ моей и мнѣ также были предоставлены мѣста

въ церкви и мы были приглашены, послѣ обряда крещенія, на завтракъ. День спустя состоялся парадный спектакль въ маленькомъ придворномъ театрѣ, носившемъ названіе — Оранжерея; небольшимъ баломъ, день спустя заключилось торжество. Балъ этотъ былъ данъ въ честь Княгини Маріи Максимиліановны (внучки Евгеніи Богарнэ), любившей чрезвычайно танцы.

Это былъ мой первый балъ. Моя мать находила меня слишкомъ молодой и была противъ того, чтобы я его посѣтила, но за меня замолвила словечко Великая Княгиня, дочь которой была моложе меня, и настояла на допущеніи меня на балъ. Этому обстоятельству я должна быть благодарна за посѣщеніе мною этого торжества, на которомъ мы прекрасно провели время и гдѣ я танцевала котилліонъ съ гвардейскимъ гусаромъ, барономъ Рамзаемъ.

Много лѣтъ спустя сынъ моего кавалера сталъ другомъ моихъ дѣтей и бралъ въ моемъ домѣ первые уроки танцевъ (онъ женился на американкѣ, Миссъ Витегусъ).

— Тутъ слѣдуетъ происшествіе, повлекшее за собою много другихъ. Графиня Хрептовичъ послала своему брату, Графу Дмитрію Нессельроде, черезъ курьера письмо, которое однимъ ретивымъ жандармскимъ полковникомъ было вскрыто, прочтено и передано Великому Князю. Въ этомъ письмѣ была, между прочимъ, слѣдующая фраза: «Польша идетъ быстрыми шагами къ своей полной независимости. Маркизъ Велепольскій — предатель, а Великій Князь и Великая Княгиня — взрослые дѣти, которыхъ онъ забавляетъ и которыхъ манитъ, какъ лакомымъ блюдомъ, короной». Прочитавъ это письмо, Великій Князь и Великая Княгиня были

глубоко огорчены и возмущены, что привело ихъ къ бурному разногласію. Графъ и Графиня Хрептовичъ уѣхали немедленно въ Петербургъ, гдѣ ихъ докладъ не былъ въ силахъ вызвать благосклонное отношеніе къ Великому Князю Константину.

Въ началѣ своего пребыванія въ Польшѣ Великокняжеская чета встрѣчала восторженный пріемъ при своихъ довольно частыхъ выѣздахъ. Но, однажды, спокойствіе всѣхъ было нарушено выстрѣломъ политическаго преступника, подъ именемъ Іонца, что произвело большую перемѣну въ настроеніи русскаго общества. Какъ это часто бываетъ, происходили эксцессы — вмѣсто того, чтобы преслѣдовать только виновныхъ, обрекали на страданія невинныхъ. Сердечныя отношенія, налаживающіяся между русскими и поляками были сразу нарушены. Великій Князь и Великая Княгиня начали появляться въ сопровожденіи многочисленной казачьей охраны, награждавшей нерѣдко толпу, вправо и влѣво, ударами ногайки, что, конечно, не могло послужить привлеченію сердецъ. Единственный изъ окружавшихъ Великую Княгиню, не принимающій участія въ этихъ мѣрахъ пресѣченія, былъ адъютантъ Императрицы, ханъ Крымъ-Гирей. Этотъ магометанинъ былъ послѣднимъ отпрыскомъ старой расы, когда-то владѣвшей Крымомъ. Его внѣшность не имѣла выраженный татарскій типъ, онъ былъ чрезвычайно изящный, очень красивый мужчина и итальянскія черты его лица, которыми всѣ любовались, объясняются тѣмъ, что Крымъ былъ колоніей Грековъ и Генуэзцевъ, и его предки были генуэзскаго происхожденія.

Въ теченіе недѣль, проведенныхъ великокняжеской четой въ Варшавѣ, я часто имѣла возможность видѣть Великаго Князя Александра. Онъ проводилъ всѣ дни у своего двоюроднаго брата, Николая Константиновича и у Великой Княжны Ольги. Тотъ, который впослѣдствіи долженъ былъ стать Александромъ III-мъ — чего тогда никто не могъ предвидѣть — былъ 16—17 лѣтнимъ юношей, большимъ, широкоплечимъ, почти геркулесомъ, полу-мужикомъ, и выглядѣлъ значительно старше своихъ лѣтъ. Черты лица его напоминали калмыка и у него не было и слѣда красоты его братьевъ. Его считали добрымъ, откровеннымъ и справедливымъ, но онъ былъ непріятенъ — застѣнчивъ и шумливъ въ одно время, всегда съ кѣмъ-нибудь боролся, былъ очень неловокъ, переворачивалъ столы и стулья и, вообще, все, что ему попадалось на пути. Меня забавляло наблюденіе за тѣмъ какія усилія употреблялись русскими и поляками, окружавшими Великаго Князя, для того, чтобы обратить на себя его вниманіе, возбудить въ немъ интересъ, объяснить ему многое, въ надеждѣ, что черезъ него ихъ слова дойдутъ къ высшимъ сферамъ. Онъ застѣнчиво ихъ выслушивалъ, дергалъ свой воротникъ и неожиданно удалялся для того, чтобы давать пинки своимъ двоюроднымъ братьямъ или для того, чтобы лакомиться фруктами и пирожными. Великій Князь Константинъ, человѣкъ большого ума и глубокихъ знаній, былъ чрезвычайно рѣзокъ и обращался со своимъ племянникомъ какъ съ ничего не знающимъ ребенкомъ. Онъ называлъ его «косолапымъ Сашкой» («Сашкой съ медвѣжьими лапами») и когда, однажды, послѣдній за столомъ, съ своей медвѣжьей неповоротливо-

стью, перевернулъ графинъ съ виномъ, такъ что вся скатерть стала красной, онъ воскликнулъ: «ишь-ты какого намъ поросенка изъ Петербурга прислали!»

Великій Князь Александръ ничего не отвѣтилъ, но сильно покраснѣлъ и взглядъ, брошенный имъ на дядю, былъ не изъ нѣжныхъ. Боюсь, что его самолюбіе было задѣто. Когда въ 1881 г. онъ вступилъ на тронъ, въ одномъ изъ первыхъ своихъ приказовъ онъ лишилъ своего дядю званія генералъ-адмирала и передалъ его своему брату Великому Князю Алексѣю, и я не разъ задавала себѣ вопросъ: не надо ли искать причинъ частыхъ враждебныхъ выходокъ его противъ Великаго Князя Константина въ гнѣвѣ его за огорченія, причиненныя Великимъ Княземъ ему въ его молодости.

Романъ сестры моей бабушки.

У бабушки моей была сестра, графиня Эвелина Ганска, урожденная графиня Ржевусская, которая, будучи очень молодой, вышла замужъ за стараго графа Ганскаго. Онъ былъ однимъ изъ самыхъ богатыхъ помѣщиковъ волынской губерніи и былъ владѣльцемъ знаменитаго замка Верховнія, который считался образцовымъ произведеніемъ архитектуры. Графъ, очень ревновавшій свою жену, заперъ ее въ эту золотую клѣтку, гдѣ, хотя окруженной всевозможной роскошью, какую могутъ дать большія деньги, ей совершенно недоставало подходящаго для нея общества, такъ какъ она видала вокругъ себя лишь своихъ подчиненныхъ (компаніонокъ, капелановъ, библіотекарей и т. д.) и изнемогала отъ скуки.

Въ то время — о которомъ я только что говорила — Бальзакъ былъ излюбленнымъ писателемъ. Сестра моей бабушки, чрезвычайно начитанная — вѣдь чтеніе было ея единственнымъ развлеченіемъ — съ истиннымъ вдохновеніемъ поглощала произведенія Бальзака и задумала вступить съ нимъ въ переписку. Ея старый мужъ не препятствовалъ этому литературному развлеченію и видѣлъ въ

этомъ кокетствѣ ума, да, я сказала бы, въ этой разсудочной любви къ незнакомому лично человѣку, котораго она не должна была увидѣть — средство отвлеченія отъ какой-либо менѣе идеальной любви, которую болѣе опасный, реальный соперникъ, могъ бы вызвать въ ея сердцѣ. Онъ только поставилъ условіемъ, чтобы письма его жены не были подписаны ея именемъ и чтобы Бальзакъ не узналъ, кто она такая. Разъ въ недѣлю лакей отправлялъ письмо къ Бальзаку и доставлялъ отвѣтъ, приходившій въ Бердичевъ на условное имя, до востребованія. Эта переписка продолжалась много лѣтъ — точно не могу опредѣлить ихъ числа. Я только знаю, что многія изъ этихъ писемъ фигурируютъ въ романахъ Бальзака, какъ напримѣръ, въ «Лилія долины» и въ «УрзулъМіруэтъ».

— Проходили годы. Старый супругъ тяжело заболѣлъ; съ нимъ случилось нѣсколько ударовъ, приведшихъ его къ полному параличу. Поѣхали въ Петербургъ для консультаціи съ лучшими авторитетами, которые посовѣтовали австрійскій курортъ и графиня, вмѣстѣ съ бѣднымъ парализованнымъ и ихъ восьмилѣтней дочерью, уѣхали въ Вѣну. Однажды сидѣла она возлѣ своего неподвижно лежавшаго въ креслѣ, утратившаго уже даръ слова, супруга, жизнь котораго проявлялась лишь въ живомъ, колющемъ взглядѣ, какъ вдругъ она услыхала крикъ; это былъ голосъ ея ребенка. Она бросилась по направленію крика и увидѣла, что маленькая Анна, игравшая съ обручемъ, упала въ бассейнъ фонтана. Прохожій бросился вслѣдъ за ней и спасъ дрожащее отъ холода и страха дитя, передалъ его матери и представился, — это былъ Бальзакъ!

Здѣсь начинается романъ, который съ этой минуты перестаетъ быть чисто разсудочнымъ, романъ на глазахъ парализованнаго, который могъ только взглядами выражать свой протестъ. Бальзакъ сталъ неразлученъ съ супружеской четой, сопутствовалъ ей въ Петербургъ, гдѣ, передъ возвращеніемъ на Украину, они задержались на продолжительное время. Бальзакъ хлопоталъ объ аудіенціи у Императора Николая, въ которой ему тѣмъ не менѣе было отказано, а общество восторгавшееся его книгами, было по отношенію къ нему чрезвычайно сдержанно. Это было въ то время, какъ онъ произнесъ свою извѣстную фразу: «я получаю пощечину, предназначенную Кустину». Графъ Кустинъ былъ годъ назадъ чрезвычайно тепло принятъ въ Петербургѣ при дворѣ и въ обществѣ, и издалъ книгу, въ которой весьма нелестно, между прочимъ, отозвался о Бальзакѣ.

Николай I-й сказалъ: «Я ничего о немъ больше знать не хочу», и всѣ двери оказались для Бальзака закрытыми.

Изъ Петербурга Ганскіе, все время въ сопровожденіи Бальзака, уѣхали въ свое помѣстіе, гдѣ сестра бабушки моей, немного спустя, потеряла своего мужа и вышла замужъ за своего полубога. Эта связь была тѣмъ не менѣе кратковременной. Они уѣхали въ Парижъ, гдѣ она купила себѣ большой домъ, но годъ спустя Бальзакъ въ немъ-же умеръ. Улица понынѣ носитъ его имя.

Я часто затѣмъ видѣла сестру моей бабушки въ ея домѣ, который походилъ на полный благоговѣнія памятникъ Бальзаку. Она жила тамъ съ своей единственной дочерью и ея супругомъ, графомъ Георгіемъ Мнишекъ, послѣднимъ потомкомъ рода Мнишекъ, къ которому принад-

лежала и знаменитая Марина Мнишекъ, вышедшая замужъ за Лже-Димитрія. Оба брата Георгій и Леонъ Мнишекъ были владѣльцами Вшиневцовъ, гдѣ Лже-Димитрій сочетался бракомъ съ Мариной, (я была тамъ ребенкомъ и помню еще и теперь золотой экипажъ молодоженовъ). Супруга Леона Мнишекъ, урожденная Потоцкая, была владѣлицей Ливадійскаго дворца, находящагося въ Крыму и впослѣдствіи проданнаго ею Александру II. Въ этой царской резиденціи умеръ Александръ III.

Я вспоминаю теперь о едва ли не единственномъ стихотвореніи написанномъ Бальзакомъ въ шутку, своей женѣ, стихотвореніи часто цитируемомъ въ нашей семьѣ. Прошло болѣе 50-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ я его слыхала и могу привести его лишь въ выдержкахъ, и если въ немъ встрѣчаются ошибки въ стихосложеніи, то это, вѣроятно, болѣе моя вина, чѣмъ Бальзака:

La Polonaise.

Partir, et puis ne plus partir,
Beaucoup promettre et peu tenir,
A tout, amoureux de la veille,
Ouvrir toujours un peu l'oreille,
Et la porte à tout venant.
Vous rappeler qu'on est comtesse,
Et faire fi de la noblesse,
Pour la roture du talent.
Plaisanter chimie, physique,
Nier grec et nier latin,
Traiter Rossini de bambin
Et n'admettre en fait de musique
Que la mazurka de Chopin.
N'est-ce pas là la Polonaise

Telle qu'on la voit à Paris?
Par l'esprit seul un peu française
Et par le coeur de son pays.
Véritable oiseau de passage,
Qui mène sa vie en garni,
Sûr de trouver sur tout rivage
Un arbre au vert feuillage
Pour y poser . . . son nid,
Quand Eve, notre vieille mère,
Eut cette trop fameuse faim
Qui compromit le genre humain,
Au moins, cette femme légère
C'est qu'Eve était Française;
Suivit Adam dans sa misère.
Eut-elle été Polonaise,
Notre sort eut bien changé!
Que serait devenu l'homme?
Car Eve aurait cueilli la pomme,
Mais n'en aurait jamais mangé.

Если я сказала, что это стихотвореніе было едва ли не единственнымъ стихотвореніемъ Бальзака, то я ошиблась. Помню я — въ 1857 г. я часто видала мою тетю, лежащей въ креслѣ подъ прекраснымъ портретомъ, работы Бакіарелли, знаменитаго итальянского художника, бывшаго при дворѣ короля Станислава Августа. Портретъ этотъ изображалъ отца моей тетки, графа Адама Ржевусскаго — польскаго посланника при саксонскомъ дворѣ — «красавца Ржевусскаго», какъ его называли въ мемуарахъ того времени. Его двоюродный братъ, Северинъ Ржевусскій, вмѣстѣ съ Потоцкимъ и Браницкимъ подписали договоръ въ Тарговицахъ, по которому Польша перешла къ Россіи.

Я видала у моей тетки старую, поблекшую гравюру, изображавшую его. Эта гравюра была ея первымъ подаркомъ Бальзаку послѣ ихъ встрѣчи въ Шенбрунѣ и на ней я видѣла слѣдующее, рукою Бальзака написанное, четверостишіе:

Que j'aime ce portrait malgré sa couleur sombre!
Comme il est ressemblant! Comme il parle à mon coeur!
On a dit bien souvent: «Le bonheur est une ombre!»
Moi, je dis à mon tour: «Une ombre est du bonheur!»

Три современныя леди Годив'а.

Моя бабушка и жена Бальзака имѣли еще третью сестру, бывшую въ первомъ бракѣ за графомъ Собанскимъ. Отъ этого брака происходитъ княгиня Сапѣга. Ввиду того, что сестра моей бабушки очень рано овдовѣла, она вышла замужъ за полковника Чирковича, вице-губернатора Крыма. Послѣ его смерти, уже пятидесяти лѣтъ, вступила она въ третій разъ въ бракъ — съ писателемъ Жюлемъ Лакруа, братомъ библіофила Якова, составившаго, между прочимъ, жизнеописаніе Николая I-го.

Въ 20-хъ годахъ сестра моей бабушки, вмѣстѣ со своимъ вторымъ мужемъ, жила въ Крыму. Она была необычайно красива. Генералъ-губернаторъ всего юга Россіи, графъ де Витъ, страстно въ нее влюбился и она, на этомъ основаніи, въ теченіе многихъ лѣтъ разыгрывала роль вице-королевы Крыма.

Княгиня Воронцова, урожденная княжна Браницкая, и госпожа Нарышкина, урожденная Потоцкая, обѣ необычайныя красавицы, были ея интимнѣйшими, неразлучными подругами. Въ хроникѣ тогдашнихъ дней сообщаются совершенно фантастическія свѣдѣнія объ этихъ трехъ

дамахъ. Между прочимъ эти современныя леди Годив'ы, какъ разсказываютъ, въ ясную, лунную ночь совершили поѣздку верхомъ, въ костюмахъ Евы до ея грѣхопаденія. Въ англійской балладѣ говорится, что тотъ любопытный, который посмѣлъ взглянуть на леди Годив'у, ослѣпъ. Такая кара не постигла тѣхъ многихъ любопытствующихъ въ Крыму, когда мимо нихъ проскочила галопомъ эта ночная кавалькада. — Еще слѣдующее слыхала я о нихъ въ моей юности: эти три дамы сходились изрѣдка съ какой-то таинственной особой, французской эмигранткой. О религіозности и добрыхъ дѣлахъ этой особы ходили слухи по всему Крыму. Но она избѣгала говорить о своемъ прошломъ; ея же прислуга тайкомъ передавала, что она носила постоянно полосу изъ оленьей шкуры на тѣлѣ, на груди, и что она эту полосу не снимала, даже сидя въ ваннѣ. Послѣ ея смерти выяснилось, что этой оленьей шкурой она скрывала обезчесчивающее ее клеймо на плечѣ, выженное палачемъ. Какъ бы то ни было, въ Крыму распространился слухъ, что усопшая была прославленная де ла-Моттъ, печальная героиня исторіи съ ожерельемъ королевы. Она обитала въ зеленомъ домѣ, въ Кореизѣ, помѣстьи князя Юсупова и туристамъ показываютъ ея гробницу въ Старомъ Крыму.

Веве въ 1868-1869 г.

Въ 1868—69 году была я вмѣстѣ съ Великой Княгиней, супругой Великаго Князя Константина, въ Монтрэ. Въ то время Великія Княгини путешествовали не такъ часто, какъ теперь. Каждое пребываніе ихъ за границей считалось большимъ событіемъ, о немъ писалось въ газетахъ, какъ будто это представляло общій интересъ. Высокіе путешественники были окружены большою роскошью, ѣздили въ сопровожденіи большой свиты, швыряли деньгами. Гофмаршаломъ, назначеннымъ для сопровожденія Великой Княгини, былъ финляндскій адмиралъ, баронъ Бойе; кромѣ того ее сопровождалъ врачъ, докторъ Михайловъ и пьянистъ Кюндигеръ. Великая Княгиня везла съ собою собственный рояль, такъ какъ ни на какомъ другомъ играть не хотѣла. Можно себѣ представить удивленіе, вызываемое на каждомъ вокзалѣ этимъ громоздкимъ предметомъ. Для прислуживанія ей сопутствовало 15 человѣкъ 4 горничныя, изъ которыхъ главная носила названіе камердамы, что равнялось почти фрейлинѣ; она была вдовой лейтенанта. Затѣмъ слѣдовали массажистка, камердинеръ-парикмахеръ, камердинеръ-хранитель драгоцѣн-

ностей, два лакея и кавказецъ, унтеръ-офицеръ — полу-слуга, полу-воспитатель юнаго Великаго Князя. У барона Бойе былъ свой собственный камердинеръ. Баронессу Роткирхъ, подругу Великой Княгини, сопровождала, также, какъ и меня, собственная камердама.

Къ особамъ, особенно часто бывавшимъ въ Монтрэ, въ виллѣ Ришелье у Великой Княгини, принадлежалъ Донъ-Карлосъ, претендентъ на испанскій престолъ. Онъ жилъ со своей многочисленной свитой на сосѣдней виллѣ. Свита его состояла изъ испанскихъ легитимистовъ, подъ названіемъ „Blancs d'Espagne."

Донъ Карлосъ былъ тогда очень красивъ, типъ романтическаго авантюриста. Часто проѣзжалъ онъ мимо насъ на своемъ прекрасномъ, бѣломъ конѣ, въ черномъ плащѣ, въ красномъ, такъ идущемъ къ смуглому цвѣту его лица, баскійскомъ беретѣ. Онъ былъ обыкновенно окруженъ многими своими единомышленниками, изъ которыхъ мнѣ были знакомы его капеланъ и его учитель фехтованія.

Принцъ Вильгельмъ Прусскій, ставшій впослѣдствіи Императоромъ Вильгельмомъ II и его братъ Генрихъ, провели также осень, вмѣстѣ со своимъ воспитателемъ Гинцпетеромъ и его женой, въ Кларансѣ. Они иногда посѣщали Великую Княгиню (которую они называли: «тетя Санни») и ея двоюроднаго брата — Вячеслава, но ввиду того, что она была значительно развитѣе и болѣе успѣвавшей въ наукахъ, чѣмъ они, отношенія между дѣтьми не были никогда интимными. Принцъ Вильгельмъ былъ очень живымъ мальчикомъ, остроумнымъ, всегда готовымъ на веселую шутку, самоувѣреннымъ. Принцъ Генрихъ, въ противоположность ему, былъ скроменъ, застѣнчивъ и держался всегда въ тѣни. Въ Hôtel Monnet, въ Веве,

было много русскихъ, между прочимъ князь Андрей Трубецкой съ супругой, урожденной Смирновой, графъ и графиня Шуваловы съ дѣтьми, съ которыми я часто сходилась; старшая дочь вышла замужъ за князя Долгорукова, впослѣдствіи ставшаго оберъ-гофмаршаломъ двора. Вторая дочь повѣнчалась съ казацкимъ офицеромъ Орловымъ, сынъ котораго — Иванъ Орловъ въ началѣ революціи жестокимъ образомъ былъ убитъ казаками. Третья дочь, Софія, стала женою графа Бенкендорфа, послѣдняго посла въ Лондонѣ. Маленькая Миньона, общая любимица, вышедшая впослѣдствіи замужъ за графа Андрея Бобринскаго, была тогда очаровательной шестилѣтней дѣвочкой.

Большимъ наслажденіемъ было для меня также общеніе съ княгиней Биронъ, урожденной княжной Мещерской. Она была чрезвычайно добра ко мнѣ и постоянно меня приглашала къ себѣ. Великая Княгиня, супруга Великаго Князя Константина, была очень дружна съ княгиней Биронъ, часто съ нею видалась и радовалась ея хорошему отношенію ко мнѣ.

Я была тогда вся подъ впечатлѣніемъ русскаго романа, обратившаго тогда на себя вниманіе: «Ледяной Домъ» Лажечникова, въ которомъ описывалось соперничество двухъ государственныхъ дѣятелей того времени — чужестранца Бирона и національнаго героя Волынскаго.

Я теперь не думаю, чтобы Іоаннъ Эрнстъ Биронъ былъ болѣе жестокъ, чѣмъ его современники. Онъ былъ — дитя своего времени, а это было жестокое время. Если костры священной инквизиціи пылали во всѣхъ городахъ Испаніи и Италіи, если послѣ столѣтій культуры, въ Нюрнбергѣ желѣзная дѣва пробуравливала объятіями своихъ соотечественниковъ, если прекрасная Франція и веселая Англія

управлялись ужасными судами, мудрено-ли, что Россія, отставшая на много лѣтъ, примѣняла кнутъ, семихвостку и четвертованіе? Но тогда я возмущалась Бирономъ. Я читала, что онъ желавшихъ его предать украинскихъ делегатовъ (посланныхъ) велѣлъ обратить въ ледяныя статуи. Ихъ обливали водою въ морозную январскую ночь, пока они не обратились въ ледяныя глыбы. Это контрастъ къ факеламъ Нерона. Я была въ ужасѣ отъ этихъ описаній и представляла себѣ потомка Іоанна Эрнста Бирона, этого ужаснаго фаворита Императрицы Анны Іоанновны, грубымъ, жестокимъ ребенкомъ, и я была почти разочарована при видѣ маленькаго Бирона, этого благовоспитаннаго, нѣжнаго мальчика, въ черномъ бархатномъ костюмѣ, съ мягкими чертами симпатичнаго лица, со всей его изящной внѣшностью. Онъ былъ чрезвычайно привязанъ къ своей матери, былъ очень хорошо воспитанъ и привѣтливъ со всѣми. Я не могла никакъ себѣ представить, что это — отпрыскъ человѣка, тиранизировавшаго всю Россію, Украинцевъ и жителей Дона. Я была увѣрена, что этотъ лоскъ былъ только внѣшнимъ и что я скоро наткнусь на черты варвара. Весь дворъ Великой Княгини зналъ объ этихъ моихъ предположеніяхъ и, когда я возвращалась отъ Бироновъ, меня обыкновенно встрѣчали одними и тѣми же вопросами: «Ну, какъ на этотъ разъ съ великими психологическими наблюденіями? Укусилъ ли кого-нибудь молодой Биронъ, вставилъ ли кому-нибудь булавки въ сидѣніе или выкололъ глаза кошкѣ? Какую жестокость онъ совершилъ?» И каждый разъ я должна была признаваться, что юный Биронъ не совершалъ ничего противорѣчащаго его хорошему воспитанію, и Великая Княгиня, очень его любившая, ставила его постоянно въ при-

мѣръ своему сыну Вячеславу, котораго его дядька, унтеръ-офицеръ, кавказецъ, конечно, не могъ научить утонченнымъ манерамъ.

53 года прошло съ того времени, какъ я предавалась этимъ моимъ психологическимъ наблюденіямъ. Между тѣмъ, за это время я часто въ жизни встрѣчалась съ принцемъ Бирономъ, видѣла его юношей, зрѣлымъ мущиной, и всегда встрѣчала въ немъ тѣ же черты, которыя я замѣчала у него въ дѣтствѣ: его вѣжливость, привѣтливость, доброту. Я имѣла также случай познакомиться съ его женой и испытать на себѣ обаяніе ея личности. Вторая жена принца Бирона, была урожденной Жанкуръ, дочерью маркиза де Жанкуръ, одного изъ благороднѣйшихъ людей Франціи. Его супруга, привѣтливая маркиза де Жанкуръ, была одной изъ самыхъ замѣчательныхъ женщинъ Франціи и ея салонъ въ теченіи 25 лѣтъ считался необычайно изысканнымъ.

Что касается воспитанія маленькаго Великаго Князя, то его несчастный воспитатель, во время нашего пребыванія въ Лейпцигѣ, такъ напился въ трактирѣ, что студенты принесли его бездыханное тѣло въ ярмарочный баракъ, гдѣ они его показывали за деньги, сдѣлавъ надпись: «Казакъ и Олень» (къ несчастью онъ былъ въ національномъ костюмѣ). Въ этомъ видѣ нашелъ его баронъ Густавъ фонъ Герсдорфъ, камергеръ Короля Саксонскаго, прикомандированный къ особѣ Великой Княгини.

По поводу Густава фонъ Герсдорфъ вспомнилось мнѣ маленькое происшествіе, вызванное юнымъ Вячеславомъ при саксонскомъ дворѣ. Великая Княгиня гостила нѣсколько дней въ Дрезденѣ, у Короля Іоанна Саксон-

скаго (отца Короля Саксонскаго Альберта). Передъ завтракомъ мы всѣ собрались въ одномъ изъ залъ. Маленькій восьмилѣтній Великій Князь спросилъ о чемъ-то фонъ Герсдорфа, который ему шутя отвѣтилъ: «какъ прикажете — вѣдь, вы господинъ, а я слуга вашъ», чего, конечно, умнѣе было бы не говорить ребенку. Собирались къ столу, и юный Великій Князь вдругъ крикнулъ рѣзкимъ голосомъ, указывая пальцемъ на фонъ Герсдорфа: «мама, погляди, слуга тоже сѣлъ за столъ». Всѣ обратили изумленные взгляды на ребенка. Великая Княгиня покраснѣла и въ ужасѣ воскликнула: «Вячеславъ, ты съ ума сошелъ? перестанешь ли ты говорить глупости!» «Но, мама, я, вѣдь, не говорю глупостей! Это — правда! онъ самъ мнѣ сказалъ, что онъ — слуга».

Смущеніе охватило всѣхъ и бѣдный фонъ Герсдорфъ сталъ застѣнчиво давать разъясненія.

Моя первая любовь.

Отецъ мой былъ назначенъ сенаторомъ перваго административнаго Департамента и моя мать уѣхала съ моей сестрой и мною на зиму въ Парижъ.

Чаще всего мы посѣщали домъ русскаго посланника въ Парижѣ — барона Будберга, интимнаго друга и товарища моего отца. Я брала уроки танцевъ, и стала постоянной прiятельницей Мими Будбергъ и ея братьевъ Петра, Теодора и Александра. Баронесса Будбергъ вышла впослѣдствiи замужъ за князя Виктора Гагарина. Уроки танцевъ происходили попремѣнно то въ русскомъ посольствѣ, то въ Тюльери у герцогини Тахеръ де-ла Пажери, мужъ которой былъ оберъ-гофмейстеромъ двора. Между нашими танцорами, 16—20 лѣтней молодежью, были многiе изъ тѣхъ, съ которыми я впослѣдствiи встрѣчалась въ жизни. Тамъ былъ Митя Бенкендорфъ, чья мать, во второмъ бракѣ, была за Маркизомъ д'Анъ и жила въ то время въ Брюсселѣ. Она часто прiѣзжала въ Парижъ, навѣщать воспитывавшагося тамъ сына. Былъ тамъ также и маленькiй Карлъ Алменда, морганатическiй внукъ принца Карла Баварскаго, котораго я

впослѣдствіи часто встрѣчала въ Петербургѣ, какъ секретаря посольства. Затѣмъ тамъ находился графъ Евгеній фонъ Валднеръ-Фрейдштейнъ, происходившій изъ высокопоставленной эльзасской семьи и Александръ Аппоній, мать котораго была урожденной Бенкендорфъ. Изъ молодыхъ дѣвушекъ были: Нинетъ Агвадо, впослѣдствіи герцогиня Монмаренси, мадемуазель де Бассано и леди Мери Гамильтонъ, впослѣдствіи княгиня Монако, а нынѣ княгиня Фестетицъ. Постояннымъ посѣтителемъ домовъ Будбергъ и Тахеръ де-ла Пажери былъ совѣтникъ посольства графъ Эбергартъ фонъ Сольмсъ-Сонневальде. Сорокапятилѣтній, высокій, стройный блондинъ, онъ обладалъ изысканной внѣшностью, былъ прекраснымъ танцоромъ, и охотно былъ съ нами, самыми младшими въ этомъ обществѣ. Онъ часто со мною танцовалъ, что мнѣ очень льстило и я проводила съ нимъ время охотнѣе, чѣмъ съ другими вышеназванными кавалерами. При его приближеніи меня охватывало большое волненіе, я краснѣла, и Будбергская молодежь скоро подмѣтила, какъ меня очаровалъ Сольмсъ и не скупилась, по отношенію ко мнѣ, въ насмѣшкахъ. — Однажды молодежь дошла до того, что я залилась слезами, что ее чрезвычайно испугало и она, предоставивъ меня моимъ страданіямъ, начала о чемъ то въ уголкѣ перешептываться. Когда графъ Сольмсъ подошелъ пригласить меня на туръ вальса, онъ замѣтилъ мои красные, опухшіе глаза и участливо спросилъ меня, о причинѣ моей печали. Я очень покраснѣла и глаза мои снова наполнились слезами. Онъ, очевидно, давно замѣтилъ то впечатлѣніе, которое онъ на меня произвелъ и это, въ одно и тоже время, и льстило, и забавляло его. Онъ былъ осо-

бенно внимателенъ ко мнѣ и я вернулась домой успокоенной и совершенно очарованной. Но всю ночь я не смыкала глазъ.

Прошли недѣли, уроки танцевъ окончились. Я продолжала тайкомъ боготворить Сольмса и онъ поддерживалъ мое все болѣе разгорающееся чувство всевозможными знаками вниманія, посылалъ мнѣ конфекты, приносилъ намъ билеты въ театръ и, наконецъ, приподнесъ мнѣ вѣеръ, расписанный его рукою, которымъ я восхищалась болѣе, чѣмъ всѣми произведенніями старыхъ и новыхъ мастеровъ. Мнѣ хочется о немъ подробнѣе поговорить. Какъ младшій членъ многочисленнаго семейства, старшій сынъ котораго являлся владѣльцемъ маіората, вступилъ онъ офицеромъ въ конно-гвардейскій полкъ, надѣлалъ долги и долженъ былъ бросить службу въ полку. Безъ всякихъ средствъ уѣхалъ онъ въ Дрезденъ изучать живопись, жилъ тамъ чрезвычайно бѣдно и зарабатывалъ хлѣбъ насущный писаньемъ портретовъ. Когда его дядя умеръ, оставивъ ему небольшое наслѣдство, его родственники, доложили кое-что, чтобы дать ему возможность пойти по дипломатической части. Онъ былъ дѣловитъ, хорошо выглядѣлъ и его старинное имя обезпечивала ему хорошіе связи. Онъ скоро сдѣлалъ блестящую карьеру.

Въ то время въ прусскомъ посольствѣ въ Парижѣ работали люди высокопоставленные. Секретарями посольства въ Парижѣ былъ тогда принцъ Генрихъ VII фонъ Рейсъ, графъ Линаръ и графъ Гацфельдъ, бывшій впослѣдствіи посломъ въ Лондонѣ. Всѣ они были охотно приняты при дворѣ Наполеона III, и флиртъ Императрицы съ принцемъ Генрихомъ VII фонъ Рейсъ былъ всѣмъ

извѣстенъ. Однажды, когда мы въ саду посла, у Будберговъ, играли въ прятки, что давало намъ возможность уединяться, графъ Сольмсъ, нѣжно глядя на меня, сказалъ: «если-бы я могъ Вамъ предложить подходящій для Васъ домъ или Вы были бы богатой американкой, подобно невѣстамъ моихъ друзей Линара и Гацфельда, я бы просилъ Вашей руки. При мысли, что Вы можете выйдти за другого, меня охватываетъ такая злоба, что я могъ бы этого другого задушить. Ахъ, если бы я имѣлъ независимое положеніе, обезпеченное существованіе, съ какой радостью я взялъ бы Васъ себѣ въ жены; а Вы, малютка, взяли ли Вы бы меня?»

Когда я теперь, спустя 58 лѣтъ, вспоминаю объ этомъ, мнѣ кажется, что это было лишь странной фантазіей съ его стороны. Но тогда, меня, шестнадцатилѣтнюю, влюбленную, дѣлала счастливой мысль, что онъ проситъ моей руки. Я ему отвѣтила, что я никогда не выйду за другого, хоть бы я ждала сто лѣтъ до тѣхъ поръ, пока онъ будетъ имѣть хорошій постъ и обезпеченное положеніе.

Всю ночь провела я безъ сна и подъ утро меня осѣнила необыкновенно дерзкая мысль, которая можетъ найти себѣ оправданіе лишь въ моей молодости, неопытности и обуревавшихъ меня чувствахъ. Я схватила перо и написала письмо Королю Вильгельму. Я часто видала Короля въ Вильдбадѣ и въ Эмсѣ, гдѣ онъ нѣсколько разъ посѣтилъ мою мать. Я и теперь еще вспоминаю, несмотря на долгіе, долгіе годы, какъ билось мое сердце, когда я писала это письмо. Содержаніе его таково: «Ваше Величество, преклоняясь съ благоговѣніемъ передъ осо-

бой Вашего Величества, хотѣла бы я напомнить Вамъ слова Вашего Величества.

Когда Вы въ Вильдбадѣ возложили Ваши руки на мою голову, Вы сказали: «Я надѣюсь, что это дитя будетъ счастливой». Ваше Величество, я люблю одного изъ Вашихъ подданныхъ, графа Эбергарта Сольмса, и онъ меня также любитъ. Единственнымъ препятствіемъ нашему союзу, нашему счастью служитъ то обстоятельство, что мы оба безъ средствъ. Вчера графъ мнѣ сказалъ, что, если бы онъ имѣлъ независимое положеніе, онъ сдѣлалъ бы мнѣ оффиціальное предложеніе. Ваше Величество, Вамъ было бы такъ легко содѣйствовать нашему счастію. Вы располагаете столькими мѣстами. Назначьте его куда-нибудь, гдѣ бы онъ имѣлъ возможность жить совмѣстно со мною и разрѣшите мнѣ отнынѣ подписываться вѣрноподданной Вашего Величества.

Ни графъ, ни мама не знаютъ ни слова объ этомъ письмѣ. Я боюсь, что они очень были бы разсержены узнавъ о немъ, умоляю Васъ, Ваше Величество, не выдавать моей тайны». На слѣдующее утро, когда я вышла въ сопровожденіи моей камерфрау, я отправила это письмо и ждала послѣдствій моего поступка.

Прошло два мѣсяца и я начинала думать, даже была исполнена увѣренности, что письмо никогда не достигнетъ своего назначенія. Я жила въ постоянной лихорадкѣ: давая волю голосу разсудка, я начинала понимать какъ неумѣстенъ и дерзокъ былъ мой поступокъ. Наконецъ, однажды, насъ посѣтилъ графъ фонъ Гольцъ, прусскій посланникъ въ Парижѣ, и передалъ моей матери конвертъ, полученный имъ для нея изъ Берлина. Въ кон-

вертѣ находились два письма: одно къ моей матери, другое ко мнѣ.

Король писалъ мнѣ слѣдующее:

«Милое дитя, Ваше письмо сердечно меня тронуло, я счастливъ, что могу сказать Вамъ сегодня, что я нашелъ средство сдѣлать Васъ счастливой. Я не могъ ранѣе отвѣчать, такъ какъ надо было много обдумать и переговорить съ графомъ Бисмаркомъ. Создался новый постъ завѣдующаго дѣлами Короля Максимиліана Мексиканскаго. Этотъ постъ будетъ предложенъ графу Сольмсу. Будьте счастлива, мое дитя.

Вильгельмъ Rex».

Я всегда хранила это письмо стараго Короля и отъ времени до времени въ умиленіи его перечитывала.

Среди вещей разграбленныхъ у меня большевиками, находился и этотъ документъ необычайной душевной теплоты и доброты сердечной, утрата котораго для меня чрезвычайно чувствительна.

Графъ Сольмсъ, не находившійся тогда въ Парижѣ, былъ вызванъ въ Берлинъ, гдѣ онъ получилъ свое назначеніе, съ удовольствіемъ имъ принятое. Но вскорѣ послѣ того въ Мексикѣ вспыхнула революція и Максимиліанъ былъ застрѣленъ. — Такимъ образомъ, очевидно, все кануло въ воду. Я тяжело заболѣла. Моя мать очень сердилась на меня за эту исторію, особенно же за мое недовѣріе къ ней. Я откровенно написала обо всемъ моему отцу. Онъ пріѣхалъ въ Парижъ, былъ очень ласковъ ко мнѣ и взялъ меня съ собою въ Петербургъ. Вскорѣ затѣмъ я получила назначеніе ко двору.

Пятнадцать лѣтъ спустя, уже нѣсколько лѣтъ овдовѣвшая, проводила я зиму въ Римѣ, такъ какъ мою

младшую сестру, перенесшую воспаленіе легкихъ, послали на югъ. Я была тамъ принята очень сердечно тремя родственными мнѣ семьями. Это были, со стороны отца, Хиги и Малатеста, и со стороны матери герцогъ фонъ Ормонта и графиня Таида Ржевусская, которая занимала прелестную квартиру на Піаца ди Спанье и имѣла, какъ говорятъ, лучшаго повара въ Римѣ. Въ этихъ четырехъ салонахъ встрѣчалась я часто съ графомъ Эбергартомъ фонъ Сольмсъ, бывшимъ нѣмецкимъ посломъ въ Римѣ. Онъ былъ чрезвычайно привѣтливъ ко мнѣ, часто меня посѣщалъ, приглашалъ меня къ обѣду и хотѣлъ во что бы то ни стало писать портретъ съ моихъ дѣтей. Въ одинъ прекрасный день сдѣлалъ онъ мнѣ формальное предложеніе, но я уже не была шестнадцатилѣтней дѣвочкой; я очень дорожила моимъ независимымъ положеніемъ, очень восхищалась Россіей, любила петербургскую жизнь и не хотѣла покидать мою родину. Такимъ образомъ нашъ романъ пришелъ къ концу. Несмотря на это мы остались лучшими друзьями и я постоянно съ нимъ встрѣчалась, проѣздомъ въ Берлинъ, гдѣ онъ поселился вслѣдъ за потерею имъ мѣста посла. Онъ жилъ въ прекрасной квартирѣ, на Брюккеналлэ, и домъ его былъ чрезвычайно гостепріимнымъ. Въ послѣдній разъ видала я его въ 1913 г. Онъ былъ при смерти, прикованъ къ постели и очень обрадовался моему посѣщенію. Два часа находилась я у него, согрѣвала моими руками его холодныя какъ ледъ руки и ушла отъ него лишь тогда, когда онъ уснулъ. Двѣ недѣли спустя онъ умеръ.

Послѣ моего бѣгства изъ Петербурга въ 1919 г., встрѣтила я у графини Коцебу-Пиларъ князя Л., любезнаго,

корректнаго человѣка старой школы; онъ былъ женатъ на племянницѣ графа Эбергарта Сольмса. Отъ него я узнала, что онъ много слыхалъ обо мнѣ отъ своего дяди. Нѣсколько дней спустя мнѣ почтальонъ вручилъ пакетъ, заключавшій въ себѣ портретъ графа Сольмса, видъ замка Зонневальде, и пачку потемнѣвшихъ писемъ, обвязанную полинявшей ленточкой, бывшей лѣтъ 60 тому назадъ голубой. Прочитавъ съ большимъ волненіемъ эти письма ранней юности моей, я сожгла ихъ одно за другимъ. Кончаю словами поэта:

Les morts dorment en paix dains le sein de la terre,
Ainsi dorment en nous nos sentiments étaints
Les reliques du coeur ont aussi leur poussière
Sur ces restes sacrés ne portons pas la main.

Придворная дама.

Vestales des palais, mi-nonnes, mi-bayadères,
Qui atisez vos feux à des romans anglais,
Vous assiégez les coeurs des puissants de la terre,
Et par eux bien souvent vos coeurs sont assiégés.

Это четверостишіе, посвященное намъ, придворнымъ дамамъ обаятельнымъ салоннымъ поэтомъ графомъ Фредро, прекрасно характеризировало наше положеніе при дворѣ. Какъ нѣкогда весталки, были мы подчиненны очень строгимъ правиламъ и тѣмъ не менѣе пользовались полною свободой; это противорѣчіе часто встрѣчалось и въ другихъ вещахъ въ нашемъ пространномъ отечествѣ.

Намъ строго воспрещалось принимать въ своихъ аппартаментахъ мужчинъ, исключая близкихъ родственниковъ. Съ другой стороны мы пользовались свободой и за нами не было никакого надзора. Экипажъ денно и ночно находился въ нашемъ распоряженіи и лакей въ ливреѣ долженъ былъ намъ сопутствовать въ видѣ охраны. Въ то время дворъ отличался особеннымъ блескомъ, лучи котораго падали на всѣхъ близко къ нему стоявшихъ.

Тогдашняя Императрица Марія Александровна, урожденная принцесса Гессенская, имѣла пять придворныхъ дамъ. Двѣ фрейлины Бартеньевы — толстая Паулина и худенькая Надинъ —, какъ ихъ называли, затѣмъ баронесса Нина фонъ Пиларъ, которая жила въ Зимнемъ Дворцѣ вмѣстѣ со своею теткою, статсъ-дамой графиней Тизенгаузенъ. Младшими придворными дамами были княжна Мещерская и m-lle Саша Жуковская, обѣ дочери писателей. Отецъ первой былъ писатель Мещерскій, отцомъ второй — знаменитый поэтъ Жуковскій, которому Николай I поручилъ воспитаніе сына своего, впослѣдствіи Императора Александра II. Жуковскій, предался дѣлу воспитанія Наслѣдника со всею теплотою сердца своего и силою своего генія. Онъ изложилъ Императору программу занятій и воспитанія и началъ это изложеніе слѣдующими словами: «единственное наказаніе, которое я могу примѣнять къ Наслѣднику, это выраженіе неудовольствія его родителями, и величайшей наградой для него должно служить удовлетвореніе родителей его успѣхами и его поведеніемъ».

Обѣ придворныя дамы, княжна Мещерская и m-lle Жуковская, бывшія немного старше меня, приняли меня очень сердечно и я привязалась къ нимъ со всей откровенностью моей молодости. Княжна Марія Мещерская была красавицей. Въ ней было что-то восточное и ея большіе, бархатистые глаза очаровывали сердца всѣхъ. Саша Жуковская, голубоокая блондинка, съ свѣжимъ цвѣтомъ лица, была германскаго типа. Одна была страстной, другая сентиментальной натурой. Обѣ пользовались исключительнымъ успѣхомъ и стихи Фредро были посвящены преимущественно имъ. Что касается меня,

то мое сердце не было свободно, оно было крѣпостью, хорошимъ стражемъ которой было мое воспоминанiе.

Я была тогда совершенно опьянена моей свободой, вѣдь я только что вышла изъ моей дѣтской, и я чувствовала себя, какъ долженъ чувствовать себя прапорщикъ при полученiи высшаго чина. Я проводила большую часть времени въ верховой ѣздѣ. То я сопровождала Великую Княгиню, бывшею страстной наѣздницей и также умѣвшей прекрасно править четверкой лошадей или тендемомъ, то, вмѣстѣ съ Сашей Жуковской и Марiей Мещерской въ сопровожденiи адъютантовъ Императора и Великихъ Князей, совершала я верховыя прогулки, что намъ не было запрещено, съ предупрежденiемъ, чтобы никто изъ этихъ адъютантовъ не переступалъ порога нашихъ дверей.

Связывающимъ звеномъ между Марiей Мещерской и мною былъ также домъ княгини Бетси Барятинской, гдѣ мы каждый вечеръ встрѣчались. Марiя Мещерская была племянницей княгини, князь же былъ моимъ дядей. Оба брата Мещерскiе были очень знатнаго рода, страшно богаты и охотно приняты при дворѣ. Они командовали гвардейскими полками — Преображенскимъ и Кавалергардскимъ. Два года назадъ умерла въ Лозаннѣ ихъ сестра, княгиня Леонила Сайнъ-Витгенштейнъ, 104 лѣтъ отъ роду. Ея старшiй братъ, фельдмаршалъ князь Александръ, близкiй другъ Александра II, былъ назначенъ намѣстникомъ Кавказа, послѣ того, какъ тамъ, благодаря принятымъ имъ мѣрамъ, былъ заключенъ миръ. Журналисты того времени приписывали ему, помимо его личной храбрости, стратегическiй талантъ и онъ считался прекраснымъ администраторомъ.

Моя старшая кузина Барятинская, стройная, элегантная, вышла впослѣдствіи замужъ за брата министра Извольскаго, а затѣмъ послѣ его смерти, за своего кузена, князя Ивана Барятинскаго. Ея сестра, маленькая Бетси, была прелестнымъ курчавымъ ребенкомъ. Она вышла замужъ за графа Павла Шувалова, вскорѣ затѣмъ умершаго, такъ что она очень рано овдовѣла. Если въ мирное время въ столицѣ много говорилось о ея блестящихъ раутахъ, о ея благотворительности, то, во время войны, имя ея произносилось съ большой признательностью: она была неутомима въ своей дѣятельности, въ санитарныхъ поѣздахъ. Тысячамъ солдатъ оказывала она помощь. Когда возгорѣлась революція она должна была испить до дна горькую чашу неблагодарности. Мой кузенъ, Александръ Барятинскій, элегантный, красивый кавалергардъ, большой спортсменъ, образецъ джентельмена, былъ моимъ другомъ и остался имъ до самой смерти. Я оплакивала его какъ родного брата.

Обѣ придворныя дамы, блондинка и брюнетка, внушили великимъ мира сего глубокую страсть къ себѣ. Блондинка Великому Князю Алексѣю, брюнетка — наслѣднику, будущему Императору Александру III. Онъ даже хотѣлъ, ради нея, отказаться отъ престола. Но его объясненія съ родителями привели къ тому, что его отправили въ Данію. Оттуда вскорѣ пришло извѣстіе о его помолвкѣ съ принцессой Дагмарой. Онъ не долженъ былъ сожалѣть объ этомъ, такъ какъ ему на долю выпало большое супружеское счастіе, такъ рѣдко встрѣчающееся у коронованныхъ особъ.

Княжна Мещерская должна была покинуть дворъ и ея старая тетка, княгиня Чернышева, взяла ее съ собою

путешествовать. Въ Парижѣ она познакомилась съ Павломъ Демидовымъ княземъ Санъ-Донато, бывшимъ лучшей партіей въ Россіи. Онъ смертельно въ нее влюбился, сдѣлалъ ей предложеніе, которое ею и было принято. Годъ спустя она умерла послѣ родовъ сына, Элима, нынѣ русскаго посланника въ Греціи. Я никогда не могла смотрѣть на Элима безъ волненія, такъ какъ я находила въ немъ прекрасныя черты и взглядъ его покойной матери, бывшей въ Петербургѣ моимъ первымъ другомъ. Онъ унаслѣдовалъ поэтическій даръ своего дѣда и въ собраніи его стихотвореній «Заблужденія» есть очень глубокіе и звучные стихи.

И m-lle Жуковская, благодаря ея роману, должна была покинуть дворъ. Великій Князь Алексѣй, подобно своему брату сдѣлалъ попытку получить согласіе на бракъ, но его не получилъ и былъ висланъ въ Америку. Думали, что это излѣчитъ его отъ его страсти. Отъ ихъ тайнаго сожитія родился сынъ, получившій имя: графъ Бѣлевскій. Онъ женился впослѣдствіи на княжнѣ Трубецкой, дочери княгини Лизонъ Трубецкой (подруги Горчакова и Тіера).

Саша Жуковская вышла впослѣдствіи замужъ за офицера саксонскаго кавалергардскаго полка, барона фонъ Вермана, и умерла въ Висбаденѣ пятнадцать лѣтъ спустя.

Великая Княгиня Елена.

Общество того времени, о которомъ я говорю, времени моей молодости, было изыскано и чрезвычайно немногочисленно. Только немногіе дома старинныхъ, знатныхъ родовъ, имѣли преимущество принимать у себя дворъ. Царская семья состояла тогда только изъ Царской супружеской четы, Наслѣдника съ супругой, Великой Княгини Елены (тетки государя), Великаго Князя Константина и его супруги. Кромѣ того надо еще назвать Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, супруга котораго совершенно отрѣшилась отъ общества, предалась религіи и окружила себя епископами, священниками и монахами. Было не болѣе двадцати домовъ, которые посѣщала царская семья. Къ этимъ домамъ принадлежали — обѣ семьи Барятинскихъ, княгиня Кочубей (интимная подруга германской императрицы Августы, супруги Императора Вильгельма I), князь и княгиня Воронцовы, Апраксины, Шуваловы, графъ и графиня Адлербергъ (министръ двора), графъ и графиня Стенбокъ-Ферморъ, братъ моей бабушки графъ фонъ деръ Борхъ (оберъ-церемоніймейстеръ), женатый на графинѣ Лаваль (она происходила изъ француз-

ской эмигрантской фамиліи, была владѣлицей одного изъ красивѣйшихъ дворцовъ на берегахъ Невы), графъ и графиня Орловы-Давыдовы и затѣмъ графъ и графиня Воронцовы-Дашковы. Послѣдній былъ близкимъ другомъ Александра III-го, и домъ его былъ особенно любимъ молодежью, боготворившей графа. Затѣмъ я назову еще три балтійскихъ фамиліи, занимавшихъ большое положеніе при дворѣ, но породнившіяся съ русской аристократіей: Мейндорфы, Палены и князь, и княгиня Ливенъ.

Духовнымъ центромъ русской столицы былъ тогда несомнѣнно дворъ Великой Княгини Елены. Она была принцессой Вюртембергской и вдовой Великаго Князя Михаила, брата Императора Николая I-го. Она жила то въ своемъ прекрасномъ дворцѣ на Каменноостровскомъ, то въ своемъ прелестномъ домѣ въ Ораніенбаумѣ. Зиму же она проводила въ Михайловскомъ дворцѣ. Это самый большой и роскошный дворецъ въ столицѣ, — теперь въ немъ находится музей Императора Александра III. Во всѣхъ этихъ своихъ резиденціяхъ она отличалась одинаковымъ гостепріимствомъ ,расточаемымъ ею не только по отношенію къ двору или къ высшей аристократіи, но и по отношенію ко всему выдающемуся, въ духовномъ смыслѣ, въ Петербургѣ. Политическіе дѣятели, художники, ученые были ея желанными гостями. Она имѣла большое вліяніе на своего племянника, Александра II и принимала личное участіе въ освобожденіи крестьянъ. Благодаря ея либеральнымъ взглядамъ консерваторы того времени называли ее: красной тетей. Многія учрежденія имени Великой Княгини Елены появились, благодаря ея содѣйствію , какъ напримѣръ: консерваторія, давшая намъ столько большихъ музыкантовъ. Затѣмъ «Охрана матерей»

— большое благотворительное учрежденіе, матерьяльно ею поддерживаемое. Всѣ большіе политическіе дѣятели ея времени, какъ то: князь Горчаковъ, Юрій Самаринъ, министръ финансовъ фонъ-Рейтернъ, князь Черкасскій, Валуевъ, Побѣдоносцевъ — знаменитый оберъ-прокуроръ святѣйшаго Синода, князь Дмитрій Оболенскій, графъ Александръ Кейзерлингъ, знаменитый ученый Карлъ Эрнстъ фонъ Байэръ, теологъ Оссининъ — часто ее посѣщали. Всѣ принимаемые Великой Княгиней Еленой отличались своимъ духовнымъ обликомъ и разговоры ихъ не были никогда безсодержательны. У нея можно было слушать Кони и Спассовича, двухъ молодыхъ, съ большимъ будущимъ, криминалистовъ, которые не разъ излагали интересные процессы, или же слушать разсказы о Тибетѣ и объ Индіи изъ устъ только что вернувшагося оттуда путешественника, много тамъ видавшаго и пережившаго. Геніальный Рубинштейнъ игралъ на рояли. Любимые публикой нѣмецкіе и французскіе артисты (нѣмецкій театръ былъ закрытъ Александромъ III) играли или устраивали костюмированный балъ въ одѣяніяхъ давно исчезнувшей эпохи. Иногда играли въ «секретаря» и въ этой игрѣ большей частью принимала участіе жена португальскаго посла, графиня Мойра, французскій посолъ баронъ Карлъ де Талейранъ, Щербачевъ, графъ Фредро и сама Великая Княгиня, отличавшаяся блестящимъ остроуміемъ. Императоръ Александръ II, очень уважавшій свою тетку, любилъ эту игру, но не принималъ въ ней участія. Онъ добродушно улыбался и его очень забавляли остроумныя надписи на маленькихъ запискахъ, въ которыхъ, конечно, не встрѣчалось ничего двусмысленнаго, ничего могущаго кого-либо задѣть.

Вспоминаю я цѣлый рядъ чтеній въ Михайловскомъ дворцѣ, въ которомъ однажды принималъ участіе Эдитъ фонъ Раденъ, прочитавшая книгу баронессы фонъ Оберкирхъ, которая сопровождала Императора Павла въ Версаль, куда онъ съ супругою, будучи Наслѣдникомъ, поѣхалъ подъ именемъ графа дю Норъ. Книга это полна живыхъ, подробныхъ описаній жизни Людовика XVI и супруги его Маріи Антуанэтты и была, по порученію Великой Княгини Елены, переведена съ нѣмецкаго на французскій языкъ. Эти чтенія настолько интересовали Императора Александра II, что онъ не пропускалъ ни одного вечера. Великая Княгиня была очень расположена къ моему отцу и перенесла это расположеніе и на меня, содѣйствуя моему пріему при дворѣ. Дочь ея, Великая Княгиня Екатерина, вышедшая замужъ за герцога Мекленбургъ-Стрелицъ, жила въ прелестномъ китайскомъ дворцѣ въ Ораніенбаумѣ, представляющемъ изъ себя образецъ искусства 18-го вѣка. Я воздерживаюсь отъ его описанія, такъ какъ онъ былъ уже неоднократно описанъ. Есть специальные альбомы, со снимкомъ этого возведеннаго аристократіей храма искусства, дающіе возможность широкимъ кругамъ съ нимъ ознакомиться. И въ Ораніенбаумѣ были большіе пріемы. Изъ иностранцевъ, генералъ фонъ Швейницъ и принцъ Генрихъ VII Рейсъ были ближе всего къ герцогской четѣ, также близки были принцъ Людвигъ фонъ Аренбергъ, австрійскій военный атташе, братъ котораго, принцъ Августъ фонъ Аренбергъ, главный членъ этого французскаго рода.

Принцъ Людвигъ былъ убитъ двумя крестьянами, прислуживавшими у него на кухнѣ. Подобно сицилійскимъ бандитамъ, эти крестьяне пошли предварительно, раннимъ

утромъ, въ церковь помолиться Божьей Матери и получить отъ нея благословеніе на это страшное дѣло. Эти «вѣрующіе» крестьяне — достойные предки большевиковъ.

Великая Княгиня умерла около 1875 г. и съ нею исчезла одна изъ благороднѣйшихъ личностей того времени. Ея внучка, принцесса Елена фонъ Альтенбургъ, продолжала семейныя традиціи, обращая особенное вниманіе на музыку и на благотворительность. И она должна испытывать теперь горькую судьбу изгнанницы.

Великій Князь Николай Константиновичъ.

«Таинственныя личности 18-го вѣка», такъ гласитъ заглавіе книги Карповича. Въ этой книгѣ говорится о людяхъ, о дѣлахъ которыхъ мнѣнія раздѣляются и личности коихъ еще не вполнѣ выяснены, какъ напримѣръ, Калліостро, Лже-Димитрій, шевалье Эонъ, княжна Тараканова и другія. Я въ свою очередь хотѣла бы поговорить объ одной личности, которую я хорошо знала съ дней ея юности и которой будущій историкъ скорѣе предоставитъ мѣсто въ царствѣ легендъ, чѣмъ въ исторіи. Я говорю о Великомъ Князѣ Николаѣ Константиновичѣ, который, послѣ тридцатилѣтней ссылки въ Сибири и въ Бухарѣ, умеръ въ прошломъ году. Объ этомъ Великомъ Князѣ существуютъ разнорѣчивыя мнѣнія: одни считаютъ его жертвой своихъ либеральныхъ идей, другіе — приписываютъ ему самыя страшныя преступленія, третьи считаютъ его филантропомъ и ученымъ. Во всякомъ случаѣ — фактъ, что Сарты чтили въ немъ благотворителя ихъ страны, такъ какъ онъ затратилъ большую часть своего состоянія на устройство огромныхъ водяныхъ бассейновъ, которыми онъ пустынную почву Фергана обратилъ въ плодородную страну.

Онъ былъ старшимъ сыномъ Великаго Князя Константина; я уже говорила о немъ въ моихъ «мемуарахъ» и знала его еще мальчикомъ. Какъ-то лѣтомъ 1865 г. въ Павловскѣ, когда я только впервые появилась при дворѣ — я проснулась утромъ отъ ужаснаго лая собакъ, сквозь который мнѣ слышалось жалостное блеяніе. Я подбѣжала къ окну и увидѣла слѣдующее: несчастная, маленькая овечка была привязана къ одному изъ деревьевъ въ паркѣ, а Великій Князь Николай Константиновичъ травилъ трехъ огромныхъ бульдоговъ на несчастное животное. Вся дрожа, побѣжала я къ моей старшей подругѣ, графинѣ Комаровской. Она была также какъ и я возмущена, бросилась къ полковнику Мирковичу, воспитателю Великаго Князя. Когда онъ появился на мѣстѣ происшествія, — бѣдная овечка лежала вся въ крови, а Великій Князь казался очень доволенъ своимъ дѣломъ. Въ отвѣтъ на упреки своего воспитателя онъ только пожалъ плечами. Великій Князь Николай Константиновичъ былъ тогда очень красивымъ юношей, съ прекрасными манерами, онъ былъ хорошимъ музыкантомъ и обладалъ прекраснымъ голосомъ. Онъ хорошо учился. Родители его баловали, особенно его мать, чрезвычайно имъ гордившаяся.

Проходили годы. Великая Княгиня попыталась устроить бракъ своего сына съ прелестной принцессой Фредерикой Ганноверской, но послѣдняя была влюблена въ адъютанта своего отца, барона Павла фонъ Рамингенъ, за котораго она впослѣдствіи вышла замужъ.

Я вышла замужъ за графа Николая Клейнмихеля, бывшаго полковникомъ Преображенскаго гвардейскаго полка, и встрѣчалась рѣдко съ Великимъ Княземъ Николаемъ Константиновичемъ. Онъ сталъ меценатомъ и, подъ

руководствомъ директора музея, Григоровича, давалъ большія суммы на закупку картинъ и антикварныхъ вещей. Много говорили о его связи съ американкой, кокоткой Фанни Леаръ, написавшей очень интересную книгу объ этомъ времени.

Послѣ моего замужества моя сестра заняла мое положеніе при Великой Княгинѣ и собиралась съ нею ѣхать въ Штутгартъ, на свадьбу Великой Княжны Вѣры, выходившей замужъ за принца Вюртембергскаго. Когда сестра пришла со мной проститься, она разсказала мнѣ, что въ Мраморномъ дворцѣ похищены при помощи какого-то остраго орудія, три крупныхъ бриллiанта съ иконы, подаренной Императоромъ Николаемъ I своей невѣсткѣ. Придворные и прислуга были чрезвычайно этимъ взволнованы. Никого и всѣхъ подозрѣвали, полиція непрерывно пребывала во дворцѣ. Была назначена большая награда за поимку преступника. Икона эта находилась въ комнатѣ Великой Княгини, куда имѣли доступъ только врачи, придворныя дамы и два главныхъ камердинера. Великая Княгиня уѣхала въ Штутгартъ, послѣ чего вскорѣ разыгралась драма. Во главѣ департамента полиціи была тогда одна изъ выдающихся личностей Россіи: графъ Петръ Шуваловъ, принимавшій участіе въ берлинскомъ конгрессѣ. Это былъ пріятный человѣкъ, чрезвычайно зоркій, притомъ очень благожелательный и справедливый. Я никогда не слыхала, чтобы онъ къ кому-либо былъ несправедливъ. Но, вслѣдствіе разногласій на политической почвѣ, между нимъ и Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ установились неблагожелательныя отношенія. Графъ Шуваловъ былъ за необходимость союза съ Германіей, Великій Князь, будучи славянофиломъ ненави-

дѣлъ высшіе слои общества, былъ демократомъ, какъ это часто бываетъ съ принцами, желающими равенства для всѣхъ, подъ условіемъ чтобы за ними все-таки оставались данныя имъ преимущества. Я вспоминаю объ одномъ столкновеніи этихъ двухъ государственныхъ дѣятелей въ государственномъ совѣтѣ. Рѣчь шла о балтійскихъ провинціяхъ. Великій Князь поддерживалъ руссификацію ихъ до крайности, Шуваловъ придерживался противоположнаго мнѣнія. По окончаніи засѣданія Великій Князь ядовито сказалъ: «до свиданія, господинъ баронъ». Графъ Шуваловъ низко поклонился и отвѣтилъ, не менѣе ядовито, по польски: «до свиданія, ясновельможный панъ», что служило намекомъ на ту политическую роль, которую молва несправедливо приписывала Великому Князю въ 1862 году, въ бытность его въ Польшѣ.

— Послѣ кражи въ Мраморномъ дворцѣ Шуваловъ прибылъ къ Великому Князю. Какъ онъ мнѣ лично передавалъ, его намѣренія были самыя благожелательныя. Онъ хорошо зналъ, что ему прійдется разбить сердце отца и душа его была исполнена сочувствія. Весьма бережно сообщилъ онъ Великому Князю, что полиція увѣрена въ томъ, что брилліанты похищены Николаемъ Константиновичемъ. Онъ прибавилъ, что это обстоятельство должно во что бы то ни стало быть заглажено и что онъ нашелъ лицо, согласившееся за большую сумму денегъ взять вину на себя. Онъ умолялъ Великаго Князя исполниться къ нему довѣрія и содѣйствовать ему для избѣжанія скандала. Великій Князь не понялъ добрыхъ намѣреній Шувалова и, обругавъ его, сказалъ: «Вы все это изобрѣли лишь для того, чтобы распространять клевету о моемъ сынѣ, ваша жажда мести хочетъ его обезчестить. Я позову Ни-

колая и посмѣйте въ его присутствіи повторить ваши обвиненія». Шуваловъ сталъ тоже рѣзокъ и повторилъ передъ Великимъ Княземъ Николаемъ свои обвиненія. Послѣдній разыгралъ роль возмущеннаго, сталъ очень дерзкимъ съ графомъ Шуваловымъ и этотъ покинулъ кабинетъ Великаго Князя, чтобы никогда уже туда не возвращаться.

— Почти въ то же время арестовали капитана Ворпоховскаго, адъютанта и неразлучнаго спутника Николая Константиновича, человѣка распутнаго, развратившаго Великаго Князя. Послѣ недолгихъ увертокъ, онъ сообщилъ, что Великій Князь передалъ ему брилліанты съ порученіемъ отвезти ихъ въ тотъ же вечеръ въ Парижъ.

Александру II было доложено объ этомъ происшествіи, такъ какъ далѣе скрывать его было невозможно. Была назначена комиссія подъ предсѣдательствомъ графа Адлерберга, на которой было рѣшено признать Великаго Князя душевно-больнымъ и одновременно — совершенно не послѣдовательно — лишить его воинскихъ отличій и званія почетнаго шефа полка. Много врачей и офицеровъ было къ нему приставлено для надзора надъ нимъ и, такъ какъ они были матерьяльно очень обезпечены, было въ ихъ интересахъ не желать никакихъ измѣненій въ положеніи вещей.

Я имѣла случай прочитать нѣсколько словъ, написанныхъ обвиняемымъ и оставленныхъ имъ на письменномъ столѣ. Эта записка переходила изъ комиссіи въ комиссію и въ ней хотѣли видѣть доказательство его умопомраченія. Это было незаконченное прошеніе, начинавшееся слѣдующими словами: «Безуменъ я, или я преступникъ? Если я преступникъ, судите и осудите меня; если

я безуменъ, то лечите меня, но только дайте мнѣ лучъ надежды на то, что я снова когда-нибудь увижу жизнь, и свободу. То, что вы дѣлаете — жестоко и безчеловѣчно». Но надъ его челомъ собирались темныя тучи. Неосторожныя слова, произнесенныя имъ, дошли до Императора Александра II, который въ нихъ увидалъ доказательство наличія революціонныхъ идей. Было рѣшено сослать его въ Сибирь и охрана его была усилена. Все чаще приходили жалобы и тревожныя вѣсти. Говорятъ будто во время одного разговора Николай Константиновичъ сказалъ: «Я надѣну Андреевскій орденъ, выйду къ народу и народъ возстанетъ и меня защититъ». У него тотчасъ отняли Андреевскій орденъ и сослали въ центральную Азію. Въ 1881 году Императоръ Александръ II скончался и Александръ III, всегда питавшій антипатію къ своему кузену, вступилъ на престолъ. Великая Княгиня, супруга Константина, получила письмо отъ сына, къ которому было приложено письмо къ новому Императору. Письмо это гласило: «Ваше Императорское Величество, разрѣшите мнѣ, закованному въ кандалы, колѣннопреклоненному помолиться праху обожаемаго мною Монарха и просить у него прощенія за мое преступленіе. Затѣмъ я немедленно безропотно вернусь на мѣсто моего заточенія. Умоляю, Ваше Величество, не отказать въ этой милости несчастному Николаю». —

Великая Княгиня, часто звавшая меня къ себѣ поболтать со мною, съ слезами на глазахъ показывала мнѣ это письмо и отвѣтъ на него Императора Александра III своему кузену: «Ты не достоинъ преклониться праху моего отца, котораго ты такъ глубоко огорчилъ. Не забывай того, что ты покрылъ насъ всѣхъ позоромъ.

Сколько я живу, ты не увидишь Петербурга». Затѣмъ Великая Княгиня показала мнѣ еще записку на французскомъ языкѣ, посланную ей Александромъ III.

«Милая тетя Санни, я знаю, что Вы назовете меня жестокимъ, но Вы не знаете, за кого Вы хлопочете. Вы послужили причиной моего гнѣва на Николая. Цѣлую вашу ручку. Васъ любящій племянникъ Саша».

«Можешь ли ты догадаться, что онъ этимъ хотѣлъ сказать?» спросила она меня. Я не имѣла объ этомъ ни малѣйшаго представленія и лишь, долго спустя, получила я по этому поводу разъясненіе отъ министра народнаго просвѣщенія, статсъ-секретаря Головнина, большого друга В. К. Константина. Непоколебимая строгость Александра III была вызвана сообщеніемъ ему изъ Ташкента (гдѣ В. К. Николай былъ интернированъ), въ которомъ говорилось — быть можетъ совершенно несправедливо — будто Николай Константиновичъ чрезвычайно грубо отзывался о своей матери. Впослѣдствіи я узнала, что онъ женился на дочери ташкентскаго полиціймейстера, принявъ имя полковника Волынскаго. Никто не понималъ, почему онъ избралъ это имя, я же вспомнила времена нашей молодости и «Ледянной домъ» Лажечникова. Артемій Волынскій, преслѣдуемый Бирономъ, государственный дѣятель, былъ любимымъ героемъ Николая. Мое предположеніе впослѣдствіи оправдалась. Съ непослѣдовательностью, отличавшей всѣ мѣропріятія, предпринимаемые по отношенію къ В. Князю, Императоръ, не признавъ брака, тѣмъ не менѣе разрѣшилъ это сожитіе. Значительно позднѣе узнала я въ Парижѣ отъ Принца Альберта фонъ Альтенбургъ, что Императоръ возмущенъ поведеніемъ Николая Константиновича, все ниже нрав-

ственно падающаго: такъ, напримѣръ, онъ хотѣлъ заставить свою жену назначить свиданіе А. П., съ намѣреніемъ, заставъ ихъ вмѣстѣ, потребовать у А. П. большую сумму денегъ за свое молчаніе. Но жена его не пошла на такую низость, а отыскавъ генералъ-губернатора Розенгофа, сообщила ему обо всемъ и просила защиты отъ мужа. Послѣ этого положеніе В. Князя еще болѣе ухудшилось. Когда вступилъ на престолъ Николай II, положеніе Николая Константиновича улучшилось и онъ даже получилъ право распоряжаться своимъ имуществомъ. Какъ я уже сообщила, Николай Константиновичъ былъ очень любимъ туземцами за то, что онъ устроилъ имъ водопроводъ. Подъ именемъ Искандера вступилъ онъ во второй бракъ, отъ котораго у него было нѣсколько дѣтей. Когда вспыхнула революція, онъ послалъ восторженную телеграмму Керенскому, съ выраженіемъ радости по поводу наступленія свободы. Эта телеграмма была воспроизведена во всѣхъ газетахъ.

Это было послѣднее, что я о немъ слыхала.

Мое замужество.

Въ 1872 г. покинула я дворъ съ тѣмъ, чтобы выйти замужъ за гвардіи полковника графа Николая Клейнмихеля. Онъ былъ старшимъ сыномъ графа Петра Андреевича Клейнмихеля, извѣстнаго любимца Николая I, въ чье царствованіе онъ игралъ такую большую роль. Его жена была статсъ-дама старой Императрицы Александры Феодоровны. Я ихъ обоихъ никогда не знала и для меня они являются только историческими личностями.

Мой супругъ имѣлъ трехъ братьевъ: одинъ изъ нихъ, Владиміръ, флигель-адъютантъ Императора Александра III и командиръ гвардейскаго Семеновскаго полка, былъ отцомъ г-жи Эттеръ и прелестной княгини Орбельяни. Онъ былъ женатъ на извѣстной красавицѣ, княгинѣ Екатеринѣ Мещерской, бывшей мнѣ постоянно вѣрнымъ другомъ. Второй братъ, Константинъ, также полковникъ гвардіи, былъ сначала женатъ на графинѣ Канкриной, затѣмъ на M-lle Богдановой, дочери Курскаго предводителя дворянства. Третій — Михаилъ, былъ военнымъ атташе въ Парижѣ и умеръ въ молодости.

Три сына моей невѣстки были убиты во время революціи. Одинъ командовалъ въ 1917 году эскадрономъ гвардейскихъ гусаровъ, и этотъ красивый 25-лѣтній молодой человѣкъ, въ первые же дни революціи, былъ замученъ на смерть своими солдатами. Ему выкололи сперва одинъ глазъ, чтобы онъ могъ другимъ видѣть трагическую кончину командира кавалергардскаго полка графа Менгдена и уланскаго ротмистра фонъ Экеспарэ. Затѣмъ выкололи другой глазъ и замучили до смерти, ломая ему пальцы рукъ и ногъ, — о чемъ свидѣтельствовало показаніе его деньщика. Когда несчастная мать явилась на слѣдующій день забрать трупъ сына, то она нашла лишь окровавленную массу костей и мяса. Каждый солдатъ его эскадрона раздиралъ его тѣло своими шпорами!

Оба мои другихъ племянника, Николай, церемоніймейстеръ двора и его старшій братъ Петръ, владѣлецъ одного изъ красивѣйшихъ майоратовъ въ Россіи, въ Курской губерніи, были также убиты, одинъ матросами въ Крыму, другой — большевиками на Кавказѣ. Петръ Клейнмихель былъ женатъ на дочери извѣстнаго атамана донскихъ казаковъ, генерала Шипова. Послѣ того, какъ его дѣти, подобно многимъ изъ насъ, лишились всего, они зарабатываютъ теперь свой хлѣбъ насущный, дочь — въ одномъ изъ учрежденій Краснаго Креста въ Берлинѣ, сынъ — на какой-то службѣ въ Лондонѣ.

Въ 1877 году мужъ мой получилъ въ командованіе бригаду, но состояніе его здоровья не позволило ему принять этотъ постъ. У него стала развиваться скоротечная чахотка, насъ послали въ Ментону, гдѣ нѣсколько мѣсяцевъ спустя, къ моему глубокому горю, я его потеряла. Я перевезла его трупъ въ Россію, въ наше имѣніе, гдѣ его предали землѣ.

Константинополь 1880 г.

Мой братъ былъ назначенъ военнымъ атташе въ Арабъ-Табіа. Къ концу войны 1877—78 года, онъ былъ офицеромъ штаба Скобелева; Куропаткинъ (бывшій впослѣдствіи военнымъ министромъ), былъ раненъ, Скобелевъ назначилъ моего брата на мѣсто Куропаткина и довѣрилъ ему командованіе корпусомъ въ бою при Чаталджѣ. Этотъ бой кончился большой побѣдой для насъ. Братъ мой былъ награжденъ георгіевскимъ крестомъ и по докладу Скобелева Императору Александру II, былъ назначенъ его флигель-адъютантомъ и получилъ полковничій чинъ. Ему было тогда всего 27 лѣтъ. Онъ былъ высокій, безбородый блондинъ и выглядѣлъ 18-ти лѣтнимъ юношей. Хорошо образованный онъ владѣлъ нѣсколькими языками; по внѣшности онъ походилъ на аристократа временъ Людовика XIV. Онъ былъ отмѣченъ въ книгѣ Гордона Стори: „With the Russians in Mandchuria". Капитанъ Камперіо въ своемъ описаніи русско-японской войны также посвящаетъ моему брату восторженныя строки. Мы съ братомъ были въ очень близкихъ отношеніяхъ и для меня было большою радо-

стью когда онъ пригласилъ меня сопровождать его въ Константинополь.

Вспоминаю я слѣдующій случай. Когда братъ мой палъ отъ шрапнельной пули, въ 1904 году, въ то время какъ онъ командовалъ корпусомъ, противъ генерала Куроки, смерть его вызвала большое сочувствіе въ Петербургѣ, гдѣ онъ былъ очень любимъ. Это событіе вдохновило 17-лѣтняго сына министра юстиціи Муравьева, и онъ написалъ красивое стихотвореніе, которое маркиза Монтебелло послала извѣстному редактору «Фигаро», Гастону Кальмету. Этотъ напечаталъ стихотвореніе во главѣ весьма похвальной для моего брата статьи, содержащей также лестный отзывъ о молодомъ поэтѣ. Вотъ это стихотвореніе:

De quel effort soudain nos coeurs auraient frémi,
S'ils auraient pressenti la destinée affreuse,
Quand il partait, l'oeil fier et l'âme impétieuse,
Guerrier que le canon appelle un vieil ami!"

Cruels sont les arrêts des livres fatidiques,
Dans son cercueil sanglant il dort enseveli,
Sous le canon grondant au lieu de pieux cantiques,
Il eut le ciel pour prêtre et la terre pour lit.

N'entends-tu pas, passant, la voix mysterieuse,
Qui parle en s'élevant au milieu de la nuit?
Est-ce un barde qui chante une mort glorieuse,
Une nymphe èvoquant un souvenir qui fuit?

„Il n'est pas mort, il vit", siffle le vent qui passe,
Je porte sa pensée et son dernier soupir,
Inscrits en lettres d'or aux portes de l'espace;
Ces reliques d'honneur ne peuvent pas mourrir.

„Il n'est pas mort, il vit", chante le ciel serein,
Car nous sentons en nous battre son noble coeur,
A la lutte finale il soutiendra vainqueur
Nos étendards trempés et de sang et de larmes.

„Il n'est pas mort, il vit", clament ses frères d'armes,
Quand au feu des obus l'horizon s'illumine;
Son âme a regetté l'enveloppe mortelle,
Il galoppe fougueux devant nos bataillons.

Pleurons donc, mes amis, l'auteur de l'ombre grande,
Pleurons, puisque notre âme est faite de sanglots;
Mais à l'ombre-du preux la plus insigne offrande
Est, d'aller le chemain que montra le hèros.

Ecoutons cette voix qui nous fut paternelle,
Nous enseignant patrie, honneur, fidelité,
Son coeur était si chaud, son âme était si belle,
Il vivra dans l'histoire, dans l'immortalité.

Мы ѣхали изъ Одессы на французскомъ пароходѣ и остановились на восемь часовъ въ Бургасѣ. Этой остановкой мы воспользовались, для прелестной поѣздки верхомъ, во внутрь страны. Не останавливаясь въ Константинополѣ, направились мы въ Буюкдеръ, резиденцію русскаго посла, и братъ мой, оставивъ меня въ единственной въ Буюкдерѣ скверной гостинницѣ, самъ направился къ князю Лобанову передать ему телеграмму министра иностранныхъ дѣлъ. Князь Лобановъ зналъ моего брата съ дѣтства. Онъ принялъ его чрезвычайно сердечно и пригласилъ насъ обоихъ переѣхать къ нему. Я провела у него три восхитительныя недѣли; развлеченія смѣнялись одно другимъ — частыя поѣздки въ Константино-

поль, то на паровой лодкѣ, то на сторожевомъ пароходѣ, постоянно стоявшемъ у зданія посольства; то верхомъ, по окрестностямъ, въ сопровожденіи князя Лобанова. Мы провели незабвенные дни у «Сладкихъ водъ» Азіи и Европы. Я неустанно восхищалась стройными минаретами уходящими въ голубое небо; каюками съ ихъ таинственными женщинами, закутанными въ вуаль, — красивыми лодками съ 12-ью гребцами, въ шитыхъ золотомъ курткахъ, всей этой картиной востока, опьяняющей каждую художественную душу. Вечера мы проводили у Лобановыхъ, гдѣ насъ ждалъ постоянно прекрасный обѣдъ, за которымъ находилось обыкновенно большое общество, такъ какъ всѣ холостые секретари, драгоманы, пріѣзжіе консула и т. д. всегда приглашались на эти обѣды. Посолъ былъ очень гостепріименъ, но не со всѣми одинаково любезенъ. Онъ отличалъ секретарей посольства отъ служащихъ въ азіатскомъ департаментѣ, часто игравшихъ на востокѣ большую роль. Должна признаться, что я была нѣсколько смущена, замѣтивъ, что на разныхъ концахъ стола подавались разныя вина и даже разныя блюда. Впослѣдствіи столь извѣстному драгоману Максимову было поручено княземъ Лобановымъ постоянно намъ сопутствовать въ нашихъ поѣздкахъ въ Стамбулъ.

Нашъ кружокъ состоялъ изъ M-me Ону, моего брата, военнаго агента полковника Веригина и меня. Максимовъ часто жаловался на то, что князь, за столомъ, такъ разно относился къ своимъ гостямъ. M-me Ону, жена посланника, была нашей постоянной спутницей. Она была очень образована, знала хорошо Константинополь и служила намъ прекраснымъ проводникомъ по дервишамъ, мавзолеямъ, базарамъ и памятникамъ старины. Если бы

она была немного красивѣе и не такъ кричаще образованной, она была бы болѣе привлекательна. Едва она хотѣла понравиться мужчинѣ, какъ она тотчасъ же всходила на своего Пегаса и поднималась съ нимъ на такую головокружительную высоту, на которую ея партнеръ, часто бывавшій просто вьючной лошадью или даже осломъ, не могъ за нею подняться. Въ виду того, что со мною она была проще и не подавляла меня своимъ превосходствомъ, я выносила ее лучше, чѣмъ мой братъ или полковникъ Веригинъ, которому она очень старалась понравиться.

Послѣ обѣда секретари и драгоманы исчезали; братъ мой и Веригинъ отправлялись либо въ клубъ, либо въ офицерское собраніе, а я заканчивала вечеръ въ обществѣ князя, на балконѣ съ видомъ на Босфоръ. Мы много болтали о Петербургѣ, а иногда онъ мнѣ читалъ свои историческіе труды, которымъ онъ предавался съ большимъ рвеніемъ. Его историческія изысканія ограничивались преимущественно концомъ 18-го вѣка, эмиграціей и царствованіемъ Павла I.

Однаждый онъ разсказалъ мнѣ свой романъ съ M-me де Буркенэ. Она была женой его товарища — француза, когда онъ еще впервые былъ русскимъ посломъ въ Константинополѣ. Этотъ романъ кончился для него трагедіей, такъ какъ M-me Буркенэ внезапно покинула своего мужа и, въ одинъ прекрасный день, безъ всякихъ предупрежденій, появилась у него. Это послужило поводомъ къ большому скандалу. Князь Лобановъ лишился мѣста и, какъ честный человѣкъ, счелъ долгомъ посвятить свою жизнь M-me де Буркенэ, что ранѣе, конечно, не входило въ его расчеты. Въ виду того, что она была католичкой,

разводъ былъ невозможенъ, но корабли были уже сожжены, — она принесла ему въ жертву свое положеніе въ семьѣ и въ обществѣ и будущее его было загублено. Они два года путешествовали и она у него умерла. Лобановъ вернулся въ Россію, вступилъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ и былъ назначенъ губернаторомъ, въ Орелъ. Немного спустя министръ земледѣлія Валуевъ сдѣлалъ ему предложеніе стать его товарищемъ. Послѣ турецкой войны М-me де Буркенэ была забыта и Императоръ назначилъ Лобанова снова посланникомъ въ Константинополь. Тогда еще онъ не думалъ о союзѣ съ Франціей. Лобановъ находился въ тѣсной дружбѣ съ графомъ Гацфельдомъ, бывшимъ впослѣдствіи посланникомъ въ Лондонѣ. Оба они были высокообразованными людьми и симпатизировали другъ другу. Графа Гацфельда Бисмаркъ заставилъ развестись съ женой, съ которой онъ, послѣ оставленія имъ Константинополя, снова сошелся. Мы съ братомъ и княземъ Лобановымъ часто разсуждали о Турціи, которую Лобановъ любилъ значительно болѣе освобожденныхъ Россіей государствъ. Онъ отзывался съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ о сербскихъ и болгарскихъ братушкахъ. Впрочемъ, пренебрежительно о нихъ отзывалось тогда все русское офицерство, что я считаю несправедливымъ, т. к. долголѣтнія притѣсненія должны же были вліять подавляющимъ образомъ на психику этихъ народовъ. Отношенія же къ туркамъ, послѣ войны, были очень сердечны. Русскіе офицеры и солдаты возмущались, когда въ лавкахъ ихъ славянскіе братья требовали плату за товаръ: «какъ, негодяй, ты требуешь денегъ у меня, пришедшаго сюда положить за васъ свою жизнь!».

— Константинополь единственная столица въ мірѣ, въ которой иностраннымъ женщинамъ разрѣшено видѣть болѣе чѣмъ мужчинамъ: всѣ эти тайны востока, произрастающія и скрывающіяся за деревянными рѣшетками (мушарабисами), доступны лишь женскому глазу; даже турки мало въ этомъ освѣдомлены, такъ какъ они обыкновенно знаютъ лишь то, что творится въ ихъ домѣ и въ домѣ ближайшихъ родственниковъ. Я разскажу о своемъ посѣщеніи Паули Ханумъ, дочери Мустафы Фацилъ Паши, братъ котораго, Хедивъ, былъ такъ извѣстенъ своей расточительностью и разорилъ свою страну, желая устроить достойную встрѣчу Императрицѣ Евгеньѣ во время открытія Суэцкаго канала.

Мустафа Паша былъ очарованъ Парижемъ и сходилъ съ ума по всему, носившему на себѣ признаки французской культуры. Онъ воспиталъ свою единственную дочь на европейскій ладъ. Когда я съ ней познакомилась, она была очень элегантной, парижскаго склада, 28-лѣтней женщиной. Она приняло меня и М-me Ону съ нескрываемой радостью. «Какое счастье», сказала она намъ, «говорить съ людьми, вносящими въ мое одиночество свѣжую струю европейской культуры». Она заговорила о своихъ страданіяхъ, жаловалась на оторванность отъ внѣшняго міра, давала на наши вопросы подробные отвѣты и пригласила насъ къ обѣду, за которымъ прислуживали ей евнухи, въ черныхъ одѣяніяхъ, такъ называемыхъ «стамбулинахъ». Эти евнухи держались чрезвычайно торжественно и производили впечатлѣніе чего-то средняго, между господиномъ и слугой. «Отецъ мой, для того, чтобы вырвать меня изъ тисковъ рабства» разсказывала она — «посовѣтовалъ мнѣ выйдти замужъ за его

друга Галилъ Пашу, посланника въ Парижѣ, одного изъ образованнѣйшихъ и богатѣйшихъ людей Турціи. Несмотря на то, что Галилъ былъ на 30 лѣтъ старше меня, меня соблазнила перспектива жить въ Парижѣ и испытать свободную жизнь европейскихъ женщинъ. Я вышла за него замужъ и мы покинули Каиръ, но вмѣсто того, чтобы ѣхать въ Парижъ на мѣсто своего назначенія, онъ меня привезъ въ Константинополь, гдѣ у него произошло разногласіе съ Великимъ Визиремъ, на чьей сторонѣ былъ и Султанъ. Галилъ Паша, долженъ былъ подать въ отставку и такимъ образомъ я никогда не увидала Парижа» — говоря это, она расплакалась. «Мой мужъ сталъ снова туркомъ, старотуркомъ, послѣ своей отставки. Можно было подумать, что онъ никогда не покидалъ Константинополь и никогда не отказывался отъ своихъ предубѣжденій: я стала рабой, подобно другимъ турчанкамъ и мнѣ оставалось скорѣе, съ камнемъ на шеѣ, броситься въ воду, чѣмъ, послѣ того какъ я испытала на себѣ свободу европейскихъ женщинъ, быть запертой, въ гаремѣ до конца дней своихъ». Ея слова меня глубоко тронули. Хотя она говорила тепло и убѣдительно, я вскорѣ замѣтила пробѣлы въ ея образованіи и бездну, раздѣлявшую наши міровоззрѣнія. Такъ, напримѣръ, чтобы доказать, что Галилъ Паша не былъ джентельменомъ — какъ она выражалась — разсказала она намъ буквально слѣдующее: «нѣсколько дней послѣ нашей свадьбы» говорила она, «мужъ мой забралъ у меня двухъ моихъ прислужницъ, этотъ неблагородный поступокъ меня, конечно, очень возмутилъ». «Онъ забралъ у Васъ вашихъ прислужницъ?» спросила M-me Ону, «но почему-же?» — «Ну, ко-

нечно, для сожитія съ ними. Это мелочно, не правда-ли? эти прислужницы были моимъ отцомъ куплены въ счетъ моего приданнаго. Отецъ мой, чрезвычайно чуткій человѣкъ, былъ также, какъ и я возмущенъ этимъ поступкомъ моего мужа и въ знакъ своего презрѣнія послалъ Галилю четырехъ женщинъ, купленныхъ имъ на свои деньги».

Говоря это, она, казалось, ждала выраженій сочувствія съ нашей стороны. «Вскорѣ послѣ этого мой мужъ, спекулируя и играя, совершенно разорился и отецъ мой добился отъ султана разрѣшенія на мой разводъ». — «Не стали ли Вы свободнѣе послѣ этого?» — «Нѣтъ», отвѣтила она, «меня во дворцѣ строго охраняютъ евнухи, отдающіе при дворцѣ отчетъ о каждомъ моемъ шагѣ, о каждомъ словѣ. Къ счастію, они не понимаютъ по французски. Единственное развлеченіе у меня — купаніе и прогулки въ каюкѣ, но, всегда, подъ густой вуалью. Очень рѣдко посѣщаютъ меня дамы изъ дипломатическаго корпуса, для чего должно быть заранѣе получено разрѣшеніе. Если бы такія посѣщенія часто повторялись, султанъ прекратилъ бы ихъ разрѣшать».

Эти слова принцессы еще болѣе убѣдили меня, сколько необразованности еще кроется подъ этимъ кажущимся покровомъ цивилизаціи. Въ дальнѣйшемъ разговорѣ она намъ сообщила, что у нея похитили жемчужное ожерелье и что она была вынуждена заставить бичевать своихъ прислужницъ до тѣхъ поръ, пока провинившаяся не признаетъ своей вины.

Нѣсколько дней спустя я имѣла аудіенцію съ лицомъ, совершенно отличающимся о т ъ в ы ш е у п о м я н у т а г о. На азіатской сторонѣ жила 75-лѣтняя

невѣстка жестокаго султана Абдуль-Меджида. Она была дочерью египетскаго Паши Мехмеда-Али, современника Наполеона I. Она носила восточное одѣяніе, не говорила на иностранныхъ языкахъ и была окружена большимъ штатомъ турецкихъ дамъ и сорока евнухами, одна часть которыхъ была — люди изъ общества, другая-же — слуги. Одѣяніе евнуховъ было разнообразно: на однихъ, старшихъ, были надѣты черные сюртуки съ рядомъ пуговицъ на нихъ, другіе же были въ одѣяніяхъ тѣхъ провинцій, откуда они происходили. Для оказанія намъ особой чести, игралъ оркестръ изъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ красную гусарскую форму и прекрасно владѣвшихъ всевозможными восточными музыкальными инструментами. Среди комнаты находился прекрасный мраморный фонтанъ, окруженный тропическими растеніями. На столѣ стоялъ кофе, рахатъ-лукумъ и другія сласти.

Очень вульгарнаго вида француженка, несомнѣнно принадлежавшая къ низкимъ слоямъ общества, съ выраженнымъ марсельскимъ акцентомъ, представилась намъ фрейлиной Ея Величества и предложила намъ свои услуги въ качествѣ переводчицы. M-me Ону спросила ее — чѣмъ она была прежде. «Я жила, для моего удовольствія, въ Каирѣ», отвѣтила она. — Я подозрѣваю, что это было и для удовольствія другихъ!

Въ заключеніе еще маленькая особенность: старая княгиня не носила никакихъ драгоцѣнностей, кромѣ окруженнаго крупными бриліантами портрета своего отца, который она носила на груди. Всѣми же своимъ жемчугами, сапфирами, изумрудами и рубинами она увѣсила своихъ рабынь, какъ бы выставивъ намъ на показъ свое богат-

ство. Одна изъ женъ султана была тогда какъ разъ у нея съ визитомъ и мы были ей представлены. Она намъ не подала руки и не говорила съ нами, но за то ѣла много сладостей и безпрерывно курила папиросу за папиросой. Меня чрезвычайно удивило, когда я увидѣла на ней прекрасное платье отъ Ворта; но, въ виду жары, она сняла лифъ и набросила на плечи пенюаръ, какіе можно было до войны купить въ «Луврѣ» или въ «Бонъ-Марше» за 39 франковъ и 75 сентимовъ. Когда мы прощались, старая княгиня, сидя скрестя ноги, предложила каждой изъ насъ по папироскѣ, склеенной, къ моему ужасу, ея слюною. Съ большой важностью просила она меня передать поклонъ Императрицѣ, что заставило меня улыбнуться.

Нѣсколько дней спустя я покинула Константинополь и уѣхала въ Петербургъ.

Послѣдніе годы Императора Александра II.

Петербургъ гремѣлъ побѣдою,—взятіемъ Карса, и генералъ Лорисъ-Меликовъ, за взятіе этой крѣпости, былъ возведенъ въ графское достоинство. Эта побѣда считалась въ 1877—78 г. весьма значительной и графъ былъ героемъ дня. Я была тогда уже годъ вдовою, и вслѣдствіе траура, не дѣлала никому визитовъ, но въ интимныхъ кругахъ я встрѣчалась со многими моими друзьями и у графини Адлербергъ, жены министра двора Александра II, я часто встрѣчалась съ кавказскимъ генераломъ. Онъ часто меня посѣщалъ и вскорѣ сталъ постояннымъ участникомъ нашихъ обѣдовъ, партій въ вистъ, ужиновъ. И любезный и грубоватый въ одно и то же время, не лишенный хитрости, онъ умѣлъ по отношенію мущинъ и женщинъ, чтобы имъ понравиться, примѣнять пріемы, всегда имѣвшіе успѣхъ: сначала онъ противорѣчилъ своему собесѣднику, затѣмъ позволялъ себя переубѣдить, говоря: «ваша логика, дѣйствительно, поразительна. Да, да, Вы, несомнѣнно, правы. Я совершенно съ Вами согласенъ послѣ того, какъ Вы мнѣ этотъ вопросъ показали въ иномъ освѣщеніи». Конечно, онъ разнообразилъ свои выраженія

и не такъ скоро позволялъ себя переубѣдить, но цѣль имъ всегда достигалась: онъ оставлялъ своему собесѣднику гордое и пріятное сознаніе своего превосходства. Будучи человѣкомъ безъ эрудиціи, Лорисъ-Меликовъ умѣлъ это прекрасно скрывать. Начиная разговоръ на политическую или литературную тему, онъ, вдругъ, сразу умолкалъ, предоставляя говорить другимъ, а самъ лишь зло усмѣхался, чтобы казалось, что въ немъ заключенъ цѣлый міръ познаній. Въ клубахъ и салонахъ только и было разговоровъ, что о прекрасномъ армянинѣ. У Г-жи Нелидовой онъ познакомился и сблизился съ министромъ финансовъ Абазой, либеральныя воззрѣнія котораго онъ льстиво поощрялъ. Съ графомъ Адлербергомъ и съ министромъ внутреннихъ дѣлъ Тимашевымъ онъ былъ консерваторомъ. съ В. К. Константиномъ — славянофиломъ, съ нѣмецкимъ посломъ, генераломъ Вердеромъ — германофиломъ, ярымъ приверженцемъ англійской политики, съ лордомъ Дуссериномъ, а съ генераломъ Шанси — восторгался онъ французской арміей; такимъ образомъ онъ каждому нравился и каждый говорилъ о немъ: „c'est mon homme!“ Но медовый мѣсяцъ, какъ въ политикѣ, такъ и въ любви, скоро проходитъ. Будучи по натурѣ своей либераломъ, онъ тѣмъ не менѣе не имѣлъ никакихъ убѣжденій. Чтобы подтвердить примѣромъ шаткость его воззрѣній, я приведу его мнѣніе объ англійской политикѣ. Онъ говорилъ, что превосходство англійскаго политическаго строя заключается въ томъ, что министры назначаются тамъ по выборамъ. Въ Царицынѣ, на Волгѣ, тогда свирѣпствовала чума, что вызвало тамъ крупные безпорядки. Рѣшено было туда отправить кого-либо съ чрезвычайными полномочіями. Имя Лорисъ-Меликова было на устахъ у всѣхъ. Императоръ

назначилъ его для этой миссіи и онъ выѣхалъ, въ сопровожденіи профессора медицины Эйхвальда, въ Царицынъ, взявъ съ собою предупредительно, въ видѣ большой свиты, военную молодежь тѣхъ вліятельныхъ семей, которыя еще находились внѣ сферы его вліянія. Такъ далъ онъ очень высокое назначеніе молодому графу Орлову-Денисову, пасынку графа Петра Шувалова, этимъ онъ обезпечилъ себѣ благорасположеніе и высокій постъ всесильнаго фаворита Александра II. Всѣ эти молодые графы, князья, блестящіе гвардейскіе офицеры отправились на борьбу съ чумой съ порывомъ крестоносцевъ, шедшихъ для освобожденія гроба Господня. И тѣ, и другіе были объяты эгоистическими желаніями — крестоносцы хотѣли добыть золото и драгоцѣнности, свита Лорисъ-Меликова жаждала чиновъ и орденовъ. Само собою разумѣется, Лорисъ-Меликовъ по пріѣздѣ на мѣсто своего назначенія, поспѣшилъ сообщить оберъ-гофмейстеринѣ графинѣ Протасовой, что ея племянникъ служитъ примѣромъ доблести для всѣхъ; графинѣ Бобринской, что ея племянникъ поразилъ всѣхъ своей храбростью, а похвала его молодому Орлову-Денисову была безгранична. Онъ говорилъ, что Денисовъ его правая рука, и онъ не знаетъ, что бы онъ сталъ дѣлать безъ него. Узнавъ содержаніе этого письма, Императоръ назначилъ Орлова-Денисова, за его умъ и самопожертвованіе, своимъ адъютантомъ.

Благодаря мудрымъ мѣропріятіямъ профессора Эйхвальда чума пошла на убыль. Когда на обратномъ пути изъ Царицына Лорисъ-Меликовъ проѣзжалъ Харьковъ, въ честь его была тамъ воздвигнута тріумфальная арка, золотая надпись на которой гласила: «Побѣдителю Карса, чумы и всѣхъ сердецъ». Въ Петербургѣ во всѣхъ салонахъ

его чествовали, какъ героя. Вскорѣ послѣ этого было нѣсколько покушеній на жизнь Императора Александра II; на закатѣ дней своихъ влюбившійся, подвергавшійся покушеніямъ на него, встрѣчалъ онъ въ своей семьѣ недружелюбное отношеніе къ себѣ, бывшее слѣдствіемъ его тайнаго брака. Нервы его были натянуты до крайности, и онъ думалъ: «какъ бы нашелся кто-нибудь, кто взялъ бы на себя охрану моей личности, чтобы я могъ немного отдохнуть», — и его усталый взоръ остановился вдругъ на Лорисъ-Меликовѣ, который, послѣ воскреснаго парада въ манежѣ, бесѣдовалъ съ окружавшими его генералами. Императоръ его подозвалъ и сказалъ ему приблизительно слѣдующее: «Я крайне усталъ. Ты пользуешься повсюду успѣхомъ. Спаси меня. Я передамъ тебѣ мою власть. Вели приготовить для тебя широчайшія полномочія, я ихъ еще сегодня же подпишу. Возьми все въ свои руки». — Лорисъ-Меликовъ былъ назначенъ, не оффиціально, диктаторомъ для пресѣченія все чаще повторяющихся покушеній на жизнь Александра II. У Лорисъ-Меликова, въ бытность его въ Царицынѣ, былъ управляющимъ канцеляріи, нѣкій Скальковскій, сынъ профессора и братъ извѣстнаго журналиста. Это былъ—идеалистъ, полный свободолюбивыхъ идей энтузіастъ. Кромѣ того Лорисъ-Меликовъ былъ давно въ хорошихъ отношеніяхъ съ Мечниковымъ, подобно почти всѣмъ тогдашнимъ прокурорамъ, поборникомъ гуманитарныхъ наукъ. Связь съ этими двумя вышеназванными лицами сильно повліяла на оріентацію Лорисъ-Меликова, которая, благодаря его уступчивости, въ иныхъ условіяхъ, могла бы принять совершенно другое направленіе. Было выпущено трогательное воззваніе къ общественной совѣсти. Тогда было въ ходу выраженіе: «диктатура сердца». Одно

изъ первыхъ мѣропріятій, приведенныхъ въ жизнь по совѣту Абазы (хотя оно впослѣдствіи приписывалось Лорисъ-Меликову) — было уничтоженіе налога на соль — отзвукъ французской революціи. Всѣ газеты праздновали это мѣропріятіе, какъ одну изъ величайшихъ реформъ того вѣка. Два выдающихся человѣка взяли тогда всю власть въ свои руки — Абаза и Милютинъ, Лорисъ-Меликову же осталась лишь призрачная власть, чѣмъ, казалось, онъ былъ вполнѣ удовлетворенъ. Онъ ранѣе жилъ въ Зимнемъ Дворцѣ, затѣмъ для него былъ нанятъ дворецъ Карамзина, въ которомъ на него было произведено покушеніе студентомъ-нигилистомъ, и Лорисъ-Меликовъ, расхваленный во всѣхъ газетахъ, какъ либеральнѣйшая личность, какъ врагъ всякаго насилія, подготовляющій широкую конституцію, защитникъ правъ человѣческихъ, этотъ Лорисъ-Меликовъ, безъ суда, безъ слѣдствія, распорядился о повѣшеніи въ 24 ч. покушавшагося на его жизнь. Палачъ былъ тогда боленъ и казнь хотѣли отсрочить, но Лорисъ-Меликовъ сказалъ: «Зачѣмъ? нечего долго искать, мои кавказцы съ удовольствіемъ исполнятъ это дѣло». Такъ просто смотрѣлъ онъ на вещи. Въ тотъ же день былъ найденъ каторжникъ, взявшій на себя роль палача, и казнь была совершена. На слѣдующій день газеты всѣхъ направленій славили «диктатуру сердца».

Я встрѣчала Лорисъ-Меликова каждый вторникъ у Г-жи Нелидовой, у которой собирались въ то время всѣ сильные міра сего: графъ Адлербергъ съ женой, Мельхіоръ де Вогюэ съ женой, кавказскій генералъ-губернаторъ, князь Дундуковъ, военный министръ Милютинъ, посланникъ въ Берлинѣ Убриль, начальникъ штаба лейбъ гвардіи князь Имеретинскій, министръ финансовъ Абаза и

другіе. Частымъ гостемъ тамъ былъ также и графъ Нигра. Играли въ вистъ до 1 ч. ночи, а затѣмъ всѣ приглашались къ изысканному ужину.

Генералъ Анненковъ, братъ хозяйки дома, увеселялъ мужское общество свободными анекдотами. Одними дѣлалась тамъ карьера, другіе тамъ же видѣли закатъ своей счастливой звѣзды.

Чѣмъ выше росло положеніе Лорисъ-Меликова, тѣмъ меньше становилась его личность. Онъ былъ интимнымъ другомъ и покорнымъ слугою княгини Юрьевской, расчищалъ пути къ ея коронованію, поощрялъ ея планы, такъ же какъ и планы великой интригантки, столь использованной княгиней Юрьевской и Александромъ II, M-lle Шебеко. Лорисъ-Меликовъ совершенно погрязъ въ мелкихъ придворныхъ сплетняхъ и интригахъ. Въ семейной жизни онъ былъ рѣдкимъ отцомъ и прекраснымъ семьяниномъ. Что касается его государственныхъ дѣлъ, то онъ сталъ очень уступчивымъ въ рукахъ Милютина и Абазы, преподнесшихъ Государю весьма либеральный проэктъ конституціи, который Александръ II утвердилъ и подписалъ, такъ какъ его довѣріе къ Лорисъ-Меликову было до того безгранично, что онъ соглашался со всѣмъ тѣмъ, что отъ него исходило.

Когда Лорисъ-Меликовъ заходилъ ко мнѣ, онъ всегда приносилъ съ собою цѣлый ворохъ газетъ съ похвальными, на разный ладъ, отзывами о немъ. Онъ былъ опъяненъ этими всѣми похвалами и принималъ ихъ за чистую монету. Однажды, на одномъ изъ вторниковъ у г-жи Нелидовой, объявилъ онъ мнѣ о своемъ визитѣ ко мнѣ на слѣдующій день, прибавивъ: «Я принесу Вамъ цѣлый ворохъ очень интересныхъ газетныхъ статей. У меня находится русскій

переводъ сочиненія Ля-Брюэро: «Характеръ». Я вырвала изъ книги страницу съ описаніемъ отрицательныхъ чертъ честолюбца и держала ее передъ нимъ. «Взгляните» — сказалъ онъ — «какъ восторженно всѣ они обо мнѣ отзываются», и говоря это, онъ передалъ мнѣ весь ворохъ газетъ. Я серьезно ему сказала: «не всѣ Васъ хвалятъ. У меня есть номеръ газеты, съ критической статьей о Васъ». — «О, какая газета, когда?» — «Я не знаю, — мнѣ прислали эту статью сегодня утромъ». — «И статья эта подписана?» — «Да», отвѣтила я, и стала ему читать о «честолюбцѣ», повсюду вставляя его имя. Онъ освирѣпѣлъ: «вотъ мерзавецъ! вотъ каналья! какъ звать этого несчастнаго?» —«Ля-Брюэръ!», отвѣтила я. Онъ записалъ въ свою записную книжку это имя и сказалъ мнѣ, что этотъ негодяй будетъ въ этотъ же день высланъ изъ Петербурга. — «Этого Вы сдѣлать не можете», возразила я. — «Хотѣлъ-бы я знать, кто можетъ мнѣ въ этомъ помѣшать. Еще сегодня поставлю на ноги всю тайную полицію». — «Это Вамъ не поможетъ», сказала я ему съ убѣжденіемъ. — Онъ все болѣе и болѣе волновался. «Откуда у Васъ эта увѣренность, что я не сумѣю его найти?» — «Оттого — что онъ умеръ болѣе двухъ-сотъ лѣтъ тому назадъ», — и тутъ я ему призналась въ томъ, что я позволила себѣ съ нимъ сыграть маленькую шутку, что нѣтъ причинъ для его волненія и что я прошу у него извиненія. Онъ былъ такъ обрадованъ тѣмъ обстоятельствомъ, что хоръ расточаемыхъ по его адресу похвалъ не былъ ни чѣмъ нарушенъ, что былъ настолько великодушенъ и простилъ мнѣ мою выходку.

Вскорѣ послѣ этого настало 1-ое марта 1881 года.

Смерть Императора Александра II.

Въ 3 ч. дня 1-го Марта 1881 г., когда я въ саняхъ проѣзжала по Михайловской, я услыхала окликающій меня голосъ. Это была моя сестра, какъ разъ выходившая изъ воротъ Михайловскаго дворца. Она совершенно спокойно мнѣ сказала: «намъ сообщили, что произведено покушеніе на Императора. Возьми меня съ собой и поѣдемъ поздравлять Императора съ избавленіемъ». Эти спокойныя слова требуютъ поясненія.

Покушенія на жизнь Императора были тогда довольно часты и слѣдовали одно за другимъ, что и создало извѣстный этикетъ. Послѣ перваго покушенія, волненіе и радость по поводу избавленія Императора отъ опасности, были настолько велики и единодушны, что всѣ спѣшили въ Зимній Дворецъ, двери котораго были для всѣхъ широко открыты. Также было и послѣ второго покушенія. Послѣ третьяго — покушенія стали привычнымъ явленіемъ. И на этотъ разъ мы не думали, что покушеніе можетъ имѣть тяжелыя послѣдствія и что нашъ обожаемый монархъ могъ бы отъ него пострадать. Онъ намъ всѣмъ казался неуязвимымъ и мы хотѣли снова, по прежнему, принести

ему наши поздравленія съ избавленіемъ отъ пули преступника. Когда мы подъѣхали къ Салтыковскому подъѣзду Зимняго Дворца, я была поражена большой толпой, всходившей по ступенямъ дворца, на лицахъ всѣхъ было написано огромное волненіе. Мы увидѣли англійскаго посла Лорда Дуссерина съ супругой, генерала Швейница, нѣмецкаго посла, который, выходя изъ саней, все время повторялъ: «Боже мой, Боже мой, возможно ли это! Это ужасно!» — «Что такое — ужасно?» спросила я. — «Развѣ Вы не знаете, что Императоръ убитъ?» Я почувствовала, какъ колѣни мои стали подгибаться.

Офицеры, всѣхъ оружій, толпясь и толкая другъ друга, всходили по лѣстницѣ. Многіе изъ нихъ — въ пальто. Я до сихъ поръ слышу голосъ полковника графа Валуева, бывшаго предсѣдателя комитета министровъ, говорившаго другому сановнику: «вотъ къ чему насъ привела диктатура сердца проклятаго армяшки!»

Генералъ Тимашевъ ему возразилъ: «А что я Вамъ постоянно говорилъ?» Я внимательно взглянула на Валуева: «какъ! это онъ такъ говоритъ о своемъ другѣ — Лорисъ-Меликовѣ!» И я вспомнила, какъ два мѣсяца тому назадъ, когда блестящій герой Карса у него обѣдалъ, Валуевъ, измѣнивъ слова энциклопедиста къ Екатеринѣ II: «Съ Сѣвера идетъ теперъ къ намъ свѣтъ», провозгласилъ въ тостѣ: «Съ Востока идетъ теперь къ намъ свѣтъ!» Диктатура сердца — было также его выраженіемъ. А теперь этотъ дорогой другъ вдругъ сталъ — проклятымъ армяшкой. —

— Одни говорили: «Императоръ раненъ», другіе утверждали, что у него оторвана нога, что есть надежда на его спасеніе. Иные говорили: «обѣ ноги у Имератора оторваны и на жизнь нѣтъ надежды»; эти противорѣчивыя фразы

слѣдовали одна за другой. «Это плоды либеральной политики!» «Иначе и не могло быть». Всѣ эти отрывистыя фразы срывались съ сотенъ устъ людей различнаго происхожденія. Одни говорили съ болью сердца, другіе — съ гнѣвомъ, и сквозь страшный шумъ голосовъ непрерывно прорывались проклятія по адресу послѣдняго фаворита — Лорисъ-Меликова.

Наконецъ я точно узнала, что произошло.

Послѣ смотра въ манежѣ, Императоръ посѣтилъ Великую Княгиню Екатерину и во время его обратнаго слѣдованія, на Екатерининскомъ каналѣ, были въ него брошены двѣ бомбы. Одною изъ нихъ былъ тяжело раненъ двѣнадцати лѣтній мальчикъ, случайно проходившій по близости. Полный сожалѣнія и благородства Императоръ велѣлъ остановить свои сани, вышелъ къ раненому и въ это время была въ него брошена вторая бомба, оторвавшая ему обѣ ноги. Истекающимъ кровью его доставили въ Зимній Дворецъ. Два казака изъ его охраны были убиты, многіе ранены. Толпа вокругъ дворца росла безпрерывно, какъ вдругъ раздался громкій, звенящій голосъ Великаго Князя Владиміра, голосъ напоминающій сирену: «никого больше не впускать и не выпускать!» Такимъ образомъ всѣ присутствующіе собрались въ залѣ, называемомъ «ротондой» и въ длинномъ корридорѣ, ведшемъ въ покои умершаго Императора. Приносили въ залъ раненныхъ казаковъ на носилкахъ и генералы, окруживъ ихъ, стали ихъ допрашивать. Непрерывно вносили новыхъ раненныхъ. Принесли шинель Императора, изодранную, всю въ крови, покрытую грязью и осколками костей. Многіе, крестясь и плача, опустились на колѣни передъ этой реликвіей.

Камеръ-лакеи выносили изъ опочивальни Государя миски съ окровавленной водой и направлялись далѣе по корридору. Ихъ задерживали, окунали руки въ окровавленную, священную воду и напитывали ею носовые платки. Нѣсколько спустя, опираясь на руку генерала Рылѣева, прошла женщина, ведя за руку ребенка, двое другихъ дѣтей слѣдовали за ней. Это была княжна Долгорукая, ставшая Княгиней Юрьевской. Императоръ нѣсколько недѣль назадъ на ней женился и усыновилъ дѣтей. Въ первый разъ появилась она оффиціально. Нѣсколько минутъ спустя послѣ того какъ она прошла въ кабинетъ, гдѣ покоился Императоръ, ея душураздирающіе крики разнеслись по залу, — она увидала мертвымъ своего супруга. Солдаты довольно громко выражали свое мнѣніе: «Царь-Освободитель умеръ, такъ какъ онъ былъ окруженъ знатью недовольной освобожденіемъ крестьянъ. Мы бы лучше охранили его отъ убійцы». Лорисъ-Меликовъ, вчерашній фаворитъ, всесильный Лорисъ-Меликовъ, расположенія котораго нѣсколько часовъ тому назадъ столь многіе добивались, подходилъ то къ одному, то къ другому, старался что-то объяснить—повсюду встрѣчалъ онъ холодныя, враждебныя лица. «Вотъ ваша конституція», сказалъ ему кто-то и это былъ намекъ на конституцію, которую предполагалось черезъ нѣсколько дней объявить. Въ это же время, многіе окружили графа Воронцова-Дашкова, любимца Наслѣдника, заискивая передъ нимъ даже въ этотъ тяжелый часъ. Ясно вижу я его окруженнымъ молодыми офицерами свиты Наслѣдника; тутъ были: князь Оболенскій, Владиміръ Шереметьевъ, Мартыновъ, князь Бѣлосельскій. Воронцовъ-Дашковъ сдержанно и спокойно отвѣчалъ на ихъ вопросы.

Наконецъ появился духовникъ Императора. Голосомъ полными слезъ онъ медленно произнесъ: «Божьей Милостью, Императоръ Александръ II въ Бозѣ почилъ». Всѣ опустились на колѣни. Наступила мертвая тишина. Съ этого момента наступили и времена реакціи.

Разсказъ моей сестры.

Послѣ обрученія Александра II, всѣ члены Императорскаго Дома получили отъ него извѣщеніе о его бракосочетаніи съ княжной Екатериной Долгорукой, съ объясненіемъ причинъ, по какимъ онъ такъ поспѣшно, не дождавшись конца траурнаго года, рѣшился на этотъ шагъ. Его побудили къ этому частыя покушенія на его жизнь. Въ этомъ же извѣщеніи онъ выражалъ свою волю — представить свою супругу Великимъ Княгинямъ. Великая Княгиня Александра Іосифовна рѣшительно отказалась отъ знакомства со своей новой невѣсткой и заявила, что она всю зиму проведетъ не въ Петербургѣ, а въ своемъ дворцѣ, въ Стрѣльнѣ. Ея супругъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, неоднократно пытался убѣдить ее измѣнить свое рѣшеніе, такъ какъ братъ его, Императоръ Александръ II, былъ чрезвычайно этимъ недоволенъ. Вскорѣ старшая дочь Императора и княгини Юрьевской (это званіе она получила при своемъ обрученіи) заболѣла тяжелою формой тифа. Чтобы смягчить своего зятя, Великая Княгиня послала меня къ княгинѣ Юрьевской, справиться о состояніи здоровья ея дочери. Когда я пришла къ княгинѣ Юрьевской, отворилась дверь и на порогѣ ея по-

явился Императоръ Александръ II. Онъ вышелъ и сѣлъ со мною рядомъ. Крупные слезы текли по его щекамъ, когда онъ мнѣ говорилъ, что дитя его умретъ, такъ какъ никогда онъ не возвращался съ такимъ тяжелымъ сердцемъ въ Петербургъ и что, по пути, между Ялтой и Москвой, онъ сказалъ своей супругѣ: «Я чувствую, что что-то ужасное ожидаетъ меня въ Петербургѣ. Я имѣю предчувствіе, что надо мною витаетъ смерть. И вотъ умираетъ мой ребенокъ». Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ всѣ детали болѣзни его дочери и сказалъ, что онъ чрезвычайно тронутъ сочувствіемъ своей невѣстки къ его глубокому горю. «Поблагодарите ее за то, что она Васъ прислала», прибавилъ онъ и быстро всталъ. Его красивые, обыкновенно такіе добрые глаза получили вдругъ иное выраженіе. Онъ строго на меня посмотрѣлъ и сказалъ: «Я желаю, чтобы моя невѣстка какъ можно скорѣе сюда переѣхала. Понимаете, графиня, — Вы ей передайте этотъ приказъ, тотчасъ же. Въ Стрѣльну я ѣхать не могу, — я хочу ей представить мою жену». Когда я въ тотъ же вечеръ передала Великой Княгинѣ слова Императора, она гнѣвно воскликнула: «онъ не имѣетъ права требовать этого отъ меня. Я съ мѣста не тронусь». Но, тѣмъ не менѣе, на слѣдующее утро, въ 10 ч. переѣхали въ городъ, а въ 1 ч. дня Императоръ прибылъ въ Мраморный Дворецъ, чтобы представить своей невѣсткѣ Княгиню Юрьевскую. Другія Великія Княгини послѣдовали примѣру своей тетки. Мѣсяцъ спустя Императоръ былъ убитъ; если бы онъ остался живъ — княгиня Юрьевская была бы коронована. Проэктъ коронаціи былъ разработанъ Лорисъ-Меликовымъ.

Священная Лига.

Свѣжо преданіе а вѣрится съ трудомъ. Нынѣшнее поколѣніе едва ли слыхало объ этой организаціи, столь сильной въ свое время и служащей доказательствомъ человѣческой глупости. Товарищемъ мужа, лучше сказать— однимъ изъ паразитовъ, постоянно сопутствующихъ ему, — въ его холостые времена, — по ресторанамъ, цыганамъ и жившимъ на его счетъ, былъ нѣкій Николичъ-Сербоградскій. Сербъ по рожденію, онъ служилъ въ австрійской кавалеріи, былъ весь въ тѣхъ долгахъ, которые называются «долгами чести», а на самомъ дѣлѣ — безчестные долги. Затѣмъ онъ поступилъ на русскую службу и былъ въ чинѣ поручика Елисаветградскаго гусарскаго полка. Я его и теперь вижу предъ собой, типичнаго гусара, съ черными какъ смоль усами, съ видомъ побѣдителя всегда готоваго выпить, разсказывающаго безконечные анекдоты о золотоношскомъ гарнизонѣ и поющаго на плохомъ французскомъ языкѣ слѣдующія строки:

На австрійской службѣ
Воинъ не богатъ,
Это всѣмъ извѣстно, —

единственная правда, вышедшая когда-либо изъ его устъ. Послѣ смерти моего мужа, я старалась держать его, на сколько возможно, дальше отъ себя: вмѣсто приглашеній на обѣдъ, я приглашала его только на завтраки, и то чрезвычайно рѣдко, но я жалѣла его за его бѣдность и давала ему въ займы одну сотенную бумажку за другой, пока въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ сумма не достигла 6000 рублей. Я стала колебаться — одолжать-ли ему далѣе. Николичъ обидѣлся и прекратилъ, къ моему удовольствію, свои посѣщенія. Однажды мнѣ доложили о его приходѣ. Онъ казался помолодѣвшимъ на десять лѣтъ, былъ хорошо одѣтъ, выбритъ, съ разноцвѣтной кокардой въ петлицѣ. Онъ былъ настроенъ чрезвычайно торжественно и радостно, и имѣлъ видъ побѣдителя. Цѣлуя мнѣ руку, онъ передалъ мнѣ конвертъ, со словами: «Я пришелъ поблагодарить Васъ за вашу доброту и вернуть Вамъ 6.000 р., которые я Вамъ долженъ». Я удивленно на него взглянула: «что это Вы — наслѣдство получили или кого-нибудь ограбили»? невольно сорвался у меня нелестный вопросъ. «Ни то, ни другое, но я нашелъ занятіе, которое дастъ мнѣ возможность, благодаря моимъ познаніямъ и опыту, приносить пользу обществу и обезпечить свое будущее». Мое любопытство было возбуждено. Я не колеблясь приняла отъ него долгъ, на возвращеніе котораго перестала уже расчитывать, и просила Николича остаться у меня на завтракъ. Онъ былъ такъ же тронутъ моимъ великодушіемъ, какъ я — его неожиданной честностью. Мы разговорились на этотъ разъ довольно дружелюбно. Сначала, очень сдержанно, сталъ онъ мнѣ разсказывать про то, что образовалось тайное общество, въ родѣ Карбонаріевъ, поддерживаемое правительствомъ. Цѣль этого общества — розыскъ

нигилистовъ, доносъ на нихъ, ихъ арестъ и смертная казнь. Предсѣдателемъ этого общества былъ графъ Бобби Шуваловъ, тайнымъ министромъ иностранныхъ дѣлъ — Князь Константинъ Бѣлосельскій; онъ самъ — Николичъ, состоитъ начальникомъ большого отдѣла и дѣлаетъ ежедневно доклады тайному министру внутреннихъ дѣлъ князю Демидову Санъ-Донато. Всѣ члены Яхтъ-Клуба записались въ это общество, большіе капиталы къ нему стекаются, и онъ, Николичъ, получаетъ ежемѣсячно 3.000 рублей, огромная сума для того времени.

— Немного спустя мой дядя, Альфредъ фонъ Гроте, оберъ-гофмаршалъ двора, мнѣ разсказывалъ, что у него есть латышъ-лакей, очень услужливый, но глупый и неловкій малый. Когда, однажды, потерявъ терпѣніе, мой дядя, рѣзко ему что-то замѣтилъ, латышъ сказалъ ему съ упрекомъ: «Вы очень несправедливы по отношенію ко мнѣ, Ваше Сіятельство, и если я только подумаю, что я никогда не хотѣлъ на Васъ жаловаться!» — «На меня жаловаться, какъ, почему, кому?» «Священной Лигѣ, — я бы получилъ за это много денегъ». Гроте распросилъ своего лакея и узналъ отъ него, что ему давали бы опредѣленную сумму ежемѣсячно, если бы онъ подслушивалъ и давалъ свѣдѣнія о всѣхъ разговорахъ, ведущихся у Гроте. — Гроте показалось смѣшнымъ подозрѣніе, возбуждаемое имъ, и онъ посовѣтовалъ своему слугѣ принять предложеніе и этимъ увеличить свое жалованье и бдительность.

Наблюдать за графомъ Адлербергомъ было поручено одному фонарщику, и графъ не спокойно, но философски, это принялъ, но говорилъ объ этомъ повсюду и вслѣдствіе этого впалъ въ немилость, ставъ жертвой злостныхъ слуховъ о немъ распространяемыхъ.

— Братъ мой, полковникъ и флигель-адъютантъ Императора Александра II былъ тогда командиромъ одного изъ гренадерскихъ полковъ въ Москвѣ. Однажды появился, посланный графомъ П. Шуваловымъ офицеръ, чтобы вербовать среди офицеровъ въ Москвѣ членовъ Лиги, расчитывая на поддержку начальника штаба. Братъ мой попросилъ объяснить ему цѣль и средства этой организаціи и отвѣтилъ, что онъ уже далъ присягу, и не долженъ ее снова повторять, присягу — честно и вѣрно служить своему Царю и поэтому не можетъ принять участія въ такой организаціи. Офицеръ ушелъ. Братъ мой оффиціально извѣстилъ объ этомъ происшествіи своихъ подчиненныхъ. Онъ сообщалъ, что къ нему явился офицеръ, съ предложеніемъ основать общество, которое, будто, должно было заниматься тайной охраной Государя, но, что по его мнѣнію, эта организація могла бы служить только деморализаціей офицерскаго корпуса, разрушать дисциплину и создать невозможное положеніе въ войскахъ. Это сообщеніе дошло до Великаго Князя Владиміра, высочайшаго покровителя Священной Лиги, и вызвало его неблаговолѣніе къ моему брату, которое было поддержано и использовано другими, и братъ всю жизнь чувствовалъ на себѣ послѣдствія этого. Его очень поддерживалъ его другъ, князь Леонидъ Вяземскій, также чрезвычайно отрицательно относившійся къ дѣятельности «Священной Лиги». Этотъ благородный человѣкъ, типъ офицера — рыцаря, былъ впослѣдствіи обвиненъ въ крайнемъ либерализмѣ, оттого что, во время одного возстанія онъ хотѣлъ вырвать изъ рукъ казака истязаемую имъ женщину. Ему было запрещено присутствовать на засѣдані-

яхъ Государственнаго Совѣта, членомъ котораго онъ состоялъ. Скоро это возымѣло свои послѣдствія. Совершились невѣроятныя вещи.

Тщетно надѣялись на то, что существованіе Лиги останется въ тайнѣ. Члены Лиги, изъ которыхъ 10 человѣкъ образовывали отдѣленіе, должны были другъ друга не знать, а ихъ, не смотря на это, всѣ знали. Однажды, у меня, за чаемъ, былъ нѣкій Субковъ, извѣстный членъ Яхтъ-Клуба. Лакей пришелъ къ нему съ докладомъ: «Вашъ охранникъ почувствовалъ себя плохо и проситъ разрѣшить ему уйти домой». Всеобщее изумленіе. Субковъ очень смутился. Оказывается, что за членами Лиги слѣдили и они боялись мести нигилистовъ, и потому у каждаго изъ нихъ былъ свой охранникъ. Этотъ охранникъ повсюду слѣдовалъ за нимъ и, пока его господинъ сидѣлъ у кого нибудь съ визитомъ, былъ на обѣдѣ или на вечерѣ, — ожидалъ его у прислуги дома, которая его угощала, и охранникъ съ русской наивностью того времени, передавалъ ей самыя страшныя тайны этой ужасной организаціи. Помню я такой случай: я послала срочное письмо князю Фердинанду Витгенштейну. Послѣ долгаго отсутствія мой посланный вернулся съ сообщеніемъ, что онъ не имѣлъ возможности передать это письмо. Съ трогательной откровенностью, о которой я уже упоминала, камердинеръ князя ему сказалъ: «теперь, князю передать письмо невозможно, у него сидятъ тайные агенты». При этихъ условіяхъ тайная организація, конечно, вскорѣ перестала быть тайной.

Еще одинъ случай, увеселившій весь Петербургъ: любимцемъ Яхтъ-Клуба и высшаго свѣта былъ князь Г. Онъ

тоже принадлежалъ къ «Священной Лигѣ», гдѣ вздумалъ испробовать свои полицейскія способности. Вниманіе «Священной Лиги» было кѣмъ-то обращено на одинъ загородный извощичій трактиръ, гдѣ, повидимому, происходили встрѣчи нигилистовъ. Давшіе ему порученіе изслѣдовать это дѣло, ожидали конечно, что онъ одѣнетъ подобающій случаю костюмъ, который дастъ ему возможность незамѣченнымъ проскользнуть въ эту дыру, но онъ не рѣшился снять свою блестящую флигель-адъютантскую форму и, въ орденахъ и аксельбантахъ, занялъ мѣсто у стола въ трактирѣ и, конечно, привлекъ сейчасъ же на себя вниманіе всѣхъ окружающихъ. Онъ заказывалъ одинъ стаканъ чая за другимъ, въ надеждѣ подслушать компрометирующіе разговоры, раскрыть заговоръ. Ему становилось все жарче и жарче. Но никакихъ подозрительныхъ разговоровъ онъ не услыхалъ. Наконецъ, къ нему подошелъ хозяинъ трактира и съ большимъ почтеніемъ спросилъ его — не можетъ ли онъ быть ему полезнымъ, т. к., повидимому, онъ здѣсь кого-то ждетъ.

Князь Г. растерялся, не зналъ что отвѣтить и предпочелъ удалиться. Всѣ присутствующіе извощики, вставъ со своихъ мѣстъ, низко ему поклонились, а хозяинъ проводилъ его съ глубокими поклонами до саней. Князь Г. вернулся въ Яхтъ-Клубъ и занялъ тамъ снова свой наблюдательный постъ у окна на Морскую, съ тѣмъ, очевидно, чтобы его больше не покидать.

Эта тайная организація просуществовала полтора года, надѣлала много бѣдъ, дискредитируя высшій классъ общества, разрушая воинскую честь въ арміи и открывая

широкую дорогу интриганамъ и безчестнымъ людямъ для ихъ темной дѣятельности.

Когда графъ Дмитрій Андреевичъ Толстой былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ, онъ согласился на принятіе этого поста лишь послѣ того, какъ ему предварительно было обѣщано уничтожить «Священную Лигу».

Разсказъ графа Витте.

Три года до войны была я въ Біаррицѣ. Я часто встрѣчалась тамъ съ супругами Витте. Однажды, когда я обѣдала у нихъ на ихъ прекрасной виллѣ на Рю-де-Франсъ (кромѣ меня присутствовала еще дочь Витте и ея мужъ, Нарышкинъ, со своей матерью) заговорили объ одномъ слухѣ, распространяемомъ въ городѣ, и одинъ изъ присутствующихъ замѣтилъ: «легковѣрію публики, по истинѣ, нѣтъ границъ». — «Совершенно вѣрно», возразила я. «Знаете, Сергѣй Юльевичъ, вѣдь, въ свое время утверждали въ Петербургѣ, что Вы являлись изобрѣтателемъ этой невѣроятной, безсмысленной «Священной Лиги», и находились достаточно глупые люди, повѣрившіе этому». Какъ велико было мое изумленіе, когда я замѣтила, что графъ Витте поблѣднѣлъ и на мгновеніе закрылъ глаза; его лицо передергивалось и онъ съ трудомъ вымолвилъ: «ну, да, это — правда. Эта безумная, безсмысленная мысль зародилась впервые именно у меня». Теперь я невольно краснѣю, вспоминая объ этомъ, но тогда я была очень молода и не знала ни жизни, ни людей. «Я былъ маленькимъ, безвѣстнымъ начальникомъ станціи Фастовъ. Это было въ Кіевѣ», продолжалъ онъ. «1-го Марта 1881 г., послѣ

тяжелаго рабочаго дня, пошелъ я въ театръ. Тщетно ждали начала представленія. Наконецъ на сценѣ появился управляющій театромъ и прочиталъ телеграмму потрясающаго содержанія: «Императоръ Александръ II убитъ нигилистомъ, бросившимъ въ него бомбу, оторвавшую ему обѣ ноги». Невозможно передать то волненіе и боль, которыя вызвала у присутствующихъ это страшное извѣстіе. Александръ II, Царь Освободитель, былъ очень любимъ всѣми слоями общества и любовь эта была слѣдствіемъ цѣлаго ряда предпринятыхъ Государемъ либеральныхъ мѣръ, предшествовавшихъ столь ожидаемой конституціи.

Я вернулся домой, дрожа словно въ лихорадкѣ, и сѣлъ писать длинное письмо моему дядѣ, генералу Фадѣеву, военному корреспонденту «Голоса», интимному другу графа Воронцова-Дашкова. Я описалъ ему мое душевное состояніе, мое возмущеніе, мое страданіе и выразилъ то мнѣніе, что всѣ мои единомышленники, должны были бы тѣсно окружить тронъ, составить дружный союзъ, чтобы бороться съ нигилистами ихъ же оружіемъ: револьверами, бомбами и ядомъ. Что надо, подобно имъ, создать свою организацію, въ которой, какъ у нихъ, каждый членъ былъ бы обязанъ привлечь трехъ новыхъ, и каждый изъ новыхъ въ свою очередь тоже трехъ и т. д. Тридцать членовъ составляютъ отдѣленіе, съ вожакомъ. Я писалъ страницу за страницей, не перечитывая написаннаго. Въ то время мнѣ моя мысль казалась ясной, простой, легко исполнимой. На слѣдующій день это письмо было мною отправлено.

— Съ большимъ подъемомъ духа принесъ я присягу новому Монарху, посѣщалъ не мало панихидъ по Але-

ксандру II, а затѣмъ снова погрузился въ свои ежедневныя занятія, не вспоминая болѣе о моемъ письмѣ.

Прошли мѣсяцы. Вдругъ я получаю отъ моего дяди, Фадѣева, телеграмму: «Пріѣзжай немедленно. Приказъ о твоемъ отпускѣ посланъ твоему начальству. Я не вѣрилъ своимъ глазамъ, когда курьеръ принесъ мнѣ приказъ немедленно явиться къ начальнику дистанціи. Дрожа отъ волненія зашелъ я въ кабинетъ моего высшаго начальства, доступа куда не было такимъ маленькимъ служащимъ, какъ я. Я замѣтилъ въ чертахъ начальника нѣкоторую неувѣренность и замѣшательство: «я получилъ отъ министра путей сообщенія, адмирала Поссіета, приказъ дать Вамъ отпускъ и возможность поѣздки въ Петербургъ. Знаете-ли Вы, зачѣмъ Васъ вызываютъ?» спросилъ онъ меня. Я откровенно отвѣтилъ, что не имѣю никакого представленія. «Странно», сказалъ начальникъ, «Нужны Вамъ деньги на дорогу? Я готовъ Вамъ дать, сколько надо». Я поблагодарилъ и отказался. «Ну, поѣзжайте. Счастливый путь! но все-таки все это— странно», повторилъ онъ, измѣряя меня недовѣрчивымъ взглядомъ. Мнѣ казалось это еще болѣе страннымъ, чѣмъ ему.

На вокзалѣ, въ Петербургѣ, встрѣтилъ меня мой дядя, Фадѣевъ. Мы поѣхали къ нему и тамъ, за самоваромъ, разрѣшилась эта загадка. Письмо мое, о которомъ я уже давно не думалъ, написанное мною, въ какомъ-то лихорадочномъ состояніи, было передано моимъ дядей графу Воронцову-Дашкову, очень ему понравилось и онъ его вручилъ Государю Александру III, которому очень понравилась счастливая мысль образовать тайное общество охраны престола. Онъ отправилъ мое письмо своему

брату Великому Князю Владиміру, начальнику петербургскаго военнаго округа, съ предписаніемъ испытать и разработать мой проэктъ.

«Сегодня вечеромъ я повезу тебя на Фонтанку», сказалъ дядя, «къ Павлу Шувалову» (въ петербургскомъ обществѣ его знали подъ именемъ Боби). Онъ начальникъ нашего союза и ты познакомишься тамъ съ главными членами «Священной Лиги». Впервые переступилъ я порогъ одного изъ роскошныхъ аристократическихъ домовъ, что произвело на меня большое впечатлѣніе. Впервые также находился я въ обществѣ тѣхъ высокопоставленныхъ особъ, съ которыми впослѣдствіи мнѣ было суждено такъ часто встрѣчаться. Тамъ тогда находились Великіе Князя Владиміръ и Алексѣй, начальникъ генеральнаго штаба, генералъ князь Щербачевъ, кавалергардъ ротмистръ Панчулидзевъ и хозяинъ дома. Меня приняли очень сердечно, чествовали меня за мою геніальную идею и сообщили мнѣ, что мой проэктъ разработанъ и составленъ уже отдѣлъ (изъ 10-ти человѣкъ), что члены будутъ вербоваться какъ въ Россіи, такъ и заграницей и такимъ путемъ образуется мощная организація. Мнѣ показали тайный знакъ этого союза и привели меня къ присягѣ. Я долженъ былъ клясться передъ иконой, всѣ свои силы, всю жизнь посвятить этому дѣлу, и я, какъ и всѣ другіе члены, долженъ былъ дать обѣщаніе, въ случаѣ, если это понадобиться, не щадить ни отца, ни мать, ни сестеръ, ни братьевъ, ни жены, ни дѣтей. Вся эта процедура, происходившая въ роскошномъ кабинетѣ, среди разукрашенныхъ серебромъ и оружіемъ стѣнъ, произвела на меня, провинціала, глубокое впечатлѣніе. Но я былъ окончательно наэлектризованъ, когда раскрылась

дверь въ столовую, — никогда раньше не видалъ я столько изысканныхъ блюдъ. Вино лилось рѣкой и я былъ слегка навеселѣ, когда Великій Князь Владиміръ мнѣ сказалъ: «милый Витте, мы всѣ рѣшили, дать Вамъ, заслуженное Вами, почетное порученіе. Въ настоящее время французское правительство отказывается выдать намъ нигилиста Гартмана. Мы послали гвардіи поручика Полянскаго въ Парижъ съ приказомъ уничтожить Гартмана. Поѣзжайте завтра имѣть наблюденіе надъ Полянскимъ и, если онъ не исполнитъ свою обязанность, то убейте его, но предварительно ждите нашего приказа. Вы всегда найдете возможность вступать съ нами въ сношенія черезъ нашего агента въ Парижѣ; агентъ этотъ пользуется нашимъ полнымъ довѣріемъ и стоитъ во главѣ нашей организаціи заграницей. Вы можете его ежедневно видѣть у Дюрона, Бульваръ де ла Маделенъ. Совѣтуйтесь съ нимъ во всѣхъ трудныхъ случаяхъ». Я спросилъ его имя. Великій Князь сказалъ: «дайте ему себя узнать нашимъ тайнымъ знакомъ и онъ самъ назоветъ Вамъ свое имя». Мнѣ дали 20.000 рублей. Никогда ранѣе не видалъ я столько денегъ.

— На слѣдующій день дядя доставилъ меня на вокзалъ. У меня сильно болѣла голова послѣ выпитаго наканунѣ вина, и только въ Вержболовѣ пришелъ я окончательно въ себя и началъ разбираться въ этомъ странномъ происшествіи, въ которое я былъ вовлеченъ. Я не могъ себѣ представить въ то время, когда я писалъ моему дядѣ мое школьническое письмо, что оно могло дать результатъ такого государственнаго значенія. Въ то же время я былъ въ ужасѣ отъ назначенной мнѣ роли, и отъ данной мною страшной, связывающей меня, клятвы.

Перспектива пролить человѣческую кровь приводила меня въ содроганіе.

Наконецъ я пріѣхалъ въ Парижъ и остановился, въ назначенной мнѣ Великимъ Княземъ, гостинницѣ въ Quartier Latin. Три дня съ ряду завтракалъ и обѣдалъ я за столомъ въ близкомъ сосѣдствѣ съ человѣкомъ, котораго я долженъ былъ убить. На третій день, вечеромъ, моя будущая жертва приблизилась ко мнѣ и сказала: «я — Полянскій. Я получилъ отъ члена нашей организаціи извѣщеніе, что Вы сюда посланы для того, чтобы меня убить, если я не убью Гартмана. Долженъ Вамъ сообщить, что все предпринятое мною въ этомъ направленій увѣнчалось успѣхомъ, — я нанялъ убійцу и жду распоряженій изъ Петербурга, но я ихъ еще не получилъ и думаю, что будетъ лучше, если мы съ Вами, поговоримъ откровенно. Я рѣшилъ исполнить возложенное на меня порученіе и, поэтому, я не думаю, что я паду Вашей жертвой, мы имѣемъ время и возможность спастись». — Я былъ очень радъ этой встрѣчѣ, — я никого не зналъ въ Парижѣ, страшно скучалъ, и впервые провелъ пріятный вечеръ въ обществѣ товарища по «Священной Лигѣ», который, прежде чѣмъ убить или быть мною убитымъ, пошелъ со мной въ театръ, а затѣмъ въ ресторанъ, поужинать.

На слѣдующее утро все еще было по прежнему, и я вдругъ вспомнилъ, что мнѣ было приказано идти къ Дюрану, гдѣ я долженъ встрѣтить таинственную особу, которая мнѣ дастъ необходимыя указанія. Я сѣлъ за маленькій столъ у Дюрана и дѣлалъ каждому входящему нашъ таинственный знакъ, чтобы обратить на себя вниманіе. Одни проходили, не глядя на меня, мимо,

другіе, казалось, были нѣсколько изумлены и, такъ какъ я довольно часто повторялъ эти знаки, думали, вѣроятно, что я страдаю эпилепсіей. Я уже начиналъ терять всякую надежду, какъ вдругъ одинъ субъектъ, съ большими черными глазами и непріятной внѣшностью, проходя мимо моего стола и замѣтивъ мои знаки, отвѣтилъ на нихъ, — это былъ тотъ, кого я искалъ. Онъ подсѣлъ ко мнѣ и назвалъ себя — Зографо. Затѣмъ онъ мнѣ сказалъ, что онъ имѣетъ свѣдѣнія, что усилія посольства увѣнчались успѣхомъ, — удалось доказать, что нигилистъ Гартманъ — обыкновенный уголовный преступникъ и что вслѣдствіе этого, онъ будетъ выданъ французскимъ правительствомъ.

Такимъ образомъ намъ не пришлось совершать убійства.

Приказы центральнаго комитета передавались въ Парижъ черезъ князя Фердинанда Витгенштейна, бывшаго также членомъ этого тайнаго общества. — Мы провели эту ночь въ одномъ изъ увеселительныхъ заведеній Парижа. Я остался въ Парижѣ еще недѣлю, весело тратя и свои, и «Священной Лиги» деньги.

Когда я вернулся въ Петербургъ я замѣтилъ, что интересъ ко мнѣ сильно охладѣлъ. Меня уже не приглашали въ высшіе круги нашего тайнаго союза и я вернулся на свое мѣсто — начальника дистанціи Фастовъ, въ Кіевъ, гдѣ я оставался довольно долго.

Мнѣ вспоминается другой случай, на ту же тему, случай, доказывающій легкомысліе однихъ и безалаберность другихъ. Много лѣтъ бывалъ я довольно часто на обѣдѣ у моего стараго друга Дурново на Охтѣ (вблизи Петербурга). Не помню какъ, но въ разговорѣ мы косну-

лись «Священной Лиги». Дурново сказалъ: «чтобы судить объ этомъ предпріятіи, какъ и вообще обо всемъ на этомъ свѣтѣ, нужно на него взглянуть съ исторической точки зрѣнія. Скажу вамъ, что эта «Лига», не смотря на ея несовершенныя стороны и часто глупые промахи, которые я признаю, оказала государству большія услуги. Такъ, напримѣръ — мы должны быть благодарны исключительно нашей Лигѣ за раскрытіе большого заговора, имѣвшаго цѣлью похищеніе Наслѣдника Цесаревича Николая II, и ей только мы должны быть благодарны за спасеніе нашего будущаго Монарха. Впрочемъ, Рейтернъ, который здѣсь присутствуетъ, можетъ Вамъ объ этомъ подробнѣе передать, если онъ къ этому расположенъ». Полковникъ Рейтернъ, флигель-адъютантъ Государя, залился гомерическимъ смѣхомъ.

«Что съ Вами, откуда такое веселье?» обратилась къ нему съ вопросомъ г-жа Дурново. Рейтернъ, продолжая смѣяться, отвѣтилъ: «я разскажу Вамъ эту темную исторію. Однажды ужиналъ я съ однимъ моимъ пріятелемъ, судебнымъ слѣдователемъ. Стоялъ ноябрь, погода была отвратительная, меня лихорадило и кромѣ того я проигралъ много денегъ въ Яхтъ-Клубѣ. Пріятель мой также жаловался на ревматизмъ. «Если только подумать», воскликнулъ онъ, «что есть такіе счастливцы, которые увидятъ завтра лазурное море, голубое небо, въ то время, какъ мы еще много мѣсяцевъ обречены на сидѣніе въ этой слякоти». — И тутъ вдругъ на меня снизошло какъ бы откровеніе. У меня не было денегъ и поѣздка на югъ была для меня совершенно недоступна. — Что если бы я получилъ туда порученіе, но какимъ образомъ? Сначала въ шутку, стали мы придумывать «широкій заговоръ»,

который далъ бы намъ возможность получить назначеніе разслѣдовать это дѣло и съѣздить въ Италію, но постепенно этотъ планъ сталъ принимать болѣе реальныя формы и я, хорошо зная, князя Бѣлозерскаго, Павла Демидова и другихъ, увѣрилъ моего собесѣдника, что ихъ вполнѣ возможно въ этомъ убѣдить. Мы сочинили анонимныя разоблаченія съ вымышленными подписями, и я очень забавлялся, видя какъ всѣ эти наши доморощенные Шерлоки Холмсы были нами одурачены.

Боби Шуваловъ, человѣкъ не глупый, но морфинистъ, постоянно одержимый какой-нибудь навязчивой идеей, отвелъ меня однажды, въ Яхтъ-Клубѣ, въ сторону и спросилъ, возьму ли я на себя поѣздку въ Римъ, съ тѣмъ, чтобы поговорить съ итальянской полиціей о заговорѣ, изобрѣтенномъ моей фантазіей въ Римѣ. Шуваловъ находилъ, что я очень подхожу къ этому порученію и сказалъ, что онъ убѣжденъ въ прекрасномъ исходѣ моей поѣздки. Я выразилъ ему свое согласіе, но поставилъ условіемъ, чтобы мнѣ сопутствовалъ опытный слѣдователь. Видите ли, милѣйшій П., такъ признаюсь я Вамъ черезъ 15 лѣтъ, какъ я васъ всѣхъ водилъ за носъ».

Генералъ Черевинъ

Недавно была я въ обществѣ яраго антисемита правдиваго, уважаемаго человѣка, но, подобно всѣмъ фанатикамъ, носящаго шоры, считающаго погромы законнымъ и естественнымъ явленіемъ. Я много съ нимъ спорила по этому поводу. Каждый человѣкъ свободенъ въ выборѣ себѣ среды и имѣетъ право избѣгать соприкосновенія съ непріятными для него элементами, но это еще не причина для сжиганія евреевъ или для спокойнаго отношенія къ умерщвленію ихъ дѣтей. Съ дѣтства относилась я отрицательно ко всякимъ притѣсненіямъ и не признавала чувства ненависти и несправедливости. Давленіе вызываетъ контръ-давленіе, и во многомъ, что теперь происходитъ, вижу я месть евреевъ за тѣ притѣсненія, которымъ они подвергались въ теченіе многихъ столѣтій, въ особенности въ Россіи, гдѣ законъ и суевѣріе сообща дѣлали изъ еврея — парія.

Избранный предсѣдателемъ комиссіи по еврейскому вопросу, графъ Паленъ, свой докладъ Императору Александру III, самому антисемитическому изъ правителей, началъ слѣдующими словами:

«Ваше Величество! Евреи всегда обращались съ нами такъ, какъ евреи обращаются съ христіанами, но христіане никогда не относились къ евреямъ по христіански».

Приведу одно происшествіе, имѣвшее свое начало въ моемъ домѣ, происшествіе, характеризующее наше правительство того времени. У Александра III — былъ любимецъ — генералъ Черевинъ, стоявшій во главѣ охраннаго отдѣленія. Онъ пользовался неограниченными полномочіями. Онъ соединялъ въ себѣ всю автократическую власть и никогда еще, ни одинъ азіатскій деспотъ, такъ широко ею не пользовался, какъ онъ. Онъ былъ другомъ моего мужа и жилъ противъ насъ, на Сергіевской. Однажды, когда онъ собрался къ намъ на обѣдъ, у насъ находился Никита Всеволожскій, а также и Лубковъ. Едва мы вошли въ столовую, лакей доложилъ, что полковникъ Б., флигель-адъютантъ Императора, желаетъ видѣть генерала Черевина. Прошло довольно много времени пока Черевинъ вернулся къ намъ и приказалъ лакею немедленно привезти начальника его канцеляріи, жандармскаго полковника:

«Что случилось?» обратились мы къ нему съ вопросомъ. Черевинъ, выпивъ нѣсколько рюмокъ вина и прійдя въ хорошее настроеніе, разсказалъ намъ, какъ нѣчто совершенно обыденное, что другъ его явился къ нему за помощью по слѣдующему дѣлу: г-жа С. вела процессъ съ фонъ Т. Процессомъ этимъ руководилъ адвокатъ-еврей, который долженъ былъ вскорѣ произнесть свою защитительную рѣчь, и было очевидно, что Т. выиграетъ процессъ. Г-жа С., предвидя это, обратилась своевременно къ Черевину. «Я не стану ломать себѣ голову и

очень просто помогу г-жѣ С. Сегодня же ночью я велю арестовать этого проклятаго жида, какъ политически неблагонадежнаго, и онъ отправится на прогулку въ Сибирь; когда же здѣсь сумѣютъ очнуться и доказать его невинность — я верну его обратно», сказалъ Черевинъ. «Но, вѣдь, это — низость», воскликнула я, «я думаю — Вы шутите, умоляю Васъ, скажите мнѣ, что это только шутка». — «Нѣтъ, я вовсе не шучу: не могу же я ставить на одни и тѣ же моихъ друзей и какого-то грязнаго жида, если сегодня и невиновнаго, то бывшаго вчера или будущаго завтра виновнымъ». —

«Во всякомъ случаѣ вѣсы ваши не вѣсы справедливости» сказала я и стала просить Лубкова и Бѣлопольскаго меня поддержать. Оба они смутились, такъ какъ оба трепетали предъ всесильнымъ Черевинымъ, часто и ранѣе отказывавшимъ имъ въ ихъ не менѣе законныхъ просьбахъ.

— Я была подавлена этимъ сквернымъ, имѣвшимъ мѣсто въ моемъ домѣ, поступкомъ и казалась себѣ самой причастной къ нему. Я все старалась вернуться къ этому вопросу, но Черевина это разозлило. Онъ много пилъ и всталъ полупьянымъ изъ за стола. Въ это мгновеніе было доложено о прибытіи жандармскаго полковника. Черевинъ уединился съ нимъ, прося бумагу и чернилъ, и такимъ образомъ была рѣшена судьба несчастнаго Б. Съ этого дня Черевинъ сталъ относиться ко мнѣ съ предубѣжденіемъ. Что касается несчастнаго адвоката Б., то я впослѣдствіи слыхала слѣдующее: жена его въ день ареста мужа, отъ волненія, получила выкидышъ и умерла. Три мѣсяца спустя Б. вернулся изъ ссылки. Вскорѣ послѣ этого онъ покинулъ Россію и уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ и понынѣ живетъ.

Яхтъ-Клубъ.

Баронъ Бартольдъ Гюне, женатый на прелестной дочери бывшаго американскаго посла въ Петербургѣ, Миссъ Лотропъ, разсказалъ мнѣ слѣдующее: когда онъ въ 1920 г. находился въ Парижѣ, къ нему обращалось много русскихъ, принадлежащихъ къ высшему обществу съ предложеніемъ, принять участіе въ возобновленіи Яхтъ-Клуба, подъ предсѣдательствомъ Сазонова. Было уже подыскано помѣщеніе, велись переговоры съ русскимъ поваромъ, который долженъ былъ блинами, пирогами, битками и ухой, укрѣпить патріотическія и національныя чувства. Но отсутствіе солидарности, явленіе обыкновенное у насъ, русскихъ, и тутъ сказалось и изъ этого начинанія ничего не вышло. И въ этомъ рѣшительно никого нельзя обвинить: ни союзниковъ, ни непріятеля, ни массоновъ, ни даже нѣмецкій генеральный штабъ, такъ какъ никто изъ нихъ въ этомъ дѣлѣ не принималъ никакого участія. Яхтъ-Клубъ, какое волшебное слово! Сколько людей, проходившихъ по Морской, бросали завистливые взгляды на эту святыню, на этотъ предметъ ихъ завѣтныхъ желаній. Вспоминаю я и понынѣ, какъ члены Яхтъ-Клуба сидѣли у оконъ и съ важнымъ ви-

домъ превосходства и сознанія собственнаго достоинства часами наблюдали за движеніемъ на Морской. Бывшій передъ баллотировкой скромнымъ, застѣнчивымъ юношей, едва-ли не немедля послѣ избранія его въ члены, становился высокомѣрнымъ и полнымъ самомнѣнія человѣкомъ. Онъ говорилъ о своемъ Клубѣ, какъ о Сенатѣ или о Государственномъ Совѣтѣ и когда въ его присутствіи говорили о политикѣ — онъ въ самыхъ сложныхъ, даже для государственныхъ умовъ, вопросахъ важно произносилъ: «въ Яхтъ-Клубѣ говорятъ... въ Яхтъ-Клубѣ находятъ... въ Яхтъ-Клубѣ рѣшили....» Но это была правда: постоянное присутствіе въ клубѣ Великихъ Князей, въ особенности всесильнаго Николая Николаевича и общеніе съ ними остальныхъ членовъ, послужило поводомъ для частаго посѣщенія многими министрами и другими вліятельными лицами этихъ собраній и нерѣдко случалось, что тамъ начинали карьеру, создавали себѣ имена и наоборотъ— свергали нежелательныхъ лицъ съ ихъ высокихъ постовъ. Пріятная жизнь, возможность продвинуть въ высшія сферы своихъ близкихъ — дѣлали членовъ Яхтъ-Клуба какими-то избранными существами.

Въ Россіи былъ два рода близкихъ къ Его Величеству людей: одни, выдвинутые счастливымъ случаемъ, другіе — члены Яхтъ-Клуба, особыя существа, для которыхъ все было достигнуто.

Оттуда именно, въ теченіе многихъ лѣтъ, выбирались кандидаты на высокій административный или дипломатическій постъ, а также и начальники гвардейскихъ дивизій и корпусовъ. За членами Яхтъ-Клуба ухаживали, заискивали въ нихъ, такъ какъ они могли легко оказать протекцію. Клубъ обыкновенно учреждается для

совмѣстнаго времяпрепровожденія, для болѣе пріятнаго и дешеваго стола, но нигдѣ, никогда, за исключеніемъ клубовъ временъ французской революціи (Якобинцевъ, Жирондистовъ и друг.), не было такого единодушія и единомыслія, какъ въ Яхтъ-Клубѣ, — онъ былъ тѣломъ, одухотвореннымъ высшими гвардейскими чинами. Видя въ моемъ домѣ разныя поколѣнія нашихъ военныхъ — братъ мой и мужъ были тоже военными — я часто удивлялась военной этикѣ, царившей среди нихъ. Такъ, напримѣръ, мнѣ совершенно понятно, если обезчестившаго военный мундиръ обязываютъ его снять. Но меня нерѣдко поражало, что офицеръ, совершившій тотъ или иной поступокъ, обезчестившій мундиръ, менѣе былъ порицаемъ, чѣмъ тотъ, кто сообщилъ о его провинности. Противъ этого послѣдняго направлялось все возмущеніе, вся злоба военной корпораціи и месть какъ отдѣльныхъ ея членовъ, такъ части и всей корпораціи. Что касается самаго виновника, то, задавъ ему головомойку, всѣми силами старались загладить его проступокъ, клялись, что ничего подобнаго онъ не совершилъ, и тѣмъ дѣлали невозможнымъ существованіе сообщившаго о провинившемся.

Русскій можетъ быть плохимъ сыномъ, братомъ, отцемъ или мужемъ, но онъ всегда — хорошій товарищъ. Съ дѣтства въ душѣ его чувство товарищества доминируетъ надъ всѣми остальными чувствами. Въ школѣ, въ гимназіи, въ кадетскомъ корпусѣ развивается въ немъ это чувство. Впослѣдствіи, въ полку, онъ узнаетъ, что разорить свою семью дѣло не важное, важно же и преступно не помочь своему товарищу, если надо, поручившись за него не только своею, но, косвенно, и матери, и жены подписью на его векселяхъ. Въ полку гвардейскихъ Гусаръ

поручительство другъ за друга требовалось совершенно открыто, оффиціально. Я знала семьи, гордившіяся блестящей формою своихъ сыновей и братьевъ и затѣмъ проливавшихъ горькія слезы при продажѣ своихъ домовъ, имѣній, драгоцѣнностей для уплаты долговъ, сдѣланныхъ товарищами ихъ сыновей или братьевъ. Такъ было, когда князь Павелъ Лобановъ сдѣлалъ долгъ въ 800.000 рублей, уплата этой суммы была принудительно распредѣлена между его товарищами по полку, изъ которыхъ многіе должны были вслѣдствіе этого покинуть службу и прозябать въ деревнѣ.

Когда, въ октябрѣ прошлаго года, я была въ Мюнхенѣ, я встрѣтила тамъ въ Hôtel Continentale турка Азисъ-Бея, котораго я 30 лѣтъ не видала и котораго я знала молодымъ, элегантнымъ адъютантомъ Султана. Онъ былъ прикомандированъ, въ качествѣ атташе, къ Кавалергардскому полку и въ теченіе пяти лѣтъ Азиса можно было встрѣчать во всѣхъ элегантнѣйшихъ салонахъ и ресторанахъ Петербурга, на бѣгахъ и на скачкахъ. Красивый малый, безупречный кавалеръ, хорошій танцоръ — онъ пользовался успѣхомъ, и такъ какъ ко всему онъ былъ еще и смѣлымъ игрокомъ — его очень любили въ Яхтъ-Клубѣ. Я встрѣтила его старымъ, больнымъ, безъ средствъ; онъ велъ въ Мюнхенѣ жизнь полную лишеній и изнемогалъ подъ бременемъ своихъ воспоминаній. Съ безразличіемъ мусульманина-фаталиста онъ былъ равнодушенъ къ гибели своей и нашей родины и только повторялъ безъ конца: «все пропало . . . все пропало . . . мнѣ все безразлично . . . все равно . . . меня больше ничего не интересуетъ . . .» Однажды онъ все-таки меня спросилъ — процвѣтаетъ ли по прежнему Яхтъ-Клубъ. Я взглянула

на него съ изумленіемъ: «что за странный вопросъ, Азисъ-Бей, какъ можете Вы предполагать, что при большевикахъ можетъ существовать Яхтъ-Клубъ? Тамъ теперь находится какое-то революціонное учрежденіе, — на томъ самомъ мѣстѣ, откуда Вы и остальные члены клуба часами наблюдали за движеніемъ на Морской — я видѣла пишущихъ на машинкахъ женщинъ».

Азисъ началъ сильно волноваться и какіе-то странные, неожиданные звуки заклокотали въ его горлѣ. Онъ схватился за голову, — казалось фатализмъ его покинулъ, — и вскрикнулъ: «Аллахъ, Аллахъ, возможно ли это, я не могу этому повѣрить! Какъ, эта изысканная, столь могучая организація, эти люди, все знавшіе, все могущіе, эти избранные люди, болѣе не существуютъ? Что за несчастье, что за несчастье! Тогда Россія, конечно — погибла, все пропало, все! Но, ради Бога, скажите мнѣ куда ходитъ теперь Сергѣй Бѣлосельскій? Гдѣ проводитъ вечера Влади Орловъ? Гдѣ устраиваетъ свои партіи въ покеръ князь Борисъ Васильчиковъ? Аллахъ, Аллахъ, какое несчастье!»

Я старалась его успокоить, говоря, что Сергѣй Бѣлосельскій нашелъ себѣ клубъ въ Лондонѣ, что Влади Орловъ поселился въ Парижѣ, что князь Борисъ Васильчиковъ находится въ Баденѣ, въ санаторіи и въ настоящее время не играетъ въ покеръ.

На слѣдующій день поблѣднѣвшій и осунувшійся Азисъ мнѣ сказалъ, что онъ всю ночь не могъ уснуть, и я убѣдилась, что гибель Яхтъ-Клуба для него важнѣе и ужаснѣй гибели четырехъ государствъ.

Любимецъ Двора и столицы.

Это было весною 1873 года. Я заѣхала въ моемъ экипажѣ за моей подругой, княгиней Лизой Куракиной, чтобы съ нею прокатиться по Петербургу. На Морской на нашъ экипажъ наскочила сзади чья-то коляска и сидѣвшій въ ней молодой кавалергардъ, вмѣсто извиненій, обрушился руганью на нашего ни въ чемъ неповиннаго кучера и грозилъ какъ ему, такъ и намъ кулакомъ. Возмущенной вернулась я домой и разсказали о происшедшемъ моему брату, адъютанту Кавалергардскаго полка. Онъ сдѣлалъ распоряженіе и оказалось, что это былъ юный Кавалергардъ Николаевъ, бывшій воспитанникъ кавалерійскаго училища. Въ свое извиненіе онъ привелъ то обстоятельство, что онъ отъ 12 до 4 завтракалъ и потому во время этого происшествія былъ навеселѣ. Впослѣдствіи мнѣ не разъ приходилось встрѣчаться съ этимъ маловоспитаннымъ офицеромъ, такъ какъ онъ былъ любимцемъ столичнаго общества и смерть его оплакивалась значительно болѣе, чѣмъ смерть какого-нибудь великаго полководца. Мнѣ кажется, что такой молодой человѣкъ не могъ бы нигдѣ заграницей пользоваться какимъ бы то ни было успѣхомъ. Не обладая ни умомъ,

ни средствами, темнаго происхожденія, безъ всякихъ познаній, онъ не пользовался ни чьей поддержкой и никто не зналъ ни одного изъ членовъ его семьи. Ходили смутные слухи объ его отцѣ, инженеръ-генералѣ, пріобрѣвшемъ нѣкоторыя средства Богъ вѣсть какими путями. Дядя его былъ исправникомъ въ какомъ-то уѣздѣ Тульской губерніи. Тогда еще Николаевъ былъ здоровымъ, красивымъ, съ густой шевелюрой, слегка неповоротливымъ и грубымъ въ обращеніи мальчикомъ, едва говорившимъ по французски, но добрымъ товарищемъ, всегда готовымъ опорожнить въ пріятномъ обществѣ ни одну бутылку вина или прокатиться ночью на тройкѣ къ цыганамъ.

Первой, обратившей на него вниманіе, была княгиня Нелли Барятинская. Николаевъ сталъ ежедневнымъ посѣтителемъ ихъ дома. Мой двоюродный братъ, Александръ Барятинскій, былъ полковникомъ Каваларгардскаго полка. Онъ велъ открытый домъ, который посѣщало не только высшее общество, но и дворъ, въ особенности дворъ Великаго Князя Владиміра. Николаевъ особенно выдѣлялся въ такомъ обществѣ, смѣялись надъ его сквернымъ французскимъ говоромъ, надъ его необразованностью. Его некультурность послужила основой его успѣхамъ, что нерѣдко случалось въ нашей полной противорѣчій столичной жизни. Онъ вступилъ въ Яхтъ-Клубъ и началъ играть. Игралъ онъ счастливо и выигранныя имъ тамъ деньги послужили началомъ его состоянія. Всегда хорошо настроенный, не отзываясь никогда ни о комъ дурно — что было слѣдствіемъ разсчета, а не благодушія — онъ сблизился въ Яхтъ-Клубѣ съ вліятельными лицами, собутыльникомъ и увеселителемъ которыхъ онъ сумѣлъ стать безъ особыхъ усилій. Онъ умѣлъ принимать

независимый и даже покровительный видъ по отношенію къ тѣмъ, кого онъ объѣдалъ и опивалъ.

Зараженная модой на Николаева, Великая Княгиня Марія Павловна пригласила его къ себѣ. Тогда было признакомъ хорошаго тона имѣть у себя Николаева за завтракомъ и обѣдомъ. Его видали во всѣхъ общественныхъ мѣстахъ, въ балетѣ — въ первомъ ряду, на скачкахъ, на бѣгахъ, всегда съ сигарой во рту, всегда навеселѣ, безпрерывно повторяющимъ одно и тоже слово: „charmant charmant". Единственная неудача постигла этого баловня судьбы, когда онъ, однажды, въ день полкового праздника Кавалергардовъ, ожидалъ флигель адъютантскіе аксельбанты, о которыхъ хлопотала за него предъ Александромъ II Марія Павловна, но Императоръ, видимо, не раздѣляя общихъ симпатій, назначилъ своимъ флигель адъютантомъ не Николаева, а Михаила Пашкова. Николаевъ же удостоился этой чести значительно позже, протанцевавъ котиліонъ съ царицей.

Время шло и послѣ командованія имъ въ теченіе 18 мѣсяцевъ драгунскимъ полкомъ, въ Ковно, получилъ онъ наконецъ, въ командованіе Кавалергардскій полкъ и съ тѣхъ поръ можно о жизни его сказать въ нѣсколькихъ словахъ: завтраки, счастливая игра, обѣды, ужины, завтраки, обѣды, ужины, игра. Никакія событія, ни чьи страданія не могли нарушить его покой. Николаевъ былъ знакомъ исключительно съ богатыми или вліятельными и высокопоставленными лицами; лѣто онъ проводилъ въ ихъ дворцахъ, питался на ихъ счетъ и такимъ образомъ жилъ на такую широкую ногу, какъ будто имѣлъ тысячъ двѣсти годоваго дохода. Этотъ всеобщій любимецъ, никогда никому не поднесъ цвѣтка, никого никогда не пригласилъ

къ обѣду, никому не нанесъ визита и, получая приглашенія, являлся туда, куда ему было интереснѣе и выгоднѣе явиться. Даже смерть его прошла для него счастливо. Угрожаемый страшной болѣзнью — ракомъ, онъ умеръ внезапно, безъ сознанія, сожалѣемый всѣми, очевидно, благодарными ему за поглощенные имъ у нихъ завтраки и обѣды. Похороны его отличались большой пышностью и, если бы онъ могъ говорить, онъ вѣроятно бы сказалъ: «очень шикарно, очень шикарно,» слова, которыя онъ такъ охотно повторялъ при жизни.

Дипломатическое событіе.

Тѣ, которымъ рѣдко приходится бывать у пословъ, министровъ, вообще — сильныхъ міра сего, принимаютъ на вѣру все, что касается этихъ господъ и придаютъ большое значеніе ихъ словамъ и дѣламъ. Если бы только знали сколько ребячества и ничтожества кроется часто за этими словами и дѣлами! Вспоминаю я очень интересную исторію, о которой много говорилось въ Петербургѣ, и которую я лишь впослѣдствіи узнала. Во время царствованія Александра III директоромъ Государственнаго банка былъ Ламанскій, считавшійся хорошимъ финансистомъ. Къ несчастью онъ былъ женатъ на мало привлекательной женщинѣ. Она была чрезвычайно поверхностна и имѣла страстное желаніе проникнуть въ высшія сферы, питавшія къ ней мало симпатіи и энергично противившіяся всѣмъ ея попыткамъ. Эта супрожеская пара страдала маніей давать великолѣпные обѣды, къ которымъ обыкновенно приглашалось нѣсколько министровъ и пословъ. Эти обыкновенно отказывали и посылали вмѣсто себя какихъ, либо замѣстителей и бѣдные Ламанскіе такимъ образомъ вводили себя постоянно въ расходъ для

людей, которыхъ они не приглашали и которые являлись въ послѣдній моментъ занимать мѣста не явившихся сильныхъ міра сего. Однажды, на одинъ изъ своихъ званныхъ обѣдовъ, они пригласили французскаго посла, маркиза де Монтебэлло и нѣмецкаго — генерала фонъ Вердера. Въ числѣ другихъ, менѣе высокопоставленныхъ гостей находился и графъ Рексъ, секретарь нѣмецкаго посольства и многіе посланники и секратари различныхъ иностранныхъ миссій. Маркизъ де Монтебэлло, не принявшій безчисленое количество приглашеній въ этотъ домъ, на этотъ разъ рѣшилъ прійти. Но такъ какъ ему хотѣлось какъ можно скорѣе оттуда убраться, онъ попросилъ секретаря французскаго посольства графа Бовине, чтобы этотъ къ концу обѣда прислалъ ему нѣсколько словъ, на основаніи которыхъ онъ могъ бы, сославшись на важныя, безотлагательныя дѣла, покинуть этот домъ. Генералъ Вердеръ тоже получалъ отъ Ламанскихъ много приглашеній, но и на этотъ разъ онъ рѣшилъ не пойти. Простосердечный и прямой, онъ не долго подыскималъ предлога къ отказу, а просто послалъ къ обѣду своего лейбъегеря сказать, что онъ экстренно вызванъ въ Гатчину къ Императору. Затѣмъ онъ преспокойно поѣхалъ къ г-жѣ П., въ чьемъ домѣ онъ большей частью проводилъ свои вечера. Французскаго посла Ламанскій встрѣтилъ уже въ передней. Въ то время Александръ III велъ очень замкнутую жизнь въ Гатчинѣ, пріѣзжалъ очень рѣдко въ городъ и почти не видался съ послами. Поэтому вызовъ генерала Вердера могъ бы послужить поводомъ для толковъ о какомъ-либо важномъ политическомъ событіи. Задумавшись надъ этимъ графъ Монтебэлло сталъ очень молчаливымъ и озабоченнымъ, не произнесъ въ продолженіе всего обѣда

ни слова, ѣлъ и пилъ мало, и когда онъ всталъ изъ за стола, ему передали условленную записку отъ графа Бовиве, призывающую его немедленно въ зданіе посольства. Ламанскій его проводилъ до двери и когда онъ вернулся обратно, то увидѣлъ замѣшательство на лицахъ всѣхъ присутствующихъ. Образовались перешептывающіяся группы, сопоставлялся вызовъ Вердера въ Гатчину съ внезапнымъ уходомъ французскаго посла. Предвидѣли европейскій конфликтъ. Мужчины и дамы окружили Ламанскаго, прося у него совѣта, какія бумаги имъ купить, какія продать. Постепенно гости одинъ за другимъ исчезали съ тѣмъ, чтобы поскорѣе подѣлиться въ клубѣ или въ своихъ семьяхъ назрѣвающими событіями, и артисты и пѣвцы, приглашенные для увеселенія общества нашли пустой залъ и всю въ слезахъ г-жу Ламанскую.

Графъ Рексъ направился въ Яхтъ-Клубъ, гдѣ онъ засталъ графа Бовиве спокойно играющимъ въ безикъ. Онъ его окликнулъ и сказалъ ему торжественно: «я не имѣю права Вамъ многое разсказать, это—профессіональная тайна, но какъ старый товарищъ я позволю себѣ дать Вамъ совѣтъ: не оставайтесь здѣсь, идите немедленно въ посольство, — Ваше присутствіе тамъ необходимо».

— «Въ чемъ дѣло?» спросилъ Бовиве. Рексъ принявъ таинственный видъ произнесъ: «Профессіональная тайна». Бовиве, совершенно забывъ о своемъ посланіи къ Ламанскому, поспѣшно направился въ посольство, гдѣ ему сообщили, что посолъ о немъ справлялся и уѣхалъ весьма раздраженнымъ, давъ кучеру адресъ г-жи Кутузовой-Толстой. Я была тамъ въ то время съ графомъ де Вилла Копсало, испанскимъ посломъ. Дверь раскрылась и вошелъ съ чрезвычайно озабоченнымъ видомъ Бовиве,

не хотѣлъ садиться и спросилъ не былъ-ли еще здѣсь посолъ. Пять минутъ спустя появился маркизъ де Монтебэлло и спросилъ — не было ли здѣсь Бовиве. Въ полночь вернулся изъ Яхтъ-Клуба Кутузовъ-Толстой и собщилъ объ обѣдѣ у Ламанскихъ. Не было никакого сомнѣнія — политическій горизонтъ заволакивался тучами. Послѣ безсонной ночи, утромъ маркизъ де Монтебелло вспомнилъ, что баронъ Марохети, итальянскій посолъ, — другъ его дѣтства — долженъ быть предупрежденъ о шагахъ, предпринимаемыхъ его коллегами и ихъ нѣмецкими союзниками. Какъ онъ впослѣдствіи весьма остроумно намъ разсказывалъ, онъ вошелъ къ Марохети, когда тотъ еще лежалъ въ постели и сказалъ ему: «Милый, прекрасный другъ мой Марокъ, политика разрознила наши страны, но я увѣренъ, что наши сердца не могутъ быть раздѣлены. Я взываю къ нашей старой дружбѣ. Скажите мнѣ — для чего генералъ Вердеръ ѣздилъ въ Гатчину?» Марохети, ужинавшій до поздней ночи въ обществѣ прекрасныхъ дамъ, былъ еще спросонокъ, протиралъ глаза и отвѣтилъ: «Увѣряю Васъ, я ничего объ этомъ не знаю». — «Марокъ, милый другъ, скажите мнѣ хоть то, что Вы можете, дайте хоть намекъ». — «Но, клянусь, что я ничего не знаю по этому поводу». — «Какъ, отъ Васъ все скрыли? Такъ и должно было случиться съ Вашими новыми союзниками, пруссаками». И онъ холодно оставилъ комнату. Марохети пришелъ въ себя. Неужто, дѣйствительно съ нимъ сыграли такую игру? Что отъ него скрываютъ? И желая все это разъяснить, онъ рѣшилъ лично отправиться къ генералу Вердеру. Нѣмецкій посолъ принялъ весьма радушно своего итальянскаго коллегу. Марохети, будучи изъ рода Макіавелли, не коснулся прямо вопроса, а хо-

тѣль дипломатическимъ образомъ вызвать Вердера на откровенность. Онъ подошелъ къ письменному столу, на которомъ стоялъ портретъ Александра III и сказалъ: «Какой великолѣпный портретъ Императора, какое симпатичное лицо. Давно ли Вы его видѣли въ послѣднiй разъ?» Прямодушный Вердеръ сталъ припоминать, желая быть точнымъ: «Кажется, мѣсяцевъ пять тому назадъ, но, погодите, я справлюсь по моему календарю, гдѣ я все записываю. Вотъ здѣсь помѣчено: какъ разъ пять мѣсяцевъ и четыра дня!» «И это дѣйствительно было въ послѣднiй разъ, что Вы его видѣли?» спросилъ Марохети, испытующе на его глядя. Вердеръ задумался. Марохети ликовалъ — вотъ, наконецъ, онъ все узнаетъ. «Не совсѣмъ», произнесъ, колеблясь, Вердеръ. «Я...» — «Ахъ, такъ,» воскликнулъ Марохети, «Да, Вы правы я его еще разъ послѣ этого видалъ, но только издали на улицѣ, когда онъ проѣзжалъ съ вокзала въ Зимнiй Дворецъ, — это я забылъ занести въ мой календарь».

Наконецъ былъ брошенъ лучъ свѣта на эту темную исторiю; маркизѣ де Монтебелло не составляло особеннаго затрудненiя открыть нѣкоторые источники и при посредствѣ ихъ узнать, что генерала Вердера въ тотъ вечеръ въ Гатчинѣ вовсе и не было! — Достойны сожалѣнiя во всей этой исторiи лишь жертвы биржи, потерпѣвшiя большiе убытки.

Двѣ встрѣчи въ Карлсбадѣ.

Весной 1901 г. меня, тяжело заболѣвшую, послали въ Карлсбадъ. Мой врачъ, проф. Тирнауеръ, директоръ Зандеровскаго института, какъ разъ вернулся туда изъ Венгріи, куда онъ былъ приглашенъ графомъ Зичи къ умирающему Милану Сербскому.

Профессоръ разсказалъ мнѣ слѣдующее о послѣднихъ минутахъ человѣка, котораго я когда-то знала и конецъ котораго, несмотря на всѣ содѣянные имъ грѣхи и ошибки, вызываетъ нѣкоторое сочувствіе. Единственное, искренное чувство любви Миланъ питалъ къ своему сыну, королю Александру, съ которымъ онъ поссорился изъ за брака послѣдняго съ Драгой, каковой онъ считалъ несчастіемъ для своего сына; несмотря на суровость и полныя упрековъ письма, которыя онъ посылалъ Александру, онъ все-таки вѣрилъ въ любовь его къ себѣ и былъ преисполненъ лишь одного желанія — поскорѣе его увидать. Онъ хотѣлъ во что бы то ни стало съѣздить въ Сербію. Графъ Зичи, его другъ, всѣми силами старался его до этого не допустить. «Такъ же и я», сказалъ мнѣ Тирнауеръ, «и другіе врачи, при такомъ серьезномъ по-

ложеніи больного, при такой сердечной слабости его, не допускали мысли о поѣздкѣ. Миланъ же не хотѣлъ отказаться отъ своего рѣшенія: «я знаю Сашу», повторялъ онъ, «у него доброе сердце, онъ меня любитъ, я знаю онъ будетъ счастливъ меня увидѣть, бросится въ мои объятія и все будетъ забыто». На слѣдующій день ему стало хуже, но, не смотря на это, онъ хотѣлъ встать, одѣться и отправиться въ путь. И тутъ графъ Зичи, не видя иного способа удержать больного въ постели, рѣшилъ примѣнить жестокое средство, для его спасенія: показать Милану копію телеграммы, посланной королемъ Александромъ начальнику пограничныхъ войскъ (на границѣ Сербіи и Венгріи) съ приказомъ стрѣлять въ Милана при его малѣйшей попыткѣ перейти границу. Миланъ читалъ и перечитывалъ эту телеграмму и затѣмъ, съ плачемъ безпрерывно повторялъ: «Саша, Саша, какъ могъ ты это сдѣлать!» Затѣмъ онъ умолкъ, не отвѣчалъ на мои вопросы и, повернувшись лицомъ къ стѣнѣ, вскорѣ послѣ этого умеръ.

— Въ томъ же году, среди другихъ, встрѣтила я милаго и симпатичнаго старца, герцога Эрнста фонъ Саксенъ-Альтенбургъ. Я неоднократно бывала у него въ гостяхъ въ Альтенбургѣ, куда я сопровождала его кузину, Великую Княгиню, супругу Константина (Александру Іосифовну, невѣстку Александра II и мать королевы Греческой Ольги). Однажды, когда герцогъ былъ у меня, разсказалъ онъ мнѣ забавное происшествіе.

Послѣ того какъ принцъ Альфредъ англійскій, Герцогъ Эдинбургскій, вступилъ на Кобургскій престолъ, онъ сдѣлалъ визитъ герцогу Эрнсту фонъ Саксенъ-Аль-

тенбургъ, который долженъ былъ продолжаться три дня, но уже на второй день онъ сообщилъ Альтенбургу, что онъ сейчасъ же уѣзжаетъ. «Но почему, ради Бога», воскликнулъ герцогъ, опечаленный этимъ рѣшеніемъ, послужившимъ помѣхой для цѣлаго ряда предполагаемыхъ развлеченій, — званныхъ обѣдовъ, театральныхъ зрѣлищъ и т. п. «Надѣюсь, что ты не получилъ скверныхъ извѣстій?» «Нѣтъ, никакихъ извѣстій я не получалъ, но хочу тебѣ откровенно сказать, что комнаты, въ которыхъ я живу такія сырыя, что я больше не могу въ нихъ оставаться». Герцогъ замѣтилъ, что принцъ Альфредъ очень взволнованъ. Въ виду того, что дворецъ хорошо отапливался и принцу Альфреду были предоставлены лучшія комнаты, герцогъ выразилъ желаніе посѣтить его. Принцъ подвелъ его къ своей кровати и указалъ ему на большое пятно на стѣнѣ. Герцогъ очень смутился. Немедленно былъ призванъ гофмаршалъ, позвавшій въ свою очередь архитектора и оказалось, что новый властитель Кобурга, выпившій послѣ обѣда и въ своей комнатѣ еще не мало бутылокъ вина, опорожнилъ нѣкоторыя изъ нихъ о стѣнку и, будучи еще не вполнѣ отрезвленнымъ, приписалъ пятна на стѣнѣ — сырости. «Послѣ того, какъ я удостовѣрился въ исправномъ отопленіи моего дворца, я не сталъ болѣе удерживать моего гостя», сказалъ мнѣ старый герцогъ.

Годъ до своей смерти, въ 1903 г., герцогъ послалъ мнѣ свой большой портретъ въ красивой рамѣ съ трогательной надписью: «Эрнстъ, благодарный другъ», что было лишь любезностью съ его стороны, такъ какъ ему

не за что было меня благодарить. Онъ же меня постоянно окружалъ знаками вниманія.

Когда агенты Керенскаго, три студента еврея, явились ко мнѣ въ сопровожденіи 20 солдатъ дѣлать обыскъ (я тогда уже была арестована и охранялась 33 матросами и столькими же солдатами Волынскаго полка), они замѣтили портретъ герцога, висѣвшій на стѣнѣ. «За что этотъ нѣмецкій генералъ Вамъ благодаренъ?» спросилъ меня одинъ изъ нихъ, нѣкто X., игравшій важную роль у Керенскаго, о чемъ я только впослѣдствіи узнала. «Вы несомнѣнно предали ему нашу армію?» — «Неугодно ли Вамъ мнѣ объяснить», сказала я, «какъ Вы себѣ это представляете, какимъ образомъ, если бы даже я этого хотѣла, могла бы я предать армію?» — «А чортъ Васъ знаетъ!» сказалъ онъ, «но Вы намъ немедленно сообщите; какими полками командуетъ этотъ благодарный Вамъ генералъ и гдѣ они теперь находятся» и говоря это, онъ держалъ револьверъ у моего виска, а одинъ изъ солдатъ направилъ мнѣ въ грудь штыкъ своего ружья. «Если этотъ генералъ чѣмъ-нибудь и командуетъ», возразила я, «то вѣроятно Архангелами или Серафимами въ небесныхъ сферахъ, такъ какъ онъ умеръ уже 13 лѣтъ тому назадъ. Если Васъ интересуетъ, то я могу Вамъ сказать, что онъ былъ почетнымъ командиромъ единственнаго въ его маленькой странѣ баталіона, онъ былъ — герцогомъ Альтенбургскимъ». Моя компаньонка-англичанка, добровольно переносившая свое заточеніе со мною, подтвердила мои слова и эти господа, наконецъ, перестали угрожать мнѣ револьверомъ и штыкомъ, но продолжали относиться недовѣрчиво, такъ какъ они не

знали о существованіи герцога Альтенбургскаго. Они унесли портретъ, произнося съ угрозой: «хорошо, хорошо! высшая комиссія все это разслѣдуетъ и Васъ очень скоро повѣсятъ», они произнесли это такъ, какъ городовой сказалъ бы въ свое время пьяницѣ: «ладно, ладно! въ участкѣ разберутъ».

Прогулка верхомъ съ Австрійской Императрицей.

Въ 1869 г. была я съ супругой Великаго Князя Константина въ Гмунденѣ. Великая Княгиня поѣхала туда гостить къ своему шурину — королю Гановерскому. Не любя медицины и предпочитая лечиться у всякихъ знахарей, она собиралась ѣхать въ Маріабрунъ въ Баваріи, маленькую деревушку въ горахъ, гдѣ какая-то крестьянка производила чудесныя исцѣленія при помощи травъ и заговоровъ. Кто-то разсказалъ Великой Княгинѣ, что Австрійская Императрица съ успѣхомъ лечилась у этой знахарки. Въ одно прекрасное утро Великая Княгиня призвала меня и, передавая мнѣ письмо, сказала: «Я тебя пошлю въ Ишль (она знала меня съ дѣтства и обращалась ко мнѣ на — ты). Я прошу мою кузину, Императрицу Елисавету, принять тебя и дать тебѣ устный отвѣтъ на предложенный мною вопросъ — я знаю, какъ она неохотно пишетъ». Я была очень обрадована этимъ порученіемъ, такъ какъ оно дало мнѣ возможность посѣтить мою тетю, княгиню Барятинскую, которая ко мнѣ очень хорошо относилась, и которую я очень любила. Великая Княгиня всегда страшно интересовалась всѣмъ,

что касалось австрійской Императрицы. Можетъ быть въ этомъ играла роль нѣкоторая зависть, такъ какъ Императрица славилась красотой. Такъ, напримѣръ, Великая Княгиня часто спрашивала: «такъ ли красивы мои волосы, какъ у Императрицы? Не находите ли Вы, что я на нее похожа?»

Помню, какъ однажды она допрашивала только что вернувшагося изъ Вѣны, куда онъ ѣздилъ съ порученіемъ къ Императору Францу-Іосифу, генералъ-адъютанта фонъ Штюрлеръ: «кто красивѣе Австрійская Императрица или я?» Генералъ Штюрлеръ, слегка смутившись, отвѣтилъ: «если австрійская Императрица красивѣйшая на землѣ женщина, то Ваше Высочество, несомнѣнно, красивѣйшая принцесса!» Великая Княгиня была удовлетворена этимъ отвѣтомъ.

Прибывъ въ Ишль, я сейчасъ же предприняла необходимые шаги, и въ виду того, что графиня Бенкендорфъ, урожденная принцесса Круа, была близка къ австрійскому двору, мнѣ, при ея содѣйствіи, была устроена аудіенція уже на слѣдующій день. Съ низкимъ поклономъ передала я Императрицѣ письмо. Я смотрѣла на нее, когда она читала. Она была безспорно одной изъ красивѣйшихъ женщинъ на свѣтѣ. Цѣлымъ лѣсомъ черныхъ волосъ, какъ діадемой было увѣнчано ея чело. Глаза ея блистали, и банальное выраженіе: «сіяли, какъ звѣзды», было въ данномъ случаѣ умѣстно. Во время чтенія лицо ея принимало суровое, недружелюбное выраженіе. Скомкавъ письмо, она сказала мнѣ въ рѣзкомъ, недружелюбномъ тонѣ: «не понимаю, почему моя кузина обращается ко мнѣ для полученія свѣдѣній объ этой творящей чудеса женщинѣ; я знаю объ этомъ не

болѣе, чѣмъ она и не могу по этому поводу ничего сообщить». Говоря это Императрица казалась очень взволнованной. Я покраснѣла и, вся дрожа, почувствовала слезы на глазахъ. Когда она замѣтила въ какомъ я нахожусь состояніи, она слегка смягчилась по отношенію бѣдной маленькой придворной дамѣ и спросила меня болѣе мягко: «какъ же проводятъ время въ Гмунденѣ?». Я, заикаясь, отвѣтила, что большая часть дня проводится въ прогулкахъ верхомъ, и Императрица поинтересовалась узнать — кто принимаетъ участіе въ этихъ прогулкахъ. Затѣмъ она меня спросила, люблю ли я верховую ѣзду. «Больше всего на свѣтѣ», отвѣтила я. «Есть ли у Васъ съ собою Ваша амазонка?» — «Она осталась въ Гмунденѣ». — «Ну такъ распорядитесь, чтобы ее Вамъ сюда доставили, я Васъ приглашаю послѣ завтра на верховую прогулку со мною. Можете ли Вы рано встать? Я выѣзжаю изъ дому въ 5 часовъ утра и пришлю Вамъ въ гостинницу грума съ лошадью», и говоря это, она поклонилась въ знакъ прощанія.

Вернувшись домой, я написала письмо Великой Княгинѣ, стараясь сгладить впечатлѣніе разсказомъ о приглашеніи меня Императрицей на верховую поѣздку и благодарила ее за то, что я была удостоена благодаря ей этой чести.

Когда Императрица Елизавета только показалась утромъ на порогѣ, я уже сидѣла на лошади. Императрица, взглянувъ на меня, сказала: «возьмите же всѣ четыре повода въ руки, это будетъ менѣе тяжело для вашей лошади, чѣмъ, если Вы будете держать ее только на трензелѣ». И снова я уловила въ ея тонѣ суровыя, повелительныя нотки.

Къ моему стыду я должна признаться, что я считала себя прекрасной наѣздницей. Съ дѣтства ѣздила я верхомъ и брала уроки верховой ѣзды у лучшихъ военныхъ знатоковъ, была сестрой кавалерійскихъ офицеровъ, — одинъ братъ мой былъ кавалергардъ, другой гусаръ, — оба прекрасные наѣздники, а конюшня Великаго Князя Константина считалась одной изъ лучшихъ въ мірѣ. Этой конюшней управлялъ генералъ Бибиковъ, большой знатокъ лошадей и лошадинаго спорта. Я часто пользовалась его совѣтами и онъ не скупился на похвалы. Но наша русская школа верховой ѣзды сильно отличалась отъ австрійской, — наши лошади были иначе выѣзжены. Мнѣ достаточно было видѣть, какъ она ее вела, чтобы убѣдиться въ томъ, что я не умѣю ѣздить верхомъ. Немногочисленныя слова, которыя она произнесла во время прогулки, касались исключительно психологіи лошади, о которой она говорила, какъ о человѣкѣ. Она говорила о выносливости своей лошади, о ея привычкахъ. Она раскрывала предо мною цѣлый міръ познаній, для меня совершенно закрытый. Съ этого дня я стала скромной и осталась ею навсегда. Съ легкостью Императрица взяла довольно широкій ровъ, я, вслѣдъ за нею, сдѣлала то же. Она оглянулась и сказала: «очень хорошо». Никогда никакая похвала меня такъ не осчастливила, какъ эти два слова. Возвращаясь домой съ этой продолжительной прогулки, Императрица, передъ прощаніемъ, сказала мнѣ съ улыбкой: «забудьте всѣ ваши уроки верховой ѣзды и Вы будете прекрасно ѣздить». Съ этими словами она мнѣ подала руку. Мнѣ не суждено было болѣе съ нею встрѣчаться.

Вернувшись въ Гмунденъ, я вскорѣ получила разъясненіе ея сквернаго настроенія. Фельдмаршалъ генералъ-лейтенантъ фонъ Рейсшахъ, прикомандированный къ королю Ганновера, и графъ Эдмондъ Зичи, венгерскій магнатъ, частый гость Императрицы, разсказывали, что она дѣйствительно посѣщала въ Маріабруннѣ эту, дѣлающую чудеса женщину, противъ воли своей тещи, эрцгерцогини Софіи и въ видѣ протеста противъ всѣхъ ее окружающихъ. Какая-то вѣнская газета объ этомъ намекнула, послѣдовало полуоффиціальное опроверженіе — и все это вызвало дурное расположеніе Императрицы.

Передъ нашимъ отъѣздомъ изъ Ишля, Великая Княгиня получила отъ Императрицы приглашеніе посѣтить ее въ Шенбруннѣ и я радовалась при мысли имѣть снова счастье увидѣть красавицу Елизавету. Но судьба распорядилась иначе. Когда мы въ назначенный день пріѣхали въ Шенбрунъ, Государыни тамъ уже не было. Нездоровье задержало ее въ Венгріи. Въ отсутствіи своей высокопоставленной матери, эрцгерцогиня Гизэлла 14-ти лѣтъ и ея братъ, 12-ти лѣтній эрцгерцогъ Рудольфъ — являлись представителями двора. Воспитательницей Гизэллы была французская маркиза, которая, насколько мнѣ извѣстно, жива и понынѣ. При маленькомъ эрцгерцогѣ состоялъ воспитателемъ ротмистръ, баронъ фонъ Вальтерскирхенъ. Съ тѣхъ поръ я лишь изрѣдка слыхала что-либо объ австрійской Императрицѣ. Австрійцы ее не любили, венгерцы же — обожали, и ея симпатіи были, повидимому, на сторонѣ послѣднихъ. Она была преисполнена духа противорѣчія, плохо переносила требованія этикета и упорно сопротивлялась царившей тогда столь сильной клерикальной партіи. Ея любовь къ при-

родѣ сдѣлала ее мизантропкой, а жажда путешествій обратилась у нея въ страсть. Ей ставили въ упрекъ ея любовь къ перемѣнѣ мѣстъ, а также и страсть воздвигать, подобно Людвигу II Баварскому, новыя постройки. Она много занималась языками и профессоръ греческаго языка, постоянно ее сопровождавшій, также какъ и наѣздница изъ цирка Ренцъ, учившая ее высшей школѣ верховой ѣзды, давали поводъ къ всевозможнымъ толкамъ. Часто Императрица говорила: «одно только прошу я у людей — оставить меня въ покоѣ», а это именно то, что недоступно для высокопоставленныхъ особъ. Говорятъ, что Императрица перевела Ницше и Шопенгауэра на новогреческій языкъ. Ея любовь къ Гейне доходила до того, что она воздвигла ему памятникъ въ своемъ имѣніи Ахиллеонъ, на островѣ Корфу, и возила постоянно съ собою маленькій слѣпокъ съ этого памятника.

Въ 1898 году была я съ моею сестрой въ Наугеймѣ. Императрица только что покинула этотъ курортъ и уѣхала въ Швейцарію. Пользовавшій ее профессоръ Шотъ былъ нашимъ другомъ и врачемъ, — онъ не могъ ею нахвалиться и былъ счастливъ и гордъ, когда приносилъ ей облегченіе. Однажды, кажется 10-го сентября, профессоръ Шотъ пришелъ къ намъ, рыдая. Онъ держалъ какой-то листъ въ рукахъ. Это была телеграмма изъ Женевы, принесшая сообщеніе, что Императрица убита анархистомъ, ударомъ кинжала въ сердце, «сердце, которое такъ укрѣпилось въ Наугеймѣ», повторялъ съ болью въ голосѣ профессоръ. — Въ одно изъ моихъ послѣднихъ пребываній въ Вѣнѣ меня посѣтилъ Князь Гуго Дитрихштейнъ, супругъ красавицы княжны Ольги Долгорукой, и генералъ графъ Икскюль. Заговорили объ австрійской

Императрицѣ и я выразила желаніе посѣтить ея гробницу. Они предложили меня проводить въ церковь Капуциновъ. Я опустилась на колѣни передъ гробницей, заключавшей въ себѣ останки этой несчастной принцессы. Она покоилась между самоубійцей — сыномъ ея Рудольфомъ и умерщвленнымъ Максимиліаномъ.

Три историческія драмы!

Кверетаро — Мейерлингъ — Женева.

Я забыла, что нахожусь въ темномъ склепѣ Габсбурговъ, и видѣла предъ собою, въ яркихъ солнечныхъ лучахъ, Императрицу, сидящую на лошади, какъ я ее видала въ лѣсу, въ Ишлѣ. Какъ безстрашная наѣздница послѣднимъ прыжкомъ взяла она послѣднее препятствіе, отдѣлявшее ее отъ вѣчности!...

Эрцгерцогъ Рудольфъ.

Въ одной изъ моихъ поѣздокъ въ Римъ, задержалась я на пару часовъ въ Варшавѣ, въ домѣ маркиза Сигизмунда Велепольскаго, пригласившаго меня на обѣдъ. Его жена, урожденная Монтенуово, была внучкой Маріи Луизы, супруги Наполеона I, отъ ея второго брака съ графомъ Неперомъ, получившимъ впослѣдствіи титулъ графе Монтенуово. Велепольскіе мнѣ сообщили, что они только что получили ужасную вѣсть объ убійствѣ эрцгерцога Рудольфа. Въ телеграммѣ, посланной имъ, подробности отсутствовали. Всѣ были ошеломлены. Въ 10 ч. вечера я уѣхала дальше и едва я переѣхала границу, какъ масса австрійскихъ военныхъ всѣхъ ранговъ брали въ поѣздѣ съ бою мѣста, спѣша въ Вѣну. Волненіе достигло кульминаціоннаго пункта. Одни толки противорѣчили другимъ, но ни разу не было произнесено слово: самоубійство. «Это политическое убійство», говорили одни, «это дѣло рукъ массоновъ», утверждали другіе, третьи же говорили, что, въ виду того, что эрцгерцогъ былъ постоянно окруженъ преимущественно евреями и журналистами, что это совершилъ фанатикъ, желавшій

освободить католическую монархію отъ атеиста. Четвертые говорили о ревнивомъ мужѣ, иные же утверждали, что это нечаянное убійство на охотѣ.

По прибытіи въ Грандъ-Отель, въ Вѣнѣ, я тотчасъ же отыскала графиню Софію Бенкендорфъ, жившую тамъ же. Я встрѣтила у нея ея супруга, графа Палена и барона Теодора Будберга. Всѣ они были подавлены этимъ страшнымъ происшествіемъ. Они сказали мнѣ, что тутъ несомнѣнно произошло самоубійство, подробности котораго пока еще, вслѣдствіе охватившаго всѣхъ большого волненія, не выяснены. На слѣдующій день я ясно видѣла, что никто не зналъ въ точности, что произошло. Это произошло такъ внезапно, такъ неожиданно, казалось такимъ невѣроятнымъ, что не было возможности такъ скоро выпустить оффиціальное извѣщеніе. Волненіе охватило все населеніе, все общество, — всѣ доискивались правды. Лакей, приносившій намъ утромъ кофе, продавщикъ фруктовъ на углу улицы, извозчикъ, парикмахеръ, всѣ на свой ладъ передавали то, что они слыхали, а затѣмъ спрашивали у васъ, что вамъ извѣстно по этому поводу. Въ тотъ же день я обѣдала у нашего посла, князя Лобанова. Весь персоналъ посольства, а также генеральный консулъ Губастовъ, были на лицо. Въ теченіе дня меня посѣтилъ баронъ Эренталь (бывшій тогда секретаремъ у графа Кальноки, а впослѣдствіи ставшій министромъ иностранныхъ дѣлъ) и разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Эрцгерцогъ отправился въ замокъ Мейерлингъ, чтобы встрѣтиться тамъ съ госпожей Вечера, которая его тамъ ожидала. Подъ утро, послѣ проведенной тамъ

вмѣстѣ ночи, Рудольфъ убилъ Вечеру и затѣмъ лишилъ себя жизни. Не была лишь выяснена причина. —

Десять дней провела я въ Вѣнѣ и почти ежедневно встрѣчалась съ лицами, посѣщавшими меня въ моемъ домѣ въ Петербургѣ. Всѣ они, благодаря своему положенію, могли постепенно доискиваться правды и благодаря ихъ совершенно объективнымъ сообщеніямъ я, какъ мнѣ кажется, могу нѣкоторымъ образомъ правдиво освѣтить это происшествіе.

Среди лицъ встрѣченныхъ мною были: нашъ посолъ князь Лобановъ и члены посольства, бывшіе въ вѣнскомъ обществѣ какъ у себя дома, принцъ Генрихъ VII фонъ Рейсъ съ супругой, еще наканунѣ обѣдавшій у Франца-Іосифа; графъ Нигри, одинъ изъ лучшихъ моихъ друзей, прочитавшій въ моемъ присутствіи Лобанову телеграмму о смерти эрцгерцога; князь Карлъ Кевенгюлеръ, другъ Рудольфа; графъ Кальноки и его секретарь Эренталь — всѣ эти имена говорятъ за правдивость сообщенія, которое я здѣсь передаю:

Эрцгерцогъ Рудольфъ, неврастеничный, съ извращенными вкусами, былъ все таки по отношеніи къ женщинамъ джентельменомъ. Онъ влюбился въ Вечеру, которая, въ свою вчередь и его глубоко полюбила. Въ виду того, что онъ не хотѣлъ это чувство низвести до обыкновенный интрижки и чувствовалъ себя отвѣтственнымъ передъ любимой имъ дѣвушкой, которую онъ скомпрометировалъ, то онъ рѣшилъ на ней жениться. Въ виду того, что онъ былъ чрезвычайно несчастенъ въ своемъ бракѣ съ принцессой Стефаніей Бельгійской, онъ обратился къ своему крестному отцу, Папѣ Пію IX, съ душевной исповѣдью, въ которой онъ описывалъ ему всю драму

своей жизни и молилъ его дать ему разводъ, пусть даже цѣною отреченія отъ престола, что могло бы облегчить святому отцу исполнить его просьбу. Папа долго не отвѣчалъ и когда, наконецъ, прибылъ отвѣтъ, то онъ былъ отрицательнымъ. Эрцгерцогъ счелъ себя оскорбленнымъ и обезчещеннымъ и предложилъ Вечерѣ вмѣстѣ умереть. Посвященный въ дѣла эрцгерцога камердинеръ доставилъ Вечеру въ замокъ Мейерлингъ.

Извощикъ Братфишъ, извѣстный народный пѣвецъ, привезъ Эрцгерцога. Цѣлую ночь напролетъ тамъ пили. Принцъ Филиппъ Кобургскій, знавшій романъ Рудольфа, но не бывшій посвященнымъ въ тайные планы Эрцгерцога, находился въ ихъ обществѣ. Братфишъ исполнилъ весь репертуаръ своихъ пѣсенъ и, когда, въ 4 ч. утра, Эрцгерцогъ его отпустилъ, онъ ему сказалъ: «приготовьте все на завтра — я пойду на охоту.» — Это точные слова Рудольфа, какъ утверждаетъ Братфишъ. Затѣмъ Рудольфъ и Вечера остались одни. Разслѣдованіями приблизительно установлено, что Рудольфъ, послѣ ночи любви, застрѣлилъ Вечеру, привелъ въ порядокъ постель, уложилъ на нее трупъ, покрылъ его шелковымъ покрываломъ, на которое разбросалъ цвѣты. Прежде, чѣмъ лечь рядомъ съ покойницей, онъ позвонилъ камердинеру и передалъ ему черезъ дверь приказъ принести черный кофе и поставить его на столъ въ сосѣдней комнатѣ. Когда Рудольфъ услыхалъ, что слуга, принеся кофе, удалился, онъ выпилъ чашку кофе, найденную впослѣдствіи пустой у его ложа. Затѣмъ онъ взялъ маленькое зеркальце, найденное въ его застывшей рукѣ. У него зіяла большая рана на головѣ. Кальноки разсказалъ слѣдующіе подробности: мать Вечеры была въ от-

чаяніи, не находя нигдѣ своей дочери. Узнавъ, что она бѣжала къ Эрцгерцогу во дворецъ, она на слѣдующее утро проникла къ придворной дамѣ Императрицы съ требованіемъ, чтобы ей вернули ея дочь. Фрейлина пошла доложить объ этомъ Императрицѣ, которая вышла на встрѣчу къ госпожѣ Вечера и, протянувъ ей руку, сказала: «Руди мертвъ, ваша дочь тоже мертва — мы двѣ несчастныя матери!» — Причина, почему, послѣ моего отъѣзда изъ Вѣны, шло по поводу этой драмы столько разнорѣчивыхъ слуховъ, слѣдующая: Эрцгерцогъ былъ повиненъ въ двойномъ преступленіи — въ убійствѣ и въ самоубійствѣ, почему и подлежалъ, какъ позорное пятно апостолической династіи Габсбурговъ, исключенію изъ нея. Кромѣ того, онъ не могъ быть погребенъ въ церкви Капуциновъ, гдѣ покоились всѣ его предки. Было ясно, что истина должна была быть скрыта и надо было изобрѣсти легенду, чтобы сохранить незапятнанной память объ усопшемъ Наслѣдникѣ престола. Въ виду того, что оффиціальное извѣщеніе послѣдовало не сразу, истина начала постепенно выясняться, но воображеніе расцвѣтало полнымъ цвѣтомъ и давало поводъ не къ одной, а къ десяткамъ легендъ. Много лѣтъ спустя я часто имѣла случай, въ Карлсбадѣ, говорить объ этой ужасной драмѣ съ княземъ Карломъ Хевенгюллеромъ и въ Парижѣ съ его братомъ Рудольфомъ, и оба они грустно повторяли: «да, это именно такъ произошло».

Существовала-ли въ Россіи германофильская партія?

Въ многихъ странахъ слыхала я разговоры о германофильской партіи въ Россіи, читала о ней статьи на разныхъ языкахъ. Спокойный наблюдатель могъ бы замѣтить, что со времени Александра II въ Россіи не было германофильской партіи. Все устремлялось къ Франціи. Либеральныя партіи считали Германію очагомъ консерватизма. Высшіе военные круги, особенно офицерство генеральнаго штаба, происходившее изъ демократическихъ круговъ общества, стремились къ лаврамъ и считали, что это легко достижимо при условіи союза съ Франціей (это мнѣніе усилилось послѣ несчастной японской войны). Интеллигенція симпатизировала республикѣ и была счастлива возможностью пѣть марсельезу, что ранѣе строго каралось и изъ за чего не одинъ уже былъ сосланъ въ Сибирь. Купцы видѣли въ Германіи сильнаго конкурента. Рабочіе на фабрикахъ не любили аккуратнаго, требовательнаго мастера-нѣмца. Мужики считали себя вправѣ жаловаться на нѣмца — управляющаго, наказывавшаго пьяницъ и лѣнтяевъ, а состоятельный классъ, тратившій большіе деньги въ Парижѣ, выражалъ, конечно, свои сим-

патіи французамъ — ихъ ресторанамъ, бульварамъ, театрамъ, портнымъ, кокоткамъ, полагая, что въ этихъ симпатіяхъ и заключается любовь къ Франціи.

Пріѣздъ юной, прекрасной принцессы Дагмары содѣйствовалъ укрѣпленію антипатій къ Германіи, такъ какъ опечаленная, вмѣстѣ со своею родиной, потерею Шлезвигъ-Гольштиніи, она передала свое чувство недовольства наслѣднику и его окружающимъ и вскорѣ оказалось, что всѣ молодые гвардейцы возмущены тѣмъ, что Шлезвигъ-Гольштинія не принадлежитъ болѣе Даніи. Это возмущеніе усилилось когда стало яснымъ, что со времени Александра III лишь противники нѣмцевъ дѣлали карьеру, подобно тому какъ въ царствованіи Александра II — успѣвали германофилы. И при дворѣ лишь старый Великій Князь Михаилъ Николаевичъ (дядя Царя), послѣдній изъ Романовыхъ, остался вѣренъ дружбѣ, соединявшей двѣ царскія династіи — русскую и германскую. Сыновья же его, наоборотъ, питали къ Германіи антипатію: старшій, Великій князь Николай Михайловичъ, нынѣ убитый, былъ извѣстенъ своими историческими работами, представлявшими большой интересъ; онъ много занимался историческими изслѣдованіями, въ которыхъ его особенно интересовали скандальныя происшествія; онъ любилъ интриги 18-го столѣтія, что не мѣшало ему интересоваться таковыми и 19-го и 20 вѣковъ.

Такъ, онъ былъ счастливъ, открывъ, что сестра его бабушки, Императрица Елисавета Алексѣевна, супруга Императора Александра I, считавшаяся въ Россіи святой, имѣла любовника. Съ любовью, тщательно разслѣдовалъ онъ все, что касалось этого обстоятельства. Еще болѣе обрадовало его, когда онъ узналъ, что Великій Князь Кон-

стантинъ Павловичъ нанялъ людей для убійства своего соперника — молодого офицера.

Свободное отъ занятій по исторіи время онъ употреблялъ на сѣяніе розни между людьми, устраивая всегда поводы къ раздорамъ. Онъ искренно радовался, когда ему удавалось разсорить старыхъ друзей или супружескую чету. Ежегодно посѣщалъ онъ въ Парижѣ французскіе литературные круги, чрезвычайно цѣнившіе его ученыя познанія, разыгрывалъ «лѣваго», отзывался часто пренебрежительно о Государѣ и съ ненавистью объ Императрицѣ, избѣгавшей его общества. Во обществѣ его называли „Nikolas Egalité“, не зная, что это названіе будетъ имъ заслужено. Въ началѣ революціи въ 1917 г., онъ покинулъ свой дворецъ, украшенный красной лентой въ петлицѣ своего военнаго пальто; онъ пожималъ руки революціоннымъ военнымъ, говоря, что онъ всегда былъ на ихъ сторонѣ. Впрочемъ это лицемѣріе не помогло ему, — послѣ долгаго заточенія, онъ былъ казненъ, какъ и другіе.

Конечно, находились люди, дававшіе себѣ отчетъ въ томъ, что политика страны, державшаяся въ теченіе многихъ столѣтій извѣстнаго направленія, не могла быть такъ легко замѣнена противоположной — но это были единичныя лица, не составляющія никакой партіи. У нихъ не было вожака, какъ, напримѣръ, у славянофиловъ — Воронцовъ-Дашковъ, впослѣдствіи ставшій министромъ двора. Между ними были люди, европейски образованные, графъ Александръ Адлербергъ, владѣвшій шестью языками, графъ Валуевъ, графъ Паленъ, министръ юстиціи; графъ Петръ Шуваловъ — посолъ въ Лондонѣ; баронъ Романъ Розенъ, одинъ изъ подписавшихъ Портсмут-

скій договоръ, и Петръ Дурново — министръ внутреннихъ дѣлъ —, который имѣлъ смѣлость, передъ войною въ 1914 г., передать Николаю II свой докладъ о томъ, что Россіи необходимо не нарушать дружескихъ отношеній со своими западными сосѣдями. Онъ описывалъ Государю послѣдствія, къ которымъ могла бы привести агрессивная политика. Витте также предвидѣлъ послѣдствія политики Сазонова и Извольскаго. Онъ дѣлалъ все, чтобы избѣжать того водоворота, который намъ грозилъ катастрофой. Но рѣзкій въ своихъ выраженіяхъ, — почему его и считали энергичнымъ, — онъ былъ на самомъ дѣлѣ нерѣшительнымъ, колеблющимся, къ чему обязывало его положеніе въ обществѣ — щадить друга и недруга.

Германія была у насъ тогда такъ не любима, что ея защитники, приводя свои доказательства, обыкновенно начинали такъ: «нѣмцевъ я никогда не любилъ и симпатизировалъ всегда французамъ, но я нахожу, что и т. д.».

Во время войны произошло чудо: никто болѣе не оказался нѣмецкаго происхожденія. Въ теченіе часа я встрѣтилась съ обоими генералами Гартунгъ; одинъ изъ нихъ съ убѣжденіемъ говорилъ, что онъ шотландскаго происхожденія, какъ всѣмъ извѣстно, — другой же съ такимъ же убѣжденіемъ мнѣ утверждалъ, что онъ, какъ всѣмъ извѣстно, голландскаго происхожденія.

Однажды бесѣдовала я въ Сальцобаденѣ у Стокгольма съ Великой Княгиней Елисаветой Маврикіевной, этой несчастной матерью, потерявшей одного сына на войнѣ и трехъ въ Сибири, отъ рукъ убійцъ. Я спросила ее, почему, кромѣ Гавріила, всегда къ ней нѣжно относившагося, всѣ ея остальные сыновья, подъ предлогомъ, что она нѣмка,

скверно съ ней обращались. «Какимъ образомъ ни Вы, ни Великій Князь не могли сдержать политическія безобразія вашихъ сыновей — такъ какъ убѣжденіемъ я этого назвать не могу!» — «Что дѣлать», — возразила она, «мы оба были безсильны, — это было такое повѣтріе».

Домъ Монтебэлло.

Главнымъ факторомъ сближенія Россіи и Франціи было назначеніе графа Монтебэлло посломъ въ Петербургъ. Всѣ, еще не убѣжденные политическими аргументами, всѣ, которымъ казался почти невыполнимымъ союзъ между Монархіей и Республикой, всѣ еще симпатизирующіе Германіи, были очарованы любезностью и предупредительностью графа (впослѣдствіи — маркиза) Монтебэлло. Каждый подымавшійся по лѣстницѣ французскаго посольства на Гагаринской набережной, чувствовалъ симпатію къ Франціи. Сѣдые генералы, молодые поручики, молодыя или пожилыя дамы общества, художники, ученые, всѣ находились подъ обаяніемъ личности маркизы Монтебэлло. Природа одарила ее добротой и выдающимся умомъ. Ея остроумныя замѣчанія очень забавляли, но никто ими не чувствовалъ себя оскорбленнымъ. Она обладала чувствомъ мѣры, такъ часто отсутствующимъ у дипломатовъ. Чрезвычайно отзывчивая, всегда готовая помочь и облегчить страданія, она основала лазаретъ, которому она посвящала много времени и труда. Ея домъ, одинъ изъ лучшихъ европейскихъ домовъ, былъ обставленъ по-царски.

Графъ Монтебэлло, изысканно вѣжливый и предупредительный, былъ такимъ же прекраснымъ хозяиномъ, какъ и дипломатомъ. Графиня Монтебэлло находила большую поддержку въ своемъ братѣ, симпатичномъ Жанѣ Гюлеминѣ, всеобщемъ любимцѣ. Когда его сестра Гопе Вере пріѣхала въ Петербургъ, стало въ посольствѣ еще веселѣе. Графъ Бовине занималъ также большое положеніе и имѣлъ много друзей въ обществѣ. Съ грустью вспоминаю я о прелестномъ Людвигѣ Монтебэлло, такъ рано похищенномъ смертью у его родителей и молодой жены. Отношенія этого даровитаго сына съ его матерью особенно подчеркивали материнскія чувства госпожи Монтебэлло. Она обращалась съ сыномъ, какъ съ равнымъ, какъ съ товарищемъ и тѣмъ не менѣе сынъ находился вполнѣ подъ ея вліяніемъ и авторитетомъ. Луи де Монтебэлло былъ лучшимъ другомъ и товарищемъ моихъ дѣтей и я оплакивала его смерть, какъ смерть близкаго, дорогого мнѣ существа.

Политика Монтебэлло выражалась въ такихъ мягкихъ формахъ, что не было у нее противниковъ. Австрійскій посолъ, принцъ Лихтенштейнъ, нѣмецкій — князь Радолинъ, испанскій — графъ Вилла Гонцало, нидерландскій — Ванъ деръ Стаалъ и его жена, — всѣ они были очень близки съ Монтебэлло, и, если въ тиши кабинетовъ, вырабатывалось таинственное будущее Европы, то мы, большая публика, вовсе объ этомъ не думали, но видѣли въ все возрастающей дружбѣ между Россіей и Франціей гарантію всеобщаго мира, который позволитъ намъ продолжать тогдашнее наше пріятное существованіе. Поѣздка Императора Николая II въ Парижъ была дѣломъ рукъ

Монтебэлло, который вскорѣ послѣ этого, вмѣстѣ со своей супругой, покинулъ Петербургъ. Ихъ отъѣздъ вызвалъ всеобщую печаль, на вокзалѣ имъ были устроены большія оваціи и лица всевозможныхъ направленій и возрѣній сошлись въ чувствѣ сожалѣнія по поводу этой утраты.

Лондонъ.

17—18 лѣтъ тому назадъ встрѣтилась я въ Парижѣ съ моимъ кузеномъ графомъ Орловымъ-Давыдовымъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что его сынъ Алексѣй женится въ Лондонѣ на Ѳеклѣ фонъ Стааль, дочери русскаго посла, и пригласилъ меня на свадьбу. Очень настаивалъ на своемъ приглашеніи, говоря, что мое присутствіе будетъ ему особенно пріятно, такъ какъ я единственная его родственница, находящаяся по близости. Я знала Стаалей давно, очень любила ихъ и съ удовольствіемъ приняла приглашеніе. Въ опредѣленный день я уѣхала въ Лондонъ. Въ день пріѣзда я уже была у Стаалей, въ ихъ семейномъ кругу, въ зданіи русскаго посольства, а на слѣдующій день произошелъ обрядъ вѣнчанія, во время котораго по неосторожности одного изъ присутствующихъ, державшаго свѣчу, загорѣлась фата на невѣстѣ и, мгновеніе спустя, къ нашему ужасу, поднялся передъ нами огненный столбъ. Наступило общее смятеніе. Фату сорвали и затоптали ногами, невѣста была невредима, и прерванный обрядъ снова продолжался, но этотъ случай суевѣрно считали плохимъ предзнаменованіемъ.

Во время пріема, послѣ вѣнчанія, меня узналъ Принцъ Уэльскій (впослѣдствіи Эдуардъ VII) и любезно ко мнѣ подошелъ. Когда мы оба были очень молоды, мы часто съ нимъ встрѣчались, бѣгали вмѣстѣ на конькахъ, на пруду въ Таврическомъ Дворцѣ, гдѣ впослѣдствіи, до ея разгона большевиками, находилась Государственная Дума. Это мѣсто, на которомъ разыгралось столько революціонныхъ событій, было въ теченіе долгаго времени мѣстомъ встрѣчи Двора съ избраннымъ петербургскимъ обществомъ. Въ царствованіи Александра II и Александра III тамъ происходили прекрасныя торжества.

Впослѣдствіи я встрѣчала Эдуарда VII въ Каннахъ, въ особенности въ домѣ графини Торби, супруги Великаго Князя Михаила Михаиловича, съ которой онъ былъ очень друженъ. Онъ пригласилъ меня на одинъ изъ ближайшихъ дней къ себѣ въ Ньюмаркетъ на завтракъ и поручилъ меня къ нему проводить графу Альберту Фонъ Менсдорфу, тогдашнему австро-венгерскому послу. Я имѣла честь, во время завтрака, сидѣть между Эдуардомъ VII и герцогомъ Іоркскимъ (нынѣ Георгомъ V) и быть затѣмъ свидѣтельницей побѣды его лошади. Впослѣдствіи Эдуардъ въ память этой побѣды прислалъ мнѣ брошь, съ бриллiантовымъ изображеніемъ его лошади, The Diamond Jubilee; брошь эту мнѣ доставилъ герцогъ Аберкорнъ, присланный въ Петербургъ съ сообщеніемъ о восшествіи на престолъ Эдуарда VII. Этотъ подарокъ сопровождало очень любезное письмо.

Благодаря любезности сэра Франка Ласцелла, принадлежавшаго къ моимъ друзьямъ, я была принята его сестрами, Леди Эдвардъ Кавендишъ, матерью теперешняго Герцога Девонширскаго, и госпожей Темпль, въ одномъ

изъ красивѣйшихъ въ Лондонѣ, Ламбертскомъ дворцѣ. За этимъ обѣдомъ присутствовало много духовенства, и нѣсколько лѣтъ спустя я имѣла удовольствіе принимать у себя симпатичнаго Реверенда Андревса, съ которымъ я тогда обѣдала, и быть его чичероне во время его пребыванія въ Петербургѣ. Между прочимъ я его повела въ «Народный Домъ», и я, такъ много видѣвшая въ Лондонѣ, была тронута тѣмъ впечатлѣніемъ, которое вызвалъ въ немъ «Народный Домъ», состоявшій изъ нѣсколькихъ строеній, въ которыхъ рабочіе, крестьяне и солдаты могли найти за нѣсколько копѣекъ пищу и пріютъ. Домъ былъ окруженъ прекраснымъ садомъ. Огромный театръ, въ которомъ ставились: фееріи, драмы и оперы, былъ прекрасно обставленъ. Ежедневно въ «Народномъ Домѣ» готовилось минимумъ 15.000 обѣдовъ. Кухни были огромныя, отдѣленныя отъ остальныхъ комнатъ стеклянною стѣною, такъ что каждый могъ убѣдиться въ чистотѣ приготовленія блюдъ. Повара были всѣ въ чистыхъ, бѣлыхъ одеждахъ. Женщины въ кокошникахъ — были прислужницами. Ревевендъ Андревсъ хотѣлъ описать въ англійскихъ газетахъ это удивительно гуманное демократическое учрежденіе. Ахъ, и это все смѣтено революціей! И туда, гдѣ даже Шаляпинъ считалъ для себя за честь выступать въ благотворительныхъ концертахъ, гдѣ на подмосткахъ появлялись наши великіе артисты, большевики сумѣли внести нищету и голодъ.

Вспомнивъ одно маленькое происшествіе, я должна снова коснуться «Народнаго Дома». Однажды, когда я привела туда французскаго посла Георга Луи, онъ былъ восхищенъ и выразилъ желаніе познакомиться съ управляющимъ художественной частью. Это былъ — Фигнеръ,

одинъ изъ величайшихъ русскихъ оперныхъ пѣвцовъ, бывшій морской офицеръ. Убѣжденный монархистъ — онъ былъ братомъ революціонерки Вѣры Фигнеръ, участвовавшей во многихъ покушеніяхъ на жизнь Александра II, какъ членъ террористической партіи. Она была сослана на пожизненное поселеніе. Я представила Фигнера послу. Посолъ его спросилъ — гдѣ онъ беретъ своихъ пѣвцовъ. Фигнеръ говорилъ бѣгло по французски, но выговоръ былъ у него плохой. Онъ хотѣлъ сказать: „ils viennent tous de province“ (они всѣ изъ провинціи). — Какъ, Вы нашли ихъ всѣхъ въ Провансѣ?» спросилъ удивленно Георгъ Луи. «Да, Ваше Сіятельство, я самъ туда за ними ѣздилъ». Посланникъ выразилъ желаніе познакомиться съ артистами, думая, что онъ встрѣтится съ соотечественниками. Но оказалось, что они никогда не были французами изъ Прованса и даже не умѣли говорить по французски. Посла очень развеселило это недоразумѣніе.

Основателемъ «Народнаго Дома» былъ принцъ Ольденбургскій, основавшій также Институтъ Экспериментальной медицины. Благотворительность была традиціей въ семьѣ Ольденбургскихъ. Отецъ его, Петръ, раздалъ большую часть своего огромнаго состоянія на разныя благотворительныя учрежденія и ,между прочимъ, основалъ училище Правовѣдѣнія.

Старая герцогиня Девонширъ часто приглашала меня къ себѣ и посѣщала со мною политическія собранія. Благодаря ей я принимала участіе на одномъ большомъ колоніальномъ банкетѣ у Герцога Девонширскаго и имѣла счастье слушать многихъ знаменитыхъ англійскихъ ораторовъ, также и принца Уэльскаго, бывшаго прирожденнымъ ораторомъ. Онъ мнѣ сказалъ, что онъ свою первую

рѣчь произнесъ, будучи 12-ти лѣтъ отъ роду, во время распредѣленія наградъ въ военномъ училищѣ. «Императрица запретила кому-бы то ни было мнѣ помогать», сказалъ принцъ. «Я долженъ былъ самостоятельно составить мою рѣчь. Цѣлую ночь я провелъ безъ сна и чувствовалъ себя очень несчастливымъ. Когда первые приступы страха были побѣждены, мое смущеніе исчезло навсегда и съ тѣхъ поръ я всегда легко говорю. Главное — знать ясно то, что хочешь сказать, а это не со всѣми бываетъ», прибавилъ онъ, улыбаясь.

Филиппъ Станхопъ, нынѣ Лордъ Вердалъ, и супруга его, урожденная графиня Канкрина, принимали меня тоже очень любезно, то въ Лондонѣ, въ ихъ прекрасномъ домѣ на Карлтонъ Гарденсъ, то въ имѣніи въ ихъ еще недостроенномъ дворцѣ.

Въ одно изъ послѣднихъ моихъ пребываній въ Лондонѣ, когда графъ Бенкендорфъ былъ тамъ посломъ, провела я десять дней у Великой Княгини, супруги Великаго Князя Константина, и у графини Торби, въ красивомъ помѣстіи, вблизи Ньюкастеля. Я съ благодарностью вспоминаю о ея радушномъ пріемѣ. Я не намѣрена описывать Лондонъ и лондонское общество, такъ какъ я слишкомъ мало съ нимъ знакома. Я разскажу лишь объ одномъ военномъ парадѣ, который я наблюдала изъ окна дома сэра Артура Никольсона, статсъ-секретаря министерства иностранныхъ дѣлъ. Этотъ смотръ войскъ былъ великолѣпнымъ зрѣлищемъ и, не смотря на то, что я была избалована картиной нашихъ петербургскихъ, а также и берлинскихъ парадовъ, я была въ восторгѣ.

Несмотря на то, что я мало пробыла въ Англіи, я успѣла замѣтить — какое впечатлѣніе на пріѣзжихъ дол-

жны производить мощь и богатство этой страны. Мнѣ стала понятной англоманія, которую такъ часто порицаютъ и которая у иностранцевъ походитъ на снобизмъ. Но все-таки трудно не податься вліянію англичанъ, ихъ мощи, ихъ старой, своеобразной культурѣ. Когда я слыхала какъ они поютъ: «Боже Царицу храни», мнѣ хотѣлось запѣть съ ними «Боже, благослови Принца Уэльскаго!» за то, что онъ оказалъ мнѣ столько вниманія.

1905 г.

Въ Іюнѣ 1905 г. я впервые убѣдилась, что возможность революціи въ Россіи вѣроятна. Это было въ имѣніи, въ Курской губерніи. Я писала письмо въ моемъ кабинетѣ. Вошелъ слуга, ѣздившій за покупками въ губернскій городъ. Съ искаженными чертами лица разсказалъ онъ мнѣ какой возмутительной сцены онъ былъ свидѣтелемъ. Когда онъ ждалъ на вокзалѣ поѣзда, онъ увидалъ тамъ направляющійся въ Манджурію военный отрядъ. Полковникъ, съ женой и двумя дѣтьми, устроился въ купэ, какъ вдругъ вошелъ унтеръ-офицеръ и очень волнуясь доложилъ, что въ вагонъ, въ которомъ могутъ помѣститься сорокъ человѣкъ, вдавили сто человѣкъ, такъ что имъ невозможно было ни лечь, ни сѣсть. Унтеръ-офицеръ просилъ у полковника содѣйствія. Полковникъ сказалъ: «хорошо, я сейчасъ прійду». Затѣмъ онъ закурилъ папиросу и спокойно продолжалъ разговоръ съ окружающими. Немного спустя унтеръ-офицеръ снова появился въ купэ. Его глаза налились кровью и, не отдавая чести, онъ доложилъ полковнику, что солдаты взволнованы его бездѣйствіемъ, прибавивъ рѣзко: «Вамъ хорошо

сидѣть спокойно въ вашемъ купэ, въ то время какъ насъ везутъ, какъ скотъ на убой». Полковникъ, внѣ себя, приказалъ станціоннымъ жандармамъ арестовать унтеръ-офицера и посадить его въ тюремный вагонъ. Собралась толпа. Пришелъ фельдфебель доложить, что крики и проклятія заключеннаго, привлекаютъ много публики и раздражаютъ собравшихся рабочихъ. Полковникъ направился къ вагону, гдѣ находился заключенный, который, увидя его, разразился бранью. Вышедшій изъ себя полковникъ ударомъ сабли тяжело ранилъ буяна въ шею. Ударъ былъ такъ силенъ, что артерія оказалась разрѣзанной и голова склонилась на бокъ. Свидѣтели этой ужасной сцены, потерявъ самообладаніе, бросились на полковника, облили его керосиномъ, мазали смолой и насильно тащили его въ вагонъ. Кто-то, болѣе разумный, удалилъ изъ купэ во-время его жену и дѣтей и на глазахъ у всѣхъ несчастный полковникъ былъ подожженъ и сгорѣлъ живымъ. Никто даже не попытался его спасти.

Впослѣдствіи я узнала, что изъ Петербурга пришелъ приказъ не давать этому дѣлу ходу, но объ этомъ все-таки всѣ узнали. Печать, находившаяся тогда почти сплошь въ рукахъ правительства, была принуждена хранить молчаніе. Что особенно привлекло мое вниманіе въ этомъ трагическомъ происшествіи, это то, что никто не исполнилъ въ немъ своего долга — преступное попустительство со стороны всѣхъ! Прежде всего желѣзнодорожное начальство не должно было помѣщать солдатъ, какъ сельдей въ бочкѣ, во вторыхъ, солдатъ не былъ вправѣ оскорблять свое начальство, полковникъ виноватъ въ томъ, что не заботился о своихъ солдатахъ и тяжело ранилъ беззащитнаго человѣка, затѣмъ виновна была и толпа въ томъ,

что она заживо сожгла человѣка, затѣмъ жандармы и начальникъ станціи со всѣмъ своимъ персоналомъ, спрятавшійся куда-то въ критическій моментъ вмѣсто того, чтобы попытаться вразумить и сдержать обезумѣвшую толпу и за симъ виновны были и тѣ, которые не предали гласности это дѣло.

Всегда одно и то же — либо слабость, либо безграничный произволъ нашей администраціи, что и повлекло за собой революцію.

Я помню еще мѣсто изъ моего письма къ такъ рано похищенной смертью подругѣ моей Вѣрѣ де Тайлеранъ. Я описывала ей мою жизнь въ имѣніи, говорила о моихъ служащихъ, управляющихъ, директорахъ моихъ сахарныхъ заводовъ, техникахъ и другихъ, составлявшихъ тогда мое общество. Большинство изъ нихъ — писала я моей подругѣ — хорошо воспитано, дѣти же ихъ ужасны. Въ каждой ихъ семьѣ вижу я маленькаго 14 лѣтняго будущаго Марата и маленькую 13 лѣтнюю подростающую Тердань де Мерикуръ, и это очень печально. — Я не знала тогда, какъ близка была я отъ истины.

Столыпинъ.

Въ 1905 г. жила я на Островахъ.

Я получила весьма тревожное письмо отъ моего управляющаго, который мнѣ сообщалъ, что переодѣтый въ флигель-адъютантскую форму, усѣянный орденами, революціонеръ, въ сопровожденіи своихъ, также переодѣтыхъ сообщниковъ, разъѣзжаетъ по окрестностямъ имѣнія на тройкѣ, собираетъ народъ въ церквахъ и заставляетъ духовенство читать народу манифестъ Императора о передачѣ помѣщичьей земли крестьянамъ. Находящееся мѣстное начальство попробовало вмѣшаться, но оказалось безсильнымъ передъ толпой, подстрекаемой эмиссарами, которые ее убѣдили, что Царь — за народъ, но что дворянство препятствуетъ ему передать землю крестьянамъ. Вслѣдъ за этимъ, во многихъ мѣстахъ вспыхнуло возстаніе: многія имѣнія были разорены, управляющіе подвергались избіеніямъ, помѣщикъ, князь Гагаринъ, былъ даже убитъ. Находившійся недалеко отъ насъ сахарный заводъ Терещенко — былъ сожженъ. Наши рабочіе и крестьяне вели себя, сравнительно, спокойно, но достаточно было искры, чтобы воспламенить ихъ, какъ пороховую бочку. Мой управляющій просилъ меня похло-

потать у новаго министра внутреннихъ дѣлъ о маленькой военной охранѣ для защиты, въ случаѣ надобности, сахарнаго завода.

Съ этимъ письмомъ отправилась я на Аптекарскій Островъ, гдѣ находилась тогда дача министра. Я назвала дежурному свое имя и четверть часа спустя была принята Петромъ Аркадьевичемъ Столыпинымъ. Короткая дѣятельность этого министра, одного изъ безупречнѣйшихъ, умнѣйшихъ людей Россіи, была и всегда останется свѣтлой страницей въ ея исторіи. Для него царизмъ означалъ — патріотизмъ. Стараго рода и воспитанія, онъ въ своихъ возрѣніяхъ былъ современенъ. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что ему все извѣстно: что съ псевдо-флигель-адъютанта маска уже сорвана, и что съ такими заявленіями, какъ я къ нему, за послѣдніе два дня уже обращались многіе и что имъ уже приняты необходимыя мѣры. Онъ сообщилъ мнѣ, что намъ разрѣшается создать конную стражу и одѣть ее въ форму извѣстнаго образца. Эта стража должна быть составлена изъ отставныхъ кавалерійскихъ унтеръ-офицеровъ, подъ начальствомъ вахмистра, въ свою очередь подчиненнаго исправнику. Онъ совѣтовалъ набрать мнѣ эту стражу изъ отдаленныхъ деревень и поставилъ условіемъ не принимать въ нее магометанъ, что было слѣдствіемъ слѣдующаго обстоятельства: у многихъ помѣщиковъ были лѣсничіе — горцы, храбрые, преданные люди, противъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, былъ направленъ религіозный фанатизмъ толпы. Этотъ фанатизмъ поддерживался и разжигался повстанцами. Такъ, напримѣръ, въ имѣніи графа Георгія де Рибопьера «Святыя горы», находившемся въ Харьковской губерніи, 35

горцевъ, составлявшихъ его стражу, были звѣрски убиты крестьянами.

Я покинула Столыпина, находясь вся подъ обаяніемъ этой крупной, и вмѣстѣ съ тѣмъ, скромной личности. Должна прибавить, что эти отряды охраны должны были быть у насъ лишь средствомъ устрашенія, такъ какъ, несмотря на царившіе вокругъ безпорядки, у насъ не было ни одного столкновенія между крестьянами и стражей.

Нѣкоторое время спустя Столыпинъ былъ назначенъ Министромъ-Президентомъ. Объ этомъ въ то время говорили слѣдующее: когда во времена первой Государственной Думы, Государь увидѣлъ, что правительство Горемыкина не можетъ работать съ такой революціонно настроенной думой, передъ нимъ встала дилемма — либо распустить думу, либо образовать новый кабинетъ. Комендантъ Дворца, генералъ Дмитрій Треповъ, бывшій въ фаворѣ у Государя, вручилъ ему списокъ новаго кабинета съ Милюковымъ во главѣ. Всѣ кандидаты принадлежали къ кадетской партіи. Въ спискѣ, безъ его вѣдома, фигурировалъ и Столыпинъ, который, будучи министромъ внутреннихъ дѣлъ, обратилъ на себя всеобщее вниманіе своимъ ораторскимъ талантомъ, своими твердыми убѣжденіями и административными способностями. Во время еженедѣльныхъ докладовъ Столыпина Государю, Николай II однажды обратился къ нему съ вопросомъ: «какого Вы мнѣнія о возможности образованія конституціонно-демократическаго кабинета?» — «Ваше Величество», отвѣтилъ Столыпинъ, «я считаю кадетовъ мечтателями. Они ослабятъ Вашу власть, и Россія и Вы будутъ въ опасности». «Но если это Ваше убѣжденіе», сказалъ Николай II, «какимъ же образомъ кадеты помѣ-

стили Васъ въ своемъ спискѣ?» Столыпину послышалось нѣкоторое недовѣріе въ этихъ словахъ и онъ взволнованно возразилъ: «Ваше Величество! вмѣстѣ съ кровью моихъ предковъ унаслѣдовалъ я преданность трону. Я предпочту подметать дворъ во дворцѣ Вашемъ, чѣмъ раздѣлять власть съ кадетами». Прійдя домой, Столыпинъ сказалъ своему шурину, Алексѣю Нейдгарту, члену Государственнаго Совѣта: «я уже не министръ. Съ завтрашняго дня я начинаю вести жизнь частнаго человѣка. Царя толкаютъ на катастрофу. Кадеты разрушатъ власть Монарха и этимъ приведутъ Россію къ гибели». — На слѣдующій день, 8-го іюня, 1906 г., былъ объявленъ Высочайшій декретъ, по которому Столыпинъ былъ назначенъ министромъ-президентомъ. Въ теченіе тѣхъ пяти лѣтъ, когда онъ находился во главѣ русскаго правительства, онъ успѣшно боролся съ революціей двумя способами: поднятіемъ въ массахъ патріотическаго духа и аграрными реформами. Онъ побудилъ крестьянъ къ пріобрѣтенію земель, желая такимъ образомъ увеличить число мелкихъ собственниковъ. Я помню его слова, обращенныя имъ въ Государственной Думѣ, къ своимъ противникамъ: «Вы меня не запугаете!» И Столыпинъ, по истинѣ, не вѣдалъ чувства страха. Никогда бы сильная рука этого выдающагося государственнаго дѣятеля не выпустила изъ ихъ подполья такихъ ядовитыхъ рептилій, какъ Бончъ-Бруевича, Рязанова, Катюшина, Ренникова, Мансерова и друг. Столыпинъ никогда бы не допустилъ недостойныя преслѣдованія вѣрныхъ сыновъ отечества и Царя, сыновья которыхъ пали за родину на поляхъ сраженій, единственнымъ преступленіемъ которыхъ было то, что они не назывались Ивановъ или Петровъ.

— Въ 1906 году услыхали мы, живущіе по сосѣдству, на Островахъ, страшный взрывъ и съ ужасомъ узнали, что произошло покушеніе на Столыпина. Переодѣтые въ форму жандармскаго полковника и офицеровъ революціонеры, подъѣхавъ къ дому министра, были безпрепятственно впущены. Едва вступивъ въ комнаты, они бросили нѣсколько бомбъ, произведшихъ ужасный взрывъ, отъ котораго провалился потолокъ второго этажа. Двое дѣтей Столыпина были изуродованы и болѣе 40 человѣкъ, ожидавшихъ пріема, ранены и убиты. Это горе, поразившее отцовское сердце Столыпина, не сломило его желѣзной воли. Онъ остался на своемъ посту и, не зная чувства мести, продолжалъ и далѣе вести Россію по намѣченному имъ пути, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Но враги его не успокоились. Въ 1911 году я была въ Сальце-Маджіоре. „Corriere della Sera" принесла намъ потрясающую вѣсть, что во время гала-представленія въ Кіевѣ, въ присутствіи Государя, Столыпинъ палъ жертвой выстрѣла убійцы. Россія и Императоръ лишились въ тотъ вечеръ одного изъ крупнѣйшихъ своихъ государственныхъ дѣятелей.

Находившіеся въ Сальце-Маджіоре русскіе отправились въ католическую капеллу — и мы отслужили панихиду по Столыпинѣ. Теперь можно сказать, что Столыпинъ счастливъ, не доживъ до гибели имъ такъ горячо любимой родины. Памятникъ, поставленный ему въ Кіевѣ, свергнутъ. Но по странной случайности пьедесталъ остался невредимымъ и можно на немъ прочесть его, произнесенныя въ Государственной Думѣ, по адресу кадетовъ, слова: «Вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужна великая Россія».

Царица.

Когда Государь былъ въ первый разъ въ Парижѣ, я гостила тамъ у моей дочери Ольги, жены русскаго посла барона фонъ Корфа. Со мною находилась также моя младшая дочь, недавно получившая назначенiе фрейлины Императрицы. На слѣдующiй день, послѣ торжественнаго въѣзда въ Парижъ Николая II, который мы наблюдали изъ оконъ владѣльца Нью-Iоркъ-Геральда, Гордона Беннета, въ Елисейскихъ поляхъ, пошла я съ дочерью моей Маей къ госпожѣ де-Тэбъ. Она любезно меня принявъ, сказала: «къ сожалѣнiю у меня такая мигрень, что я сегодня не въ состоянiи гадать ни по картамъ, ни на кофейной гущѣ». Я простилась съ нею, прося ее принять меня на слѣдующiй день. «Вы русская», сказала она, провожая меня, «думаете ли Вы, что мнѣ возможно будетъ получить фотографическiй снимокъ линiй руки Царя? Я бы многое дала, чтобы получить такой снимокъ». — «Я попытаюсь это сдѣлать. Дама, сопутствующая Царицѣ, княгиня Барятинская — моя кузина, я попробую къ ней обратиться. Думаю, что Государю было-бы интересно имѣть отъ Васъ его го-

роскопъ». «Вы мнѣ этимъ окажете большое одолженіе», сказала госпожа де-Тэбъ. «Я съ удовольствіемъ проконтролировала бы то впечатлѣніе, которое Государь произвелъ на меня вчера. Сколько несчастья прочитала я на лицѣ этого молодого человѣка! Это — ужасно. Несчастье, большое несчастье», повторяла она. Эти слова такъ меня испугали, что, выйдя на улицу, я сказала моей дочери, что не предприму никакихъ шаговъ для полученія снимка руки Государя. Я боялась быть посредницей въ доставленіи ему плохихъ предсказаній и рѣшила болѣе не посѣщать госпожу де-Тэбъ, о чемъ дочь моя очень сожалѣла, такъ какъ ей хотѣлось узнать свою судьбу. Я рада, что не пошла на встрѣчу ея желанію. Г-жа де-Тэбъ прочла-бы по линіямъ руки моей дочери ожидавшую ее печальную судьбу, — я потеряла нѣсколько лѣтъ спустя мою горячо любимую дочь, что и понынѣ отравляетъ мнѣ мои дни и служитъ причиной безсонныхъ ночей.

Часто думала я о словахъ госпожи де Тэбъ: «несчастье, большое несчастье!».

— Во время коронаціи Николая II его сравнивали съ Людовикомъ XVI-мъ. Какъ съ прибытіемъ Маріи Антуанэты въ Парижъ праздникъ обратился въ трауръ, такъ и московскія торжества ознаменовались большой катастрофой, повлекшей за собою много жертвъ. Обѣщана была раздача народу царскихъ подарковъ. Толпы мужчинъ, женщинъ и дѣтей потянулись изъ разныхъ деревень въ Москву, на Ходынское поле. Не было принято никакихъ мѣръ предосторожности и когда началась роздача подарковъ, вся толпа безпорядочно хлынула впередъ, спотыкаясь, попадая въ ямы, падая, толкая и топча

другъ друга. Ходынка стала гигантской гекатомбой, символомъ постоянно царившаго въ Россіи безпорядка. Число жертвъ составляло отъ 8 до 10 тысячъ человѣкъ. Когда я на слѣдующій день поѣхала на парадъ, я увидѣла сотни телѣгъ, везущихъ цѣлыя горы труповъ, съ торчащими руками и ногами, такъ какъ не сочли даже нужнымъ чѣмъ-нибудь ихъ прикрыть. Назначено было слѣдствіе для отысканія виновныхъ.

Въ то время власть въ Москвѣ была раздѣлена между генералъ-губернаторомъ, Великимъ Княземъ Сергѣемъ Александровичемъ и министерствомъ двора, во главѣ котораго стоялъ графъ Воронцовъ-Дашковъ. Оба они другъ друга обвиняли въ происшедшемъ. Графъ фонъ деръ Паленъ, бывшій министръ юстиціи, оберъ церемоніймейстеръ во время коронаціи, былъ избранъ судьей. Онъ попросилъ позволенія прочитать свой отчетъ передъ Царемъ и Царской Семьею. Онъ началъ такъ: «Катастрофы, подобныя происшедшей, могутъ до тѣхъ, поръ повторяться, пока Ваше Величество будетъ назначать на отвѣтственные посты такихъ безотвѣтственныхъ людей, какъ ихъ Высочества, Великія Князья». Эти, ставшія историческими, безстрашныя слова, правильно освѣщаютъ тогдашнее положеніе. Эта безотвѣтственная самодержавная и, въ то же время, безсильная власть — привела насъ, какъ я уже неоднократно говорила, къ той ужасной катастрофѣ, жертвою которой мы стали. Ознаменовавшееся пролитіемъ крови начало царствованія, наложило печать скорби на Государыню. Она была горда и застѣнчива, въ то же время, и была совсѣмъ непохожа на свою привѣтливую тещу, вдовствующую Императрицу Марію Феодоровну, чья улыбка всѣхъ оча-

ровывала. Въ виду того, что молодая Императрица въ юные годы не подготовлялась къ своей будущей роли и никогда не должна была подчинять свою волю высшей волѣ другого, она не знала людей и, не смотря на это, считала свои сужденія безупречными. При полномъ незнаніи жизни, она судила всѣхъ и все очень строго. Мнѣ кажется, что она, также какъ и сестра ее, супруга Великаго Князя Сергѣя Александровича, освоилась бы съ требованіями и правами русскаго общества, если бы въ самомъ началѣ царствованія Николая II, на нее не обрушился бы со стороны царской семьи цѣлый рядъ униженій и даже преслѣдованій. Послѣ перваго же визита въ Петербургъ, куда принцесса Алиса Гессенская сопровождала своего отца и когда еще были далеки отъ мысли, что она когда-нибудь станетъ Царицей, встрѣтили ее, особенно жена Владиміра Александровича, снисходительно-покровительственно, какъ маленькую, ничего не значущую принцессу, что доставляло ей не мало огорченій. Когда принцесса Алиса стала супругой Николая II, ея тетушка, Великая Княгиня, собралась было дѣлать ей наставническія замѣчанія, но Царица не забыла ея отношеніе къ себѣ, когда она была еще принцессой, и дала почувствовать своей Высокопоставленной родственницѣ — кто теперь госпожа. Великая Княгиня никогда не могла простить ей этого и, воспользовавшись своимъ вліяніемъ, дѣлала въ петербургскомъ обществѣ все, что могло бы повредить Государынѣ. Она уговаривала высокопоставленныхъ дамъ давать Императрицѣ совѣты, затѣмъ расхваливала смѣлость этихъ дамъ и передавала на всѣ лады содержаніе этихъ устныхъ и письменныхъ совѣтовъ и отвѣтовъ Царицы.

Однажды Императрица отвѣтила настаивавшему на томъ, что она должна давать званные завтраки и обѣды, Фредериксу: «зачѣмъ Вы хотите, чтобы я приглашала къ себѣ лицъ, дающихъ мнѣ разные совѣты, могущіе мнѣ принести только вредъ и давала этимъ лицамъ поводъ къ разнымъ разговорамъ». Эти слова мнѣ были переданы самимъ графомъ Фредериксомъ.

Вмѣсто того, чтобы искать сближенія и привлечь къ себѣ сердца, Царица избѣгала разговоровъ и встрѣчъ, и стѣна, отдѣлявшая ее отъ общества, все росла.

Послѣ смерти Александра III царская семья лишилась всякой дисциплины. Царь былъ робокъ и непривѣтливъ по отношенію къ своимъ дядямъ и кузенамъ, бывшимъ старше его и привыкшимъ смотрѣть на него, какъ на ребенка, и по этому не оказывавшимъ ему должнаго почтенія. Пользуясь слабостью Николая II, Царская Семья не признавала никакой дисциплины въ то время, какъ при Александрѣ III никто изъ членовъ ея не смѣлъ противиться строгимъ приказамъ министра двора, графа Воронцова-Дашкова. Императрица понимала опасность, грозившую Императорской Фамиліи и, пользуясь своимъ вліяніемъ на Николая II, совѣтовала ему пресѣчь со всей строгостью злоупотребленія своимъ положеніемъ нѣкоторыхъ членовъ семьи. Совѣты ея принимались, но за ее спиной Царь давалъ свое согласіе на всѣ требованія Великихъ Князей, требованія, часто оскорбляющіе достоинство Императорскаго Дома. Все это привело къ тому, что Царица имѣла много враговъ среди родственниковъ своего мужа, враговъ ненавидящихъ ее и дѣлавшихъ все, что могло-бы ей повредить и сдѣлать ее нелюбимой. Исключеніемъ былъ лишь Великій Князь

Павелъ Александровичъ, умъ и тактъ котораго удерживали его отъ какого бы то ни было участія въ дѣяніяхъ, направленныхъ противъ Государыни. Такимъ же былъ и Великій Князь Константинъ Константиновичъ. Рано вступившій на престолъ Императоръ, проведшій всю жизнь въ тѣсномъ кругу семьи, которая даже, для охраны здоровья, выбирала ему метрессъ, не былъ вожакомъ и, благодаря своей молодости, окружалъ себя юными офицерами, своими бывшими сослуживцами.

Неудачи слѣдовали одна за другой. Царь желалъ имѣть сына, Россія ждала Наслѣдника. Четыре дочери принесли четыре разочарованія, — Государыней были недовольны, будто это произошло по ея волѣ. Наконецъ родился сынъ. Велико было ликованіе! Но стали говорить, что ребенокъ слабъ и недолговѣченъ. Говорили, что у ребенка отсутствуетъ покровъ кожи, отсутствіе котораго должно вызывать постоянныя кровоизліянія, такъ что жизнь его могла угаснуть отъ самаго незначительнаго недомоганія.

«Кровь, все кровь», говорила Государыня. Благодаря тщательному уходу за нимъ, ребенокъ выжилъ, сталъ поправляться, хорошѣть, былъ уменъ, но долго не могъ ходить и видъ этого маленькаго существа, постоянно на рукахъ у здоровеннаго казака, производилъ на парадахъ удручающее впечатлѣніе. Какъ, это ихъ будущій Императоръ? Этотъ маленькій калѣка, Въ немъ — грядущее великой Россіи? . . . .

Иногда говорили, что онъ уже началъ ходить, но что онъ хромаетъ, будто отъ того, что взлѣзши на столъ, упалъ съ него, чѣмъ вызвалъ новое кровоизліяніе, угрожавшее его жизни. Къ тому времени именно Великая

Княгиня Анастасія Николаевна и Великая Княгиня Милица Николаевна, черногорскія принцессы, доставили къ Наслѣднику, для его спасенія, пресловутаго Распутина, ставшаго впослѣдствіи злымъ духомъ Царской Семьи. Этотъ Распутинъ, какъ говорили, умѣлъ останавливать кровотеченіе. Случайно ли, но, во всякомъ случаѣ, съ пріѣздомъ Распутина Наслѣдникъ, сталъ поправляться и вѣра въ Распутина съ этого момента стала безграничной.

Благотворительный базаръ Императрицы.

Императрица, много занимавшаяся благотворительностью, пожелала въ 1910 г. устроить большой благотворительный базаръ въ пользу тѣхъ учрежденій, покровительницей которыхъ она была. Однажды уже она устроила такой базаръ въ Эрмитажѣ, одномъ изъ красивѣйшихъ дворцовъ Петербурга. Къ сожалѣнію, столько было тогда попорчено посѣтителями этого базара рѣдкихъ вещей временъ Императрицы Екатерины II, которыми были украшены залы Эрмитажа, что было рѣшено никогда болѣе тамъ такихъ базаровъ не устраивать. Въ виду же того, что министръ Двора не хотѣлъ предоставить для этой цѣли ни одного изъ другихъ дворцовъ, — можно было лицезрѣть какъ супруга величайшаго въ мірѣ властителя, была занята поисками подходящаго для базара помѣщенія. Обращались по этому поводу ко многимъ министрамъ, но каждый старался освободиться отъ подобныхъ хлопотъ. Во время одного разговора съ Императрицей Николай II вспомнилъ, что будучи еще Наслѣдникомъ, онъ посѣщалъ мой домъ во время баловъ и пріемовъ. Онъ вспомнилъ, что обѣдалъ въ большомъ залѣ, въ которомъ помѣщалось много столовъ. Меня

посѣтила княгиня Голицына, тогдашняя оберъ-гофмейстерина Императрицы, и просила у меня фотографическихъ снимковъ моей квартиры, чтобы предъявить ихъ Государю, а нѣсколько дней спустя, Императрица обратилась ко мнѣ съ просьбой устроить у меня базаръ. Это событіе имѣло для меня непріятныя послѣдствія. Оно создало вокругъ меня много завистниковъ, видѣвшихъ въ просьбѣ Императрицы милость ко мнѣ, чего на самомъ дѣлѣ не было. Въ теченіе недѣли всѣ углы моего дома были полны дамъ-патронессъ, ихъ помощницами и ихъ прислугой. Каждая Великая Княгиня имѣла свой столъ, ея кавалеры и дамы ссорились изъ за мѣстъ; меня дѣлали за все отвѣтственной. Всѣ артисты предложили свои услуги на эти вечера и мои залы имѣли честь принимать Сару Бернаръ, великую Сару, находившуюся тогда въ Петербургѣ. Мы окружили ее большимъ почетомъ. Графъ Александръ Зубовъ, потомокъ знаменитаго фаворита Екатерины Великой, заѣхалъ за нею въ гостинницу въ сопровожденіи одѣтаго въ красную ливрею придворнаго лакея. Ей была сдѣлана, при ея появленіи у насъ, большая овація. Всѣ руки протянулись къ ней на встрѣчу, ей апплодировали и кричали: «ура, Сара Бернаръ!» На слѣдующій день она была принята въ Царскомъ Селѣ, такъ какъ Императрица хотѣла лично выразить ей свою благодарность. Я не знаю, какое впечатлѣніе произвело это посѣщеніе на Сару Бернаръ, — я ее никогда послѣ этого не встрѣчала.

Лично я мало знала Государыню. За всю мою жизнь я только имѣла у нея три аудіенціи, — одну, между прочимъ, послѣ базара. Часто я ее видала на театральныхъ представленіяхъ въ Эрмитажѣ и въ Зимнемъ

Дворцѣ. Между прочимъ, Великій Князь Константинъ Константиновичъ игралъ тамъ Гамлета, прекрасно имъ переведеннаго на русскій языкъ. Дочь моя играла Офелію. Царица приходила часто на репетиціи. Всегда холодная и равнодушная, она, казалось, была только тѣмъ занята, чтобы въ шекспировскомъ текстѣ не было ничего, могущаго показаться ей оскорбительнымъ. Ни къ кому не обращалась она съ привѣтливымъ словомъ. Какъ ледъ, распространяла она вокругъ себя холодъ. Императоръ, наоборотъ, былъ очень привѣтливъ и очень интересовался игрою артистовъ, всѣхъ ему извѣстныхъ гвардейскихъ офицеровъ. Постановка «Гамлета» стала почти оффиціальнымъ событіемъ, — на нее была потрачена большая сумма денегъ изъ личныхъ средствъ Государя. Трудно описать роскошь этой постановки. Я увѣрена, что ни мать Гамлета, ни Король, ея супругъ, никогда не имѣли такой блестящей свиты, какую имъ устроилъ русскій дворъ. Даже пажи королевы — были настоящіе пажи Императрицы, сыновья лучшихъ русскихъ фамилій.

Этотъ спектакль былъ повторенъ три раза, — въ первый разъ онъ былъ данъ для двора и для дипломатическаго корпуса, во второй — для родственниковъ исполнителей и въ третій — Великій Князь Константинъ Константиновичъ, бывшій прекраснымъ артистомъ, получилъ разрѣшеніе выступить въ роли Гамлета передъ артистами императорскихъ театровъ, — русскаго, французскаго и итальянскаго. Я хотѣла бы подчеркнуть, что ни при какомъ режимѣ искусство и артисты не пользовались такимъ почетомъ и не играли такой роли, какъ во времена монархіи. Кромѣ госпожи Вольнисъ, такъ часто

бывавшей у Великой Княгини Елены, Шарль Андріэ, Петри, госпожа Паска и многіе другіе были для всѣхъ желанными гостями.

Я часто встрѣчала Государыню у В. К. Константина, въ его прекрасномъ дворцѣ въ Павловскѣ, въ тѣ вечера, когда его дѣти устраивали концерты и живыя картины. Она сидѣла, держа все время на своихъ колѣняхъ Наслѣдника, молчаливая, грустная, совершенно равнодушная къ происходящему вокругъ нея. Отъ времени до времени она ласкала своего сына, сдерживая его подвижность. Затѣмъ она вдругъ вставала, говоря Государю: «Ники, теперь время уходить». Государь старался ее удержать, но, обыкновенно, это кончалось тѣмъ, что онъ слѣдовалъ за нею. Доказательствомъ тому, какъ мало Государыня понимала психологію людей, можетъ служить то, что она добровольно отказалась отъ права раздавать молодымъ дѣвушкамъ Царскій шифръ, предоставивъ это своей тещѣ, вдовствующей Императрицѣ. Шифръ для фрейлинъ считался большимъ отличіемъ, дающимъ чинъ равный чину супруги генералъ-маіора.

Не любившая общества, часто болѣвшая, Императрица, послѣ волненій, перенесенныхъ ею во время первой революціи, прекратила совершенно давать балы. Вслѣдствіе этого многіе совершенно утратили интересъ ко двору, такъ какъ не могли болѣе давать волю своему честолюбію, которое ранѣе питали и ласкали приглашенія на придворныя торжества. Одни въ этихъ приглашеніяхъ доискивались матерьяльныхъ благъ, другіе — отличій и орденовъ. Нѣтъ боли сильнѣе — боли уязвленнаго самолюбія. Кто часто встрѣчается съ людьми, кто многихъ принимаетъ, — въ особенности женщина, имѣю-

щая людный салонъ, знаетъ, сколько низости проявляется передъ ея званнымъ вечеромъ, сколько злобы шипитъ послѣ него. Многіе записались въ либералы лишь потому, что имъ не на что было уже надѣяться, въ виду невозможности попасть въ списокъ приглашенныхъ ко двору.

Царицу порицали повсюду, въ особенности тамъ, гдѣ ее не видали. Ея отношенія къ Распутину, которыя, по моему мнѣнію, носили совершенно невинный характеръ и были лишь послѣдствіемъ страха за состояніе здоровья Наслѣдника, — ей ставили въ укоръ и раздули въ нѣчто подобное исторіи съ колье Маріи-Антуанетты. Антипатія и даже ненависть къ Государынѣ росли. Распространялись слухи, что черезъ этого фаворита-мужика можно при дворѣ всего достигнуть. Ходили по рукамъ безграмотныя записки Распутина, въ которыхъ онъ просилъ то за однаго, то за другаго. Всѣ были возмущены, но никому не приходило въ голову, что протекція Распутина имѣла лишь потому успѣхъ, что тѣ, къ кому съ нею обращались, желая угодить высшимъ сферамъ, малодушно исполняли его просьбы. Я знаю, въ этомъ смыслѣ два исключенія: Александръ Григорьевичъ Булыгинъ и Графъ Фредериксъ не приняли посланныхъ къ нимъ съ рекомендаціей Распутина и оставили его просьбу безъ вниманія. Ни Государь, ни Государыня не выразили этимъ двумъ государственнымъ дѣятелямъ своего неудовольствія, а, напротивъ, остались къ нимъ всегда благосклонными. Списки съ циничныхъ писемъ, которыя будто бы Царица писала къ Распутину, ходили по рукамъ въ салонахъ, а также и въ низшихъ слояхъ общества. Эти письма были вымышленными, но когда это стало извѣст-

нымъ, они уже сдѣлали свое дѣло и цѣль была достигнута. Нѣмецкое происхожденіе Императрицы также служило причиной для недружелюбнаго къ ней отношенія, хотя она, подобно погибшей отъ руки убійцъ на Уралѣ, сестрѣ ея Елизаветѣ, получила совершенно англійское воспитаніе. Она гордилась тѣмъ, что она внучка Королевы Викторіи и говорила постоянно съ мужемъ и дѣтьми по англійски.

Будь она замужемъ за англичанномъ, она была бы счастлива и уважаема всѣми. Но судьба, на ея и другихъ несчастье, посадила ее на величайшій въ мірѣ тронъ именно въ то время, когда тронъ этотъ сталъ шататься. Повторяю — я знала Государыню очень мало. Моя же невѣстка, графиня Клейнмихель и ея дочери, пользовались благосклонностью Императрицы; племянницы мои бывали часто въ Крыму и въ Царскомъ-Селѣ у Великихъ Княженъ и говорили мнѣ, что онѣ никогда не видали Распутина. Это доказываетъ ложность слуховъ, будто Распутинъ имѣлъ доступъ даже въ опочивальни Великихъ Княжемъ и что онъ постоянно бывалъ во дворцѣ.

Царица въ роли сестры милосердія.

Когда возгорѣлась война, Государыня вся отдалась работѣ въ лазаретахъ, но и тутъ сказалось отсутствіе у нея психологической чуткости. Вмѣсто того, чтобы управлять лазаретами и быть Императрицей — благотворительницей, она стала сестрой милосердія, простой сестрой, дѣлающей перевязки раненнымъ, умывающей ихъ и собственными руками обрѣзающей ногти на ногахъ офицеровъ. Простой народъ, въ своемъ примитивномъ представленіи, рисуетъ Царицу окруженной ореоломъ и блескомъ, въ коронѣ, съ красной мантіей на плечахъ. Такою онъ ее любитъ и такою она ему нравится. Когда же русскій солдатъ видѣлъ Царицу простой сестрой милосердія, не отличающейся ни чѣмъ отъ другихъ сестеръ, ее, эту Царицу, которую онъ себѣ представлялъ сказачной королевой, онъ думалъ: «Какъ, это все? Ну, тогда нѣтъ никакой разницы между нею и нашими женами».

Вспоминаю забавный случай. Когда Греческій Король Георгъ былъ впервые въ Петербургѣ, куда онъ пріѣхалъ для своего обрученія съ Великой Княжкой Ольгой, нынѣ вдовствующей Королевой греческой, въ его

свитѣ находился восьмидесятилѣтнiй герой освободительныхъ войнъ, Хадьи Петросъ котораго описалъ Эдмондъ Абу въ своемъ романѣ: «Старый горецъ»

Мой кухонный мужикъ, недавно прибывшiй изъ деревни, разсказывалъ мнѣ съ оживленiемъ и крестясь, что Богъ послалъ ему большое счастье видѣть Императора Александра II, Короля Греческаго и его мать, Королеву, которая сiяла въ золотомъ одѣянiи, съ бѣлой накидкой и въ красныхъ туфляхъ, сидя верхомъ на прекрасной лошади. «Совсѣмъ, какъ святая», повторялъ онъ дѣлая крестное знаменiе. «Какъ, Королеву?» спросила я въ изумленiи, «Королева не была верхомъ, а ѣхала въ экипажѣ, запряженномъ четверкой лошадей.» «Говорю Вамъ, она проѣхала мимо меня, я ее видалъ вблизи, она была въ вышитой золотомъ курткѣ и была такъ прекрасна, что я хотѣлъ предъ нею упасть на колѣни». Онъ принялъ Хадьи Петроса за Греческую Королеву! Онъ такъ былъ ослѣпленъ вышитой золотомъ курткой и красной феской, что даже не замѣтилъ сѣдыхъ усовъ стараго героя. Не характерно ли это для русскаго народа?

Простота обращенiя Государыни и Великихъ Княженъ съ ранеными офицерами повредила ореолу Царской семьи. Одинъ французъ сказалъ: «для лакеевъ нѣтъ великихъ людей.» Ходили по рукамъ фотографическiе снимки Великихъ Княженъ, сидѣвшихъ на постеляхъ раненныхъ, — эти снимки были сдѣланы однимъ изъ раненныхъ офицеровъ. При настроенiи, царившемъ повсюду послѣ 1915 года, все было направлено противъ этой несчастной семьи, желавшей только добра, совѣсть которой была значительно чище совѣсти ея враговъ.

Думаю, что вслѣдствіе того, что мы обратили наши виллы и дома въ лазареты, давно уже дремлющая въ душахъ вооруженныхъ мужиковъ зависть стала расти. Ничѣмъ уже не удовлетворялись защитники отечества. Мы ломали головы, — чѣмъ имъ угодить и часто льстили имъ, вмѣсто того, чтобы ихъ питать и лечить. Соревнованіе и желаніе обратить на себя вниманіе — играли большую роль въ организаціяхъ лазаретовъ. Въ то время, какъ обращенные въ лазареты дворцы аристократіи представляли образецъ гигіены, порядка и уюта, — городскіе лазареты, и находившіеся въ вѣдѣніи военнаго министерства, оставляли желать многаго. Не равномѣрность въ роскоши труднѣе переносится, чѣмъ сходство въ нуждѣ — и чувства зависти и ненависти охватили сердца солдатъ, лежавшихъ въ военныхъ госпиталяхъ, въ то время какъ чувство благодарности отсутствовало у тѣхъ, которые нашли пріютъ и уходъ во дворцахъ. Они сравнивали свои душныя, темныя избы и хаты, съ хорошо провѣтренными, прекрасно освѣщенными, украшенными картинами и зеркалами, залами. Когда имъ давали хорошую пищу, они вспоминали о своей жалкой деревенской ѣдѣ и говорили себѣ: «для того, чтобы господа могли такъ жить въ своихъ дворцахъ, такъ хорошо ѣсть, мы должны работать десять часовъ въ день на фабрикахъ и поляхъ». По вечерамъ сестры милосердія водили выздоравливающихъ въ театръ. Днемъ съ ними совершали прогулки въ экипажѣ или въ автомобилѣ. Часто приглашались для ихъ увеселенія пѣвицы, артисты, фокусники. Иногда и дамы общества устраивали для ихъ развлеченія характерные танцы. Не переставали имъ льстить. Великій князь Николай Николаевичъ расточалъ имъ похвалы въ своихъ приказахъ, на-

писанныхъ особеннымъ, для этой цѣли изобрѣтеннымъ, льстивымъ языкомъ: онъ называлъ ихъ «богатырями», «чудо — богатырями» и «сверхчудобогатырями».

Солдатъ, бывшій еще въ 1914 году, когда дисциплина не была подорванна, добродушнымъ, скромнымъ, терпѣливымъ и послушнымъ малымъ, сталъ постепенно требовательнымъ, недовольнымъ и непослушнымъ. Ужасная военная неудача на польскомъ фронтѣ и тайная, скрытая пропаганда, уже тогда дѣлавшая свою разрушительную работу въ войскахъ — послужили этому причиной. Я могла дѣлать лично наблюденія, такъ какъ немедленно послѣ объявленія войны, я предоставила Вдовствующей Императрицѣ мою дачу на Островахъ, въ которой она устроила лазаретъ на двѣсти кроватей, въ которомъ работали японскіе врачи и сестры милосердія.

Я не могу выразить, какъ я восторгалась этими японскими врачами и сестрами: мнѣ кажется, что нельзя быть совершеннѣе ихъ въ знаніяхъ, ловкости и уходѣ. Японскіи посолъ, баронъ Мотоно и его жена удѣлями много времени и вниманія этому лазарету. Баронъ Мотоно, ставшій впослѣдствіи министромъ иностранныхъ дѣлъ и нынѣ уже умершій, былъ высоко образованный и умный человѣкъ. Онъ былъ тонкимъ цѣнителемъ искусства и я съ удовольствіемъ съ нимъ бесѣдовала, интересуясь духомъ Японіи, будизмомъ и вообще вѣрованіями дальняго востока, имѣвшими для меня всегда большую притягательную силу. Эти возвышенныя этическія понятія восточныхъ философовъ, проповѣдующихъ самоусовершенствованіе, были постоянными темами нашихъ бесѣдъ. — Отозванныхъ на родину японцевъ замѣнили въ лазаретѣ датчане, оставшіеся тамъ до самой революціи.

Когда началась революція, наши любимые, избалованные раненные въ мгновеніе ока превратились въ нашихъ враговъ, немедленно соединились съ революціонными бандами съ тѣмъ, чтобы пойдти грабить тѣ дворцы, въ которыхъ имъ было такъ хорошо. Въ это время Государыня находилась въ Царскомъ Селѣ, гдѣ она ухаживала за своими больными корью дѣтьми. Говорятъ, что отъ Государыни скрывали происходящее въ Петербургѣ, чтобы ее не волновать. Министръ вунтреннихъ дѣлъ, Протопоповъ, ничего ей не говорилъ о происходящемъ. Лишь когда запылали дома, и озвѣрѣлая толпа солдатъ и рабочихъ врывалась въ частныя дома, грабя и убивая, Великій Князь Павелъ отправился, къ Императрицѣ и сообщилъ ей обо всемъ.

8-го марта 1917 года, по приказу совѣта министровъ, генералъ Корниловъ арестовалъ Императрицу.

Нѣсколько дней спустя несчастный Государь былъ доставленъ въ Царское Село. Описаніе ихъ ареста можно найдти въ сообщеніяхъ графа Бенкендорфа.

Имѣла ли я политическій Салонъ?

Имѣла ли я политическій салонъ? Я утверждаю, что не имѣла! Одни поздравляли меня съ этимъ салономъ, будто пользовавшимся европейской славою, другіе говорили о немъ съ возмущеніемъ. На самомъ же дѣлѣ этого салона никогда не существало, — существовалъ онъ только въ воображеніи тѣхъ, которые у меня не бывали и лишь читали въ газетахъ о моихъ пріемахъ, гдѣ перечислялись среди другихъ моихъ гостей, послы и министры. Они считали эти, чисто свѣтскіе пріемы, политическими. Лѣтомъ совершалось много поѣздокъ на Острова. Многіе, на обратномъ пути заѣзжали ко мнѣ на чашку чая и на партію бриджа. Призываю въ свидѣтели всѣхъ, бывавшихъ у меня, государственныхъ дѣятелей — я увѣрена, что они при чтеніи этихъ строкъ вспомнять, что опи у меня чрезвычайно рѣдко слыхали разговоры на политическія темы. Во всякомъ случаѣ они могутъ засвидѣтельствовать, что я никогда не старалась повліять на кого-либо, навязывать ему мое мнѣніе, разузнавать о комъ-либо.

Эти слухи о моемъ «политическомъ» салонѣ главнымъ образомъ базировались на томъ, что непосвященнымъ кожется, что каждый министръ или посолъ, посѣщающій

частное лицо, обязательно имѣетъ въ карманѣ какой-нибудь тайный документъ, содержаніе котораго онъ долженъ сообщить съ глазу на глазъ гдѣ-либо въ уголку, военный же атташе, играющій съ какой-нибудь дамой въ бриджъ, посвящаетъ ее, между двумя робэрами, въ планъ мобилизаціи.

Когда графъ Григорій Бобринскій, адъютантъ военнаго министра Ванновскаго, привелъ ко мнѣ депутацію офицеровъ Скотсъ Грейсъ, къ которымъ онъ былъ прикомандированъ и которые принадлежали къ полку, почетнымъ шефомъ котораго былъ Николай II, и я была рада предподнести этимъ офицерамъ по бокалу шампанскаго; а также и тогда, когда датскій посолъ Скавеніусъ привелъ ко мнѣ своего кузена, министра иностранныхъ дѣлъ и, когда турецкій посолъ Турканъ Паша, просилъ меня пригласить къ себѣ гостившаго у него Великаго Визиря, — находились, вѣроятно, люди, думавшіе, что съ однимъ изъ вышеназванныхъ я заключала военный договоръ, съ другимъ — подписывала тайный трактатъ, съ третьимъ — обсуждала государственную тайну.

Когда моторная лодка Столыпина стояла у оконъ моей столовой, когда экипажъ Извольскаго останавливался у моихъ воротъ, — люди, проѣзжавшіе мимо въ лодкахъ вѣроятно говорили: «здѣсь совѣщаются министры за и противъ Государственной Думы!». Одинъ договоръ дѣйствительно имѣлъ мѣсто: договоръ между глупостью и злобой людей, распространявшихъ подобные слухи.

— Въ прелестномъ дворцѣ принцессы Елены Альтенбургской, на Каменноостровскомъ, жили также военный министръ и начальникъ штаба. Министръ иностранныхъ дѣлъ, министръ финансовъ и предсѣдатель совѣта мини-

стровъ жили на Елагиномъ Островѣ. Министръ внутреннихъ дѣлъ жилъ на Аптекарскомъ Островѣ. Всѣ эти сановники жили на дачахъ, предоставленныхъ имъ дворомъ. Всѣ были знакомы и посѣщали другъ друга. Любя общество и привыкнувъ видѣть у себя много гостей, я принимала сердечно также и моихъ сосѣдей, не заботясь о политическихъ взглядахъ того или другаго и объ ихъ оріентаціи (слово неизвѣстное у насъ до войны). Моя, стоявшая на берегу Невы, окруженная красивымъ садомъ, дача, была на виду у всѣхъ проходящихъ и гуляющихъ. Я жила словно въ стеклянномъ домѣ, и, такъ какъ мнѣ нечего было скрывать, мнѣ не приходило въ голову отдѣлиться отъ міра каменной стѣной. Но зависть и недоброжелательство сдѣлали свое дѣло.

— Въ болѣе молодые годы я страстно любила верховую ѣзду, проводила много часовъ на лошади, ѣздила по сосѣднимъ паркамъ и рощамъ, и моими спутниками, послѣдовательно были: три австрійскихъ посла — графъ Кальноки, графъ Волкенштейнъ и баронъ фонъ Эренталь, затѣмъ лордъ Дюферинъ со своимъ сыномъ лордомъ Кландибоемъ, потомъ сэръ Робертъ Моріе, Жанъ Поleминъ, Луи де Монтебэлло и многіе другіе. На этихъ прогулкахъ со мною постоянно были мои дочери, съ молодыми Сашей и Грицко Витгенштейнъ, ихъ кузеномъ Димой Волконскимъ, Петромъ Клейнмихелемъ и Андреемъ Крейцъ. Увы, изъ всей этой молодежи теперь никого не осталось! Тогда никто не упрекалъ меня въ занятьяхъ политикой и, конечно, не политикой занимались мы, галопируя на лошадяхъ, обѣдая въ Шуваловѣ или въ Озеркахъ, куда я заблаговременно посылала моего повара. — Хотя я абсолютно не принимала никакого участія въ возстановле-

нiи бразильскаго престола, несмотря на то, что Донъ Луи и Донъ Антонiю Орлеанскiй Браганца мнѣ оказывали честь, обѣдая у меня, и ни чуть не поддерживала Карлистовъ въ ихъ заговорѣ противъ правительства Альфонса XIII, не взирая на то, что Донъ Хаиме Бурбонскiй у меня ужиналъ — нашлись газеты, имѣвшiя смѣлость печатать всякiй вздоръ обо мнѣ.

Не могу припомнить, чтобы хоть разъ создавались въ моемъ домѣ положенiя, которыя можно было бы назвать «политическими», по крайней мѣрѣ я, лично, объ этомъ ничего не знаю.

Между прочимъ вспоминается мнѣ интересная случайная встрѣча. Однажды у меня, на обѣдѣ, были сэръ Артуръ Никольсонъ, его супруга и сэръ Дональдъ Мекензи Валласъ; англiйскiй посолъ между прочимъ сказалъ, что онъ къ величайшему сожалѣнiю никогда не встрѣчался съ бывшимъ посланникомъ въ Константинополѣ Николаемъ Игнатьевымъ. Онъ занималъ разные посты въ Китаѣ и въ Турцiи, но ихъ дороги никогда не скрещивались. Я сказала англiйскому послу, что онъ должно быть никогда на увидить Игнатьева, такъ какъ этотъ послѣднiй нѣсколько лѣтъ назадъ уединился въ деревню и никогда не бываетъ въ Петербургѣ. Онъ старъ, утомленъ политикой и живетъ въ кругу своей семьи. — Послѣ обѣда мы перешли въ гостинную, гдѣ были приготовлены столы для бриджа и вдругъ мнѣ показалось, что я брежу, когда увидала предъ собою даму въ черной вуали, и узнала графиню Игнатьеву, а рядомъ съ нею и графа.

Они прибыли утромъ того же дня, совершили прогулку на Острова, подышать свѣжимъ воздухомъ и, увидя свѣтъ въ окнахъ моей дачи, зашли ко мнѣ. Графъ и анг-

лiйскiй посолъ провели весь вечеръ вмѣстѣ, мы не слыхали о чемъ они говорили, но, можетъ быть, что въ этотъ вечеръ, политика не была исключена изъ моего салона. Но и на этотъ разъ я стояла совершенно въ сторонѣ. Это была моя послѣдняя встрѣча съ графомъ Игнатьевымъ. Онъ умеръ задолго до войны. Что касается сэра Никольсона и его жены, то я ихъ видала впослѣдствiи въ Лондонѣ, гдѣ бывала въ ихъ гостепрiимномъ домѣ.

Костюмированный балъ.

1914 годъ моя невѣстка, графиня Клейнмихель, провела въ Петербургѣ, чтобы ввести въ свѣтъ своихъ дочерей. Въ честь моихъ племянницъ я устроила у себя костюмированный вечеръ, который сталъ происшествіемъ въ петербургскомъ большомъ свѣтѣ. Александръ Половцовъ вызвался мнѣ помочь и внесъ, какъ и въ каждое дѣло, за которое онъ брался, много умѣнія, энергіи и такта въ устройство этого вечера. Была устроена кадриль въ которой участвовали мои три племянницы и молодая княжна Кантакузенъ, внучка Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго (Верховнаго главнокомандующаго въ русско-турецкую компанію, 1877—1878 г.). Затѣмъ ими же былъ исполненъ классическій менуэтъ подъ прелестную музыку Моцарта. Извѣстная своимъ умѣніемъ танцовать графиня Маріанна Зарнекау, дочь графини Палей, исполнила египетскій танецъ съ лейтенантомъ Владиміромъ Лазаревымъ. Баронесса Врангель и ея подруга m-selle Охотникова, сестра красивой графини Игнатьевой, нынѣ супруги генерала Половцова, танцовала имѣвшій огромный успѣхъ венгерскій танецъ, ея партнерами были графъ Романъ Потони и Жакъ десъ Лалайгъ. Князь Константинъ

Багратіонъ, зять Великаго князя Константина Константиновича, исполнялъ кавказскіе танцы, а княжна Кочубей и братъ ея Викторъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ и Григорій Шебеко — танцовали малороссійскую кадриль. Наконецъ Великая Княгиня Викторія Федоровна, супруга Великаго Князя Кирилла Владиміровича, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Борисомъ Владиміровичемъ, стала во главѣ восточной кадрили. Всѣхъ красивѣйшихъ, изящнѣйшихъ женщинъ Петербурга Великая Княгиня просила принять участіе въ этомъ танцѣ. Среди нихъ назову — княжну Ольгу Орлову, графиню Маю Кутузову, миссъ Муріель Бьюкенэнъ, княгиню Наталію Горчакову, мистриссъ Джасперъ Ридлей (дочь нашего посла въ Парижѣ графа Бенкендорфа) и мног. другихъ. Супруги Франсисъ де Круасе не могли быть, въ виду необходимости уѣхать въ Парижъ. Изъ мущинъ были: принцъ Александръ Батенбергскій, нѣсколько молодыхъ секретарей англійскаго поссольства, офицеры кавалергардскаго и конногвардейскаго полковъ, много красивой молодежи, нынѣ уже погибшей, то въ Карпатахъ, то на литовскахъ равнинахъ, то жертвой озвѣрѣвшихъ солдатъ.

Приглашеній на этотъ балъ очень доискивались. Я разослала болѣе 300 приглашеній — большее количество гостей не вмѣстилось бы въ моихъ залахъ — и, въ виду того, что по русскому обычаю каждый ждетъ ужина и каждый долженъ имѣть свое мѣсто, то въ этомъ смыслѣ и кухня моя не могла бы удовлетворитъ большее количество приглашенныхъ. Меня засыпали просьбами. Интересъ, возбужденный царской кадрилью, былъ чрезвычаенъ. Но, такъ какъ я, при всемъ моемъ желаніи, не была въ силахъ раздвинуть стѣны моего помѣщенія, я не могла удовлетво

рить желанія всѣхъ. Каждый, оставлявшій у меня свою визитную карточку, разсчитывалъ на приглашеніе и, не получивъ таковою, становился моимъ врагомъ. Кромѣ того по крайней мѣрѣ 100 человѣкъ просили черезъ знакомыхъ допустить ихъ, въ качествѣ зрителей, на лѣстницу, посмотрѣть царскую кадриль. Не хотѣли понимать, что это было для меня совершенно невозможнымъ и такая толпа людей нарушила бы красоту этого вечера.

Произошелъ случай, казавшійся тогда незначительнымъ, но имѣвшій для меня трагическія послѣдствія и едва не стоившій мнѣ жизни.

Каждый зналъ въ Петербургѣ Павла Владиміровича Родзянко, брата предсѣдателя государственной думы. Онъ былъ женатъ на княгинѣ Маріи Голицыной, умной и доброй женщинѣ, бывшей съ юности подругой моей, сестры моей и брата. У Родзянко было пять сыновей; одинъ изъ нихъ былъ морякъ, двое другихъ — талантливыми кавалерійскими генералами и оба младшихъ — офицерами; единственная дочь княгини Маруся Трубецкая была очень дружна съ моей второю дочерью. Этотъ Павелъ Родзянко былъ видный мущина, бывшій кавалергардъ, всегда находившійся навеселѣ. Онъ былъ извѣстенъ своими скандалами во всѣхъ ресторанахъ. Это былъ настоящій самодуръ. Онъ велъ процессъ съ своею женой, бывшей ему преданнѣйшей супругой, — процессъ имѣвшій денежную подкладку. Онъ публично оскорблялъ своихъ сыновей, рыцарски державшихъ сторону матери. Сыновья были совершенно беззащитны передъ нимъ и должны были молча переносить всѣ его оскорбленія. Наконецъ, судъ чести кавалергардскаго полка быть вынужденъ закрыть Павлу Родзянкѣ входъ въ военное собраніе. У него было также стол-

кновеніе съ павшимъ на войнѣ княземъ Багратіономъ. Багратіонъ вызвалъ Родзянко на дуэль и Родзянко попросилъ графа Фредерикса довести объ этомъ до свѣдѣнія Государя и получить отъ него разрѣшеніе на этотъ поединокъ. Графъ Фредериксъ, смѣясь, говорилъ намъ въ тотъ же день, что онъ сказалъ Родзянкѣ: «въ виду того, что, Вы лично вызваны на поединокъ, Вы должны самостоятельно рѣшить — какъ велитъ Вамъ ваша совѣсть въ данномъ случаѣ поступить. Но обращаться черезъ министра Двора съ офиціальной просьбой къ Царю — по меньшей мѣрѣ странно». И дуэль не состоялась.

Со всѣхъ сторонъ мнѣ сообщали, что Родзянко повсюду говоритъ, что онъ хочетъ воспользоваться моимъ костюмированнымъ баломъ для того, чтобы сыновья его принимали участіе въ кадрили, а также, чтобы имѣть возможность публично оскорбить Багратіона. При этихъ условіяхъ, зная что онъ способенъ на самыя невѣроятныя вещи, я рѣшила не допустить его на мой вечеръ, тѣмъ болѣе, что ко мнѣ взволнованно прибыла Олимпіада Андреевна, секретарь одного благотворительнаго учрежденія, и сообщила, что Родзянко въ то же утро, входя въ залъ комитета благотворительнаго общества имени Св. Сергія, членомъ котораго и я состояла, въ рѣзкихъ выраженіяхъ поклялся передъ всѣмъ комитетомъ, что онъ рано или поздно мнѣ отомститъ и заставитъ меня проливать кровавыя слезы, если я посмѣю его оскорбить, не приславъ ему приглашенія или вычеркнувъ его имя изъ списка приглашенныхъ.

Олимпіада Андреевна заплакала при мысли — что меня ожидаетъ, такъ какъ она была большого мнѣнія о сильныхъ связяхъ Родзянко. Въ тотъ же день, живущій въ

моемъ домѣ князь Куракинъ хлопоталъ у меня за Родзянко. Я объяснила ему причину моего отказа, и Куракинъ сказалъ мнѣ въ присутствіи своей жены: «берегитесь, онъ грозитъ Вамъ большимъ скандаломъ, если Вы его не пригласите.» — «Теперь или позже», отвѣтила я, «онъ мнѣ сдѣлаетъ скандалъ, но я предпочитаю его именно теперь не имѣть. Изъ двухъ золъ я выбираю наименьшее.» Вечеръ мой прошелъ безъ малѣйшихъ непріятностей. На слѣдующій день такой же балъ былъ повторенъ супругой Великаго Князя Владиміра Александровича, а нѣсколько дней спустя я покинула Петербургъ, уѣхала въ Римъ и не думала больше о Родзянко. Все это происходило въ послѣднихъ числахъ января 1914 года.

19-ое іюля 1914 г.

Вспыхнула война. Я находилась на моей дачѣ, на Островахъ, когда мой знакомый привелъ ко мнѣ корреспондента «Русскаго Слова», Руманова. Румановъ мнѣ сообщилъ, что Павелъ Родзянко уже въ теченіи 24-хъ часовъ телефонируетъ по редакціямъ всѣхъ газетъ, съ вопросомъ: «Вы тоже слыхали, что графиня Клейнмихель послала Императору Вильгельму, въ коробкѣ отъ шоколада, планъ мобилизаціи и что она была арестована и теперь уже повѣшена?»

Это, конечно дѣлалось съ цѣлью меня дискредитировать и Родзянко, не утверждая, а лишь вопрошая, совершенно не боялся привлеченія къ обвиненію въ клеветѣ.

Румановъ, доброжелательный и умный человѣкъ, счелъ своимъ долгомъ меня объ этомъ предупредить и предотвратить грозившую мнѣ опасность и вмѣстѣ со мною искалъ способа прекратить эту злостную клевету. А, вотъ она, месть Родзянки! Онъ выбралъ подходящій моментъ. Сознаюсь, я сразу не оцѣнила могущихъ изъ этого произойти послѣдствій, тѣмъ болѣе что у меня не было ни мужа, ни сына, ни брата, которые могли бы выступить на

мою защиту. Исторія съ пересылкой въ коробкѣ отъ шоколада казалась мнѣ смѣшной, такъ какъ я не знала психологіи массъ того времени, когда разумъ смолкъ и бушевали только страсти. Во время нашего разговора, раздавались непрерывные запросы по телефону: дома ли я? Друзья, знакомые, редакціи газетъ и совершенно незнакомые люди справлялись обо мнѣ. Эти слухи приняли такіе размѣры, что даже въ присутствіи одного англичанина, мистера Р. въ кругу его знакомыхъ одинъ жандармскій полковникъ разсказывалъ со всѣми подробностями, что онъ лично, въ качествѣ правительственнаго делегата, присутствовалъ на моей казни, а также и на казни генерала Драчевскаго (столь ненавидимаго и впутаннаго въ эту фантастическую исторію Родзянкой): «я долженъ», сказалъ этотъ жандармскій полковникъ, «отдать справедливость графинѣ Клейнмихель, что она очень храбро умирала, въ то время какъ Драчевскій дрожалъ отъ страха и молилъ о пощадѣ».

На слѣдующее утро объ этомъ сообщалось во многихъ газетахъ, и за утреннимъ кофе, я имѣла странное ощущеніе, читая подробности моего трагическаго конца и казни моего соучастника генерала Драчевскаго (котораго я почти не знала), обвиненнаго въ томъ, что онъ помогалъ мнѣ при упаковкѣ мобилизаціоннаго плана въ коробку отъ шоколада. Въ тотъ же день отправилась я въ Зимній Дворецъ, какъ и всѣ остальные и присутствовала когда Царь произносилъ передъ народомъ свою рѣчь по поводу объявленія войны. Площадь передъ Зимнимъ Дворцомъ была полна народа и когда царь появился на балконѣ вся толпа, опустилась на колѣни и запѣла: «Боже Царя храни!» Тѣ, кто это видѣли, никогда не забудутъ этой торжественной картины. Тогда казалось что Царь и народъ

слились въ нѣчто одно. И думали-ли что спустя 2 года эта же, казалось столь преданная Царю толпа, враждебной лавиной смететъ и монархію, и алтари, и самаго Царя со всей его семьей!

Проходя мимо меня, Государь взглянулъ на меня тѣмъ добрымъ взглядомъ, который онъ унаслѣдовалъ отъ своей матери и который многихъ очаровывалъ. и подалъ мнѣ руку. Итакъ — нельзя было уже сомнѣваться, что я жива и здорова. Случайно приблизилась я къ помощнику Фредерикса, генералу Максимовичу. Онъ бесѣдовалъ съ профессоромъ Раухфусомъ. Когда онъ меня увидѣлъ, онъ сдѣлалъ такое изумленное лицо, будто предъ нимъ стояло привидѣніе и сказалъ мнѣ: «профессоръ только что мнѣ разсказывалъ, что Васъ вчера повѣсили.» — На слѣдующіи день нѣсколько моихъ друзей меня пригласили къ Кюба, на обѣдъ, и я имѣла случай слышать собственными ушами, какъ не замѣтившій меня Родзянко, подойдя къ столу генерала Серебрякова, спросилъ: «слыхалъ-ли ты, что графиня Клейнмихель послала въ коробкѣ отъ шоколада планъ нашей мобилизаціи германскому Императору и вчера повѣшена?» Серебряковъ ему отвѣтилъ: «перестань молоть вздоръ», и повернулся къ нему спиной. Родзянко растерянно отъ него отошелъ. Когда онъ меня увидѣлъ въ кругу моихъ друзей, онъ измѣнился въ лицѣ и исчезъ изъ ресторана.

Если къ этимъ слухамъ въ Петербургѣ относились съ недовѣріемъ, то они, тѣмъ не менѣе, проникли заграницу въ самыя отдаленныя мѣста. Даже Шахъ Персидскій обратился съ телеграфнымъ запросомъ по этому поводу къ своему послу. Во всякомъ случаѣ, я не должна питать

никакой благодарности къ Родзянкѣ за то, что я на самомъ дѣлѣ осталась жива.

— Однажды лакей мнѣ доложилъ, что Павелъ Владиміровичъ Родзянко, передъ своимъ отъѣздомъ на войну, откуда онъ быть можетъ и не вернется, спрашиваетъ графиню Клейнмихель — когда она можетъ его принять. Очевидно, онъ убѣдился, что онъ игралъ смѣшную роль, хотѣлъ со мною объясниться и сдѣлать попытку къ примиренію. Я почти никогда не говорю по телефону, но на этотъ разъ я сама подошла къ аппарату и лично отвѣтила, что послѣ того, какъ меня повѣсили, я чувствую себя очень усталой, такой усталой, что боюсь что я никогда не буду въ состояніи отдохнуть настолько, чтобы имѣть честь принять у себя полковника Родзянко. Такъ окончилось это происшествіе, но въ немъ можно найти причину того, что чернь, въ началѣ революціи, хотѣла меня арестовать.

Павелъ Владиміровичъ Родзянко.

Я не могу не упомянуть о той роли, которую сыгралъ Павелъ Родзянко, немного спустя, въ взятіи нѣмцами островов Эзель и Даго. Онъ командовалъ дружиной въ Перновѣ, маленькомъ городѣ, находящемся на границѣ Эстляндіи и Лифляндіи. Въ виду того, что онъ горѣлъ нетерпѣніемъ быть увѣнчаннымъ военными лаврами, онъ принялъ потопленныя въ гавани, для закрытія доступа нѣмецкому флоту старыя барки, за нѣмецкій флотъ. Онъ встревожилъ весь спавшій городъ; солдаты его бросились грабить домъ предводителя дворянства, Барона фонъ Пилара, разбили его прекрасную коллекцію фарфора и уничтожили всю его прекрасную обстановку. Послѣ этого Родзянко приказалъ своимъ солдатамъ поджечь находившіеся въ Пилау большіе склады дровъ и затѣмъ побросать въ море огромное множество мѣшковъ съ солью, потеря которыхъ была затѣмъ очень чувствительной для нашей сѣверной арміи. Все это была сдѣлано подъ тѣмъ предлогомъ, чтобы ничего изъ всѣхъ запасовъ не попало въ руки непріятеля. Послѣ этого, какъ разумный начальникъ, онъ отступилъ отъ Пилау на 12 верстъ, предпочитая неравному бою — спасеніе своихъ людей. Съ разсвѣтомъ,

патрули его стали съ большой осторожностью приближаться къ городу, съ тѣмъ чтобы высмотрѣть непріятеля, но не нашли никого въ этомъ, разрушенномъ по приказу ихъ начальника, маленькомъ мирномъ городкѣ. Родзянко не думалъ скрывать своего поступка, а, наоборотъ, имѣлъ даже смѣлость телеграфировать своему брату, предсѣдателю Государственной Думы, что имъ одержана большая побѣда надъ нѣмцами. Михаилъ Родзянко съ довѣріемъ прочиталъ передъ членами думы это лживое сообщеніе своего брата, вызвавшее бурю апплодисментовъ.

Пріѣхавшіе въ тотъ же день изъ Ревеля и Пернау, описывали происшедшее въ его дѣйствительномъ видѣ, но столичныя газеты уже успѣли распространить радостную вѣсть о великой побѣдѣ и затѣмъ уже было невозможно освѣтить истину.

Должна сказать, что комендантъ порта въ Ревелѣ, адмиралъ Герасимовъ, былъ достаточно смѣлъ, чтобы выразить свое возмущеніе по поводу этой лжи, могущей принести вредъ русской арміи. Онъ издалъ приказъ, въ которомъ онъ категорически уличалъ Родзянко во лжи.

Съ Родзянко я никогда болѣе не встрѣчалась, знаю лишь, что онъ показывалъ моему знакомому графу де Е., какъ послѣдній мнѣ самъ разсказывалъ, — усыпанную алмазами саблю, подаренную ему, по его словамъ, Царемъ за одержанную имъ при Пилау побѣду. Не надо прибавлять, что Родзянко самъ пріобрѣлъ этотъ «знакъ отличія».

Генералъ Жилинскій.

Варшавскій генералъ-губернаторъ, генералъ Жилинскій, командовалъ въ началѣ войны арміей, которая должна была вести наступленіе на восточную Пруссію. По его словамъ, въ скоромъ времени послѣ объявленія войны, пришелъ къ нему генералъ Б, находившійся въ штабѣ генерала Реннекампфа. Онъ привезъ Жилинскому договоръ, заключенный между генераломъ Реннекампфомъ и поставщикомъ мяса для арміи, и просилъ генерала Жилинскаго этотъ договоръ подписать.

Генералъ Реннекампфъ давно уже пользовался дурной славой и его насилія въ Китаѣ и Манджуріи были давно всѣмъ извѣстны. Балтійскіе дворяне хотѣли его даже исключить изъ своего списка, но графъ Паленъ уговорилъ ихъ представителей этого не дѣлать, — не смотря на то, что и онъ самъ не питалъ къ Реннекампфу особаго уваженія — такъ какъ не слѣдуетъ изобличать во время войны хорошаго военноначальника.

Полковникъ X., командующій гусарскимъ полкомъ, разсказывалъ мнѣ, что генералъ Ренненкампфъ приказалъ, будучи въ Восточной Пруссіи, разграбить одинъ изъ находившихся тамъ дворцовъ и далъ приказъ

гусарскому полку послать къ нему восемь унтеръ-офицеровъ съ ящиками для упаковки вещей. Полковникъ X. потребовалъ письменнаго приказа у Ренненкампфа, чтобы обезпечить себя на будущее время отъ всевозможныхъ упрековъ. Послѣдствіемъ этого было то, что Ренненкампфъ лишилъ его командованія полкомъ.

Конецъ генерала Ренненкампфа былъ очень трагиченъ. Онъ былъ лишенъ своимъ прежнимъ покровителемъ, Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, своего поста и погибъ впослѣдствіи отъ руки убійцы.

Но вернемся къ генералу Жилинскому. Онъ былъ очень взволнованъ и колебался давать свою подпись, боясь послѣдствій. Онъ сказалъ генералу Б., чтобы онъ оставилъ у него, для разслѣдованія, эти документы. Но посланный сказалъ, что генералу Ренненкампфу важно получить эти документы, какъ можно скорѣе, обратно съ подписью Жилинскаго. «Но я не могу брать на себя отвѣтственность за такую большую сумму», возразилъ Жилинскій. Генералъ Б., волнуясь сказалъ, что Ренненкампфъ сочтетъ этотъ отказъ за личную обиду, и намекнулъ на то, что и Великій Князь Николай Николаевичъ будетъ недоволенъ. «Я былъ возмущенъ тономъ генерала», сказалъ мнѣ генералъ Жилинскій, «онъ меня покинулъ и въ его послѣднихъ словахъ звучала угроза по моему адресу. 24 часа спустя я, по телеграммѣ Великаго Князя Николая Николаевича, былъ смѣщенъ. Я передалъ командованіе другому лицу и уѣхалъ въ Петербургъ. Этотъ случай со мною нашумѣлъ и, какъ обыкновенно бываетъ, меня стали избѣгать, какъ впавшаго въ немилость. Единственный оставшійся по отношенію ко мнѣ любезнымъ и предупредительнымъ, былъ графъ Фредериксъ. Я про-

силъ черезъ него аудіэнціи у Государя. Когда Государь меня принялъ, онъ имѣлъ смущенный видъ. Я просилъ у него разрѣшенія доложить ему о происшедшемъ и развернулъ передъ нимъ контрактъ, который я не рѣшился подписать.

Государь сказалъ: «Вы поступили правильно, но я прошу Васъ имѣть терпѣніе. Въ настоящій моментъ все должно быть подчинено высшему командованію. Я не могу выступить противъ Великаго Князя Николая Николаевича, но, подождите немного, мы еще вмѣстѣ съ Вами послужимъ Россіи», съ этими словами Государь меня обнялъ. Я былъ и тронутъ и опечаленъ слабостью воли нашего Монарха. Я перенесъ тяжелую зиму. Былъ очень одинокъ, но когда Государь рѣшилъ принять на себя командованіе арміей и Николай Николаевичъ былъ посланъ на Кавказъ, я въ тотъ же день получилъ приказъ явиться въ ставку Государя, гдѣ я былъ имъ принятъ тепло и любезно. Онъ назначилъ меня своимъ представителемъ во французскій штабъ. — Я былъ принятъ во Франціи съ большимъ почетомъ, но, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, у меня произошло разногласіе съ генераломъ Жоффромъ, который позволилъ себѣ со мною, также какъ и съ англійскимъ генераломъ, говорить въ начальническомъ тонѣ, на что я ему замѣтилъ, чтобы онъ на забывалъ того, что я являюсь представителемъ русскаго Императора. Вскорѣ послѣ этого генералъ Жоффръ потребовалъ, чтобы я былъ отозванъ.

Бесѣды съ графомъ Фредериксомъ.

Когда я читала захватывающія описанія Пьера Жильяра, много грустныхъ воспоминаній проснулось во мнѣ. Я вспомнила длинные осенніе вечера 1918-го года, которые провела у графа Фредерикса. — Онъ страдалъ безсонницей и охотно разсказывалъ о всѣхъ событіяхъ своей тернистой жизни. — Графъ Фредериксъ, этотъ рыцарь безъ страха и упрека былъ однимъ изъ самыхъ честныхъ и преданныхъ слугъ Николая II; почему то многіе считали его недалекимъ человѣкомъ. Но чуткость его была настолько велика, что онъ сердцемъ своимъ воспринималъ то, что другіе съ трудомъ схватывали разумомъ. — Вспоминается мнѣ одинъ мало извѣстный случай. Какъ то, въ 1904 году я пошла въ гости къ Фредериксу, чтобы пообѣдать съ нимъ въ кругу его семьи. «Какъ я счастливъ», сказалъ мнѣ графъ, «что живу въ своемъ собственномъ домѣ, а не на казенной квартирѣ, ибо сегодня все равно я долженъ былъ бы покинуть ее, такъ какъ съ завтрашняго дня я не буду больше министромъ двора.» Послѣ этого онъ разсказалъ мнѣ, какъ Государь на просьбу одного изъ членовъ Императорской Фамиліи согласился, своими личными средствами принять участіе въ предпріятіи какого-то общества,

которое должно было получить большія концессіи въ Японіи на Ялу—Фредериксъ сказалъ Государю: «я узналъ, что дипломатическія сношенія между Россіей и Японіей весьма натянуты. Вѣроятно будетъ война. Нужно избѣжать того, чтобы кто-нибудь посмѣлъ сказать, что Ваше Величество лично заинтересованы финансовыми вопросами въ Японіи, и потому я позволяю себѣ умолять Васъ, отказаться отъ даннаго мнѣ приказанія». Государь смущенно отвѣтилъ ему: «я не могу измѣнить своему слову». На это Фредериксъ сказалъ: «а я, Ваше Величество, министръ Вашего двора и Вашъ вѣрный слуга, не подпишу документа, которымъ смогутъ воспользоваться Ваши недруги и потому я прошу Ваше Величество избавить меня отъ моихъ обязанностей».

Государь опустилъ голову и ничего не отвѣтилъ. Черезъ два дня послѣ этого я опять пришла къ Фредериксамъ. Графа не было дома, но графиня разсказала мнѣ, что мужъ ея остается на своемъ посту, т. к. Государь уступилъ. Но волненіе это такъ подѣйствовало на старика, что онъ взялъ мѣсячный отпускъ и уѣхалъ въ свое имѣніе Сиверское. Министерствомъ во время его отсутствія управлялъ его помощникъ, генералъ Максимовичъ. — По возвращеніи своемъ, графъ узналъ, что трудности всѣ были устранены. Кабинетъ оффиціально не вступалъ акціонеромъ въ общество эксплоатированія концессій на Ялу; однако, у Государя удалось добиться того, что онъ обѣщанную сумму потребовалъ для своихъ личныхъ расходовъ и деньги эти передалъ адмиралу Абаза и Безобразову, стоявшимъ во главѣ этого предпріятія. Случай этотъ впослѣдствіи пріобрѣлъ извѣстность, японская пресса и другія иностранныя газеты часто намекали на то, что одной изъ

причинъ войны было желаніе окружающихъ Государя разбогатѣть и что самъ Государь отчасти посвященъ былъ въ это дѣло. — Вспоминаю я также конецъ одного разговора между графомъ Фредериксомъ и генераломъ Татищевымъ (трагическая гибель котораго также описана Жильяромъ). Разговоръ этотъ я слышала во время своего короткаго пребыванія у Фредериксовъ въ ихъ прекрасномъ, теперь разрушенномъ имѣніи—Сиверскомъ. Татищевъ пріѣхалъ изъ Берлина, гдѣ онъ состоялъ при особѣ Императора Вильгельма. Этотъ постъ, бывшій какъ бы послѣднимъ слѣдомъ священнаго Союза, начавшагося въ 1813 году съ цѣлью тѣснѣе объединить династіи Романовыхъ, Гогенцоллерновъ и Габсбурговъ, казался аномаліей въ историческій моментъ полнаго измѣненія политическаго и умственнаго облика Европы. Осыпанный милостями Императора Вильгельма, избалованный дворомъ и городомъ Берлиномъ, Татищевъ лично не могъ жаловаться ни на что, но все нѣмецкое надоѣло ему и потому онъ говорилъ о германскомъ Императорѣ, о его женѣ и о всѣхъ лицахъ, съ которыми ему пришлось соприкасаться, враждебнымъ тономъ, и не старался скрывать этого. Мы были за столомъ, когда Фредериксъ, прослушавъ нѣсколько его злостныхъ анекдотовъ, сказалъ ему: «знаете, Татищевъ, то, что вы сейчасъ дѣлаете неблагородно. Вашъ постъ имѣлъ своей цѣлью сохраненіе добрыхъ отношеній между обоими Монархами. Прежде всего это былъ постъ посредническій. Теперь же Вы дѣлаете все, чтобы вооружить нашего Государя противъ его кузена, и создаете у Государя и у Государыни враждебное отношеніе, которое наоборотъ Вамъ бы слѣдовало умѣрить.» «Что дѣлать, Ваше Сіятельство, я всегда не любилъ нѣмцевъ». — «Въ такомъ случаѣ», сказалъ

Фредериксъ, «природная порядочность должна была бы Васъ заставить оставить столь мало вашимъ симпатіямъ соотвѣтствующій постъ!» Татищевъ закусилъ губу, но, какъ я убѣдилась впослѣдствіи, этотъ разговоръ его ни въ чемъ не убѣдилъ. Въ началѣ революціи бѣдная 82 лѣтняя графиня Фредериксъ была больна воспаленіемъ легкихъ. Банды солдатъ — кавалергардовъ того полка, которымъ командовалъ Фредериксъ, и для котораго онъ каждое лѣто устраивалъ въ своемъ замкѣ на Сиверской вечеръ, на которомъ какъ офицеры, такъ и солдаты были такъ хорошо приняты, а солдаты даже получали подарки, — банды этихъ солдатъ ворвались въ его домъ, съ тѣмъ, чтобы, какъ они говорили, поджечь жилище этого нѣмца-предателя, этого шпіона, продавшаго Россію. Нечастную графиню, закутавъ наскоро въ два одѣяла, вѣрный слуга перенесъ въ квартиру госпожи фонъ Гартманъ, урожденной княжны Бѣлосельской, подруги ея дочерей. Но госпожа Гартманъ, терроризированная солдатами и своею прислугой, не могла ея принять: она лежала парализованной въ постели.

Бѣдная Эмма Фредериксъ, сопровождавшая пѣшкомъ свою мать, рѣшилась, будучи сама слабой и больной, сопровождать и далѣе, въ англійскій госпиталь свою несомую на рукахъ, лакеемъ, больную мать. Когда они туда прибыли, главный врачъ велѣлъ положить больную на постель, въ пріемной, а самъ по телефону снесся съ своимъ посломъ. Сэръ Жоржъ Бьюкенэнъ сказалъ ему: «ни въ коемъ случаѣ не принимайте ни графиню Фредериксъ, ни кого-либо изъ членовъ ея семьи. Я не хочу имѣть дѣло ни съ кѣмъ, принадлежащимъ къ старому режиму». Но врачъ, высокопорядочный человѣкъ, настаивалъ на пріемѣ, говоря, что графиня находится въ такомъ тяже-

ломъ состоянiи, что отказъ въ прiемѣ ея и отправка обратно въ 20 градусный морозъ — было бы равносильнымъ убiйству. Посолъ отвѣтилъ: «никакихъ объясненiй, — я знаю, что говорю», и съ этими словами прервалъ разговоръ.

И бѣдная Эмма рѣшилась перенести свою дрожащую отъ холода мать къ своему учителю музыки, итальянцу Капри, принявшему ихъ съ большимъ радушiемъ. Оставивъ мать у него, Эмма тщетно искала какую-нибудь комнату для матери, но никто не хотѣлъ ихъ принимать. Каждый ихъ избѣгалъ, каждый дѣлалъ видъ, что онъ ихъ не знаетъ. Драгоцѣнности графини находились въ сейфѣ, у нея дома. Этотъ сейфъ былъ доставленъ въ Государственную Думу, вскрытъ тамъ, освидѣтельствованъ, но никогда не возвращенъ его владѣтельницѣ. Кто знаетъ какую политическую партiю обогатили эти бриллiанты и жемчуга графини Фредериксъ.

Когда Государь, по совѣту Государыни, рѣшилъ въ 1915 году взять на себя командованiе армiей, Фредериксъ имѣлъ смѣлость ему сказать: «умоляю, Ваше Величество, этого не дѣлать. Лавры, которыхъ Вы доискиваетесь, обратятся вскорѣ въ шипы.» — «Вы считаете меня, слѣдовательно, неспособнымъ,» спросилъ Государь обиженнымъ тономъ школьника, которому сказали, что онъ еще не настолько выросъ, чтобы понимать то или другое. «Скажу Вамъ откровенно, Ваше Величество, военное искусство надо долго изучать. Вы же командовали всего однимъ эскадрономъ гвардейскихъ гусаръ. Вы должны были взять на себя это командованiе при вступленiи на престолъ — но этого не достаточно для того, чтобы командовать армiями, особенно въ военное время.» «Вы забываете», воз-

разилъ Государь, «что я постоянно присутствовалъ на маневрахъ и, между прочимъ, при мнѣ будетъ постоянно находиться генералъ Рузскій, авторитетъ и военныя познанія котораго внѣ всякихъ сомнѣній.» — «Разрѣшите мнѣ какъ старому слугѣ Вашему» — сказалъ Фредериксъ, «снова Васъ умолять: не принимайте этотъ отвѣтственный постъ назначьте на него этого самаго генерала Рузскаго, или генерала Алексѣева или кого хотите. Не покидайте Петербурга, Вашей столицы. Не лишайте себя возможности критиковать другихъ и не ставьте себя въ положеніе критикуемаго. Какъ главнокомандующій Вы будете отвѣтственны за всѣ Ваши пораженія, а Богъ вѣдаетъ—что насъ ожидаетъ.» — «Меня любитъ народъ и армія», сказалъ Государь, «и я чувствую, что среди арміи я буду въ полной безопасности. Впрочемъ—мое рѣшеніе непоколебимо».

«Два часа спустя,» разсказывалъ мнѣ Фредериксъ, «я былъ призванъ къ Государынѣ. Она сказала мнѣ недовольнымъ тономъ: «Государь сообщилъ мнѣ свой разговоръ съ Вами. Къ чему было его волновать именно въ то время, когда онъ долженъ былъ собрать всю свою энергію, всѣ свои силы?» — «Я сказалъ ему то, что моя преданность и моя совѣсть заставили меня сказать. Я считаю его рѣшеніе быть командующимъ войсками унижающимъ его царское достоинство, его неприкосновенность.» — «Вы можетъ быть предпочли бы», продолжала Императрица, «чтобы Николай Николаевичъ и далѣе, по частямъ, забиралъ у него власть подъ тѣмъ предлогомъ, что это требованія главной квартиры, которымъ все должно быть подчинено. Великій Князь требуетъ, чтобы министры поѣхали въ Барановичи для совмѣстной съ нимъ работы. Онъ постепенно устраняетъ Императора отъ какой-бы то ни было власти

и министры, прекрасно это видя, часто отвѣчаютъ Государю на его приказы, — что они предварительно должны посовѣтоваться съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ. Такое положеніе — нестерпимо. Государь, въ дѣйствительности, устраненъ отъ дѣлъ и я вижу приближеніе того дня, когда Николай Николаевичъ займетъ его мѣсто». — «Но, вѣдь, я никогда не отсовѣтывалъ Государю удалить Николая Николаевича и назначить на его мѣсто кого-либо другаго, напримѣръ: «Алексѣева, Рузскаго, Брусилова». — «Вы, вѣдь, знаете,» возразила Императрица, «что при его характерѣ—это неисполнимо. Онъ, къ несчастью, боится своего дяди и не былъ бы въ силахъ бороться съ нимъ. Единственнымъ исходомъ для него является — взять на себя главное командованіе. Вѣрьте мнѣ, я все это хорошо обдумала и провела не одну безсонную ночь. Кромѣ того, разлука съ Государемъ для меня не легка. Если къ намъ отнесутся несочувственно въ обществѣ и въ средѣ высшаго командованія т. е. среди креатуръ Великаго Князя, то я положительно знаю, что солдаты и народъ будутъ на нашей сторонѣ.»

— Немного спустя графъ Фредериксъ узналъ, что Николай Николаевичъ и начальникъ его штаба, генералъ Янушкевичъ, внѣ себя отъ рѣшенія Государя, составили слѣдующій планъ: французскій военный агентъ, маркизъ де ла-Гишъ, очень преданный Великому Князю, убѣдилъ своихъ бельгійскихъ и англійскихъ коллегъ отправиться къ Сазонову и черезъ него передать протестъ отъ имени союзниковъ по поводу отозванія Николая Николаевича, выдающагося военноначальника, къ которому Франція, Англія, Бельгія и Италія преисполнены довѣрія. Мар-

кизъ де ла-Гишъ, предусмотрительно запасся на этотъ случай письмомъ Маршала Жоффра.

Графъ Фредериксъ поручилъ генералу, графу Ностицу доложить объ этомъ бельгійскому послу, графу де Бюссере, которому ничего по этому поводу не было извѣстно. Видно французскій и англійскій послы ставили его ни во что и не передали ему о происшедшемъ. Оскорбленный этимъ небрежнымъ отношеніемъ къ нему, онъ, тѣмъ не менѣе, обѣщалъ графу Ностицу свое содѣйствіе. Онъ объяснилъ бельгійскому генералу Рикелю, что совершенно невозможно препятствовать Монарху въ его желаніи командовать арміей, что нельзя обращаться съ русскимъ Царемъ, какъ съ вассалломъ, и что онъ, въ случаѣ, если Великій Князь не откажется отъ своего плана, вынужденъ будетъ телеграфировать королю Альберту о немедленномъ отозваніи имъ генерала Рикеля. Генералъ, будучи на сторонѣ Николая Николаевича, проявилъ нѣкоторое колебаніе и графъ Бюссере отправился къ Палеологу, послѣ чего Рикель долженъ былъ безпрекословно исполнить желаніе де Бюссере. Что касается англійскаго генерала, то, говорятъ, что онъ съ трудомъ присоединился къ этому дѣлу. Государь не простилъ этого поступка маркизу де ла-Гишу. Подъ тѣмъ предлогомъ, что этотъ штабъ офицеръ заслуживаетъ повышенія, государь устроилъ такъ, что три мѣсяца спустя маркизъ де ла Гишъ былъ отозванъ во Францію, гдѣ получилъ постъ бригаднаго командира. Его замѣстителемъ былъ, сыгравшій впослѣдствіи большую роль въ гибели адмирала Колчака, генералъ Жаненъ.

Когда бѣдному Фредериксу, послѣ его мытарствъ по лазаретамъ, не въ качествѣ больного, а въ качествѣ государственнаго преступника, было наконецъ разрѣшено вер-

нуться къ своей семьѣ, онъ намъ разсказалъ нѣсколько подробностей отреченія Николая II отъ престола. Онъ разсказывалъ, что Государь колебался и противился и, что подпись подъ отреченіемъ была у него вырвана насильно грубымъ обращеніемъ съ нимъ генерала Рузскаго, схватившаго его за руку и, держа свою руку на манифестѣ объ отреченіи, грубо ему повторявшаго: «подпишите, подпишите-же. Развѣ Вы не видите, что Вамъ ничего другого не остается дѣлать. Если Вы не подпишите — я не отвѣчаю за Вашу жизнь.» — «Я попробовалъ вмѣшаться» — разсказывалъ Фредериксъ, «но Рузскій мнѣ нагло замѣтилъ: я не съ Вами разговариваю. Вамъ больше нѣтъ здѣсь мѣста, Царь долженъ былъ бы давно окружить себя русскими людьми, а не остзейскими баронами». Государь былъ подавленъ и смущенно смотрѣлъ вокругъ... Затѣмъ Гучковъ и Шульгинъ пожелали остаться съ Царемъ наединѣ. Государь сдѣлалъ мнѣ знакъ удалиться. Когда, спустя часъ, меня позвали, Государь сказалъ мнѣ нерѣшительнымъ тономъ и, какъ всегда, потупивъ глаза: «Эти господа требуютъ, чтобы мы съ Вами были разлучены. Они утверждаютъ, что намъ опасно быть вмѣстѣ.»

«Опасно? но для кого, Ваше Величество? Если это опасно для Васъ, то я готовъ немедленно Васъ покинуть, если же — для меня, то умоляю Васъ разрѣшить мнѣ остаться съ Вами», и, объятый непосредственнымъ, глубокимъ сочувствіемъ, я схватилъ и поцѣловалъ его руку. «Опасность угрожаетъ мнѣ», тихо промолвилъ Императоръ. «Да хранитъ Богъ Ваше Величество», сказалъ я низко кланяясь.

«Давно была пора разстаться», воскликнулъ Рузскій.

«Мнѣ болѣе никогда не разрѣшили увидѣть Государя», прибавилъ Фредериксъ. Во время одной изъ продолжительныхъ бесѣдъ, которую я вела съ Фредериксомъ вмѣстѣ съ впослѣдствіи застрѣленнымъ Безакомъ бывшимъ постояннымъ посѣтителемъ несчастой семьи Фредерикса, о войнѣ и той роли, которую сыграли въ ней тѣ и другіе, онъ намъ разсказывалъ, что Николай II былъ сначала очень миролюбиво настроенъ, но постепенно сталъ поддаваться убѣжденіямъ Сухомлинова и Янушкевича въ грядущей блестящей славѣ и побѣдѣ. Николай Николаевичъ тоже въ этомъ смыслѣ склонялъ его къ войнѣ. Сазоновъ же далъ рѣшительный толчекъ, убѣдивъ его, что война съ Германіей является единственнымъ средствомъ спасти свою жизнь и сохранить наслѣднику тронъ.

«Когда графъ Пурталесъ пришелъ ко мнѣ и со слезами на глазахъ умолялъ меня еще разъ попытаться убѣдить Государя отмѣнить приказъ о мобилизаціи, я направился къ Императрицѣ и объяснилъ ей всю серьезность этого непоправимаго шага. «Вы правы», сказала она, «надо во что бы то ни стало предотвратить это страшное несчастіе. Впрочемъ, здѣсь вкралось нѣкоторое недоразумѣніе—мобилизація объявлена не противъ Германіи, а противъ Австріи. Государь говорилъ мнѣ объ этомъ нѣсколько разъ и Вильгельмъ либо плохо освѣдомленъ, либо прикидывается таковымъ.» Мы пошли вмѣстѣ къ Государю, у Него уже находился Сазоновъ. Я говорилъ съ полнымъ убѣжденіемъ, искренно и сердечно, какъ мнѣ диктовала моя глубокая симпатія къ Царю. Я умолялъ его не брать на себя эту огромную отвѣтственность передъ исторіей и предъ всѣмъ человѣчествомъ. Государыня меня поддер-

живала, говорила сначала по французски, затѣмъ—по англійски. Она думала, что я не понимаю этого языка, но я хорошо понялъ слѣдующую ея фразу: «Ники, ты называешь его часто, помѣшаннымъ старикомъ, но онъ вовсе не помѣшанный, — онъ преданъ тебѣ болѣе другихъ. Дай приказъ о демобилизаціи, сдѣлай это!» Государь задумался. Сазоновъ, повернувшись въ мою сторону, сказалъ: «а я имѣю храбрость взять на себя отвѣтственность за эту войну. Война эта неизбѣжна. Она сдѣлаетъ Россію еще сильнѣе и могущественнѣе. И Вы, министръ двора, которому подобаетъ соблюдать интересы Государя, Вы хотите, чтобы онъ подписалъ свой смертный приговоръ, оттого что Россія никогда не проститъ ему тѣхъ униженій, которыя Вы ему навязываете!» — Государь, до этой минуты колебавшійся казалось сразу предпринялъ какое-то рѣшеніе и приказалъ, прекративъ разговоръ съ Сазоновымъ и мною, призвать къ нему немедленно Сухомлинова и Великаго Князя Николая Николаевича.

На слѣдующій день была объявлена война!...

Семь мѣсяцевъ заключенія Государя въ Царскомъ Селѣ.

Долголѣтній оберъ-гофмаршалъ Императорскаго Двора, графъ Бенкендорфъ, умеръ въ 1921 году вблизи Ревеля въ Кварантенѣ. Перестало биться благородное сердце. Погибъ одинъ изъ рѣдкихъ, вѣрныхъ слугъ Монархіи!

Если когда-либо будетъ возстановленъ въ Россіи тронъ, будущему монарху будетъ недоставать такая опора, такой стражъ монархическихъ традицій, какимъ былъ покойный Бенкендорфъ, такъ какъ такіе люди все болѣе и болѣе исчезаютъ тамъ, гдѣ нѣкогда была Россія. Часто я себѣ задаю вопросъ: кѣмъ будетъ окруженъ этотъ неизвѣстный будущій монархъ? Наше поколѣніе исчезаетъ. Но я не думаю, чтобы приверженцы царскаго престола перестали существовать; мнѣ говорятъ: короли исчезнутъ. Они будутъ существовать, пока будетъ существовать міръ. Только Людовикъ XIV не былъ бы доволенъ нынѣшними царедворцами, — вмѣсто герцога Сенъ Симона, нынѣ, разбогатѣвшій купецъ, пріѣхавшій изъ за моря, почти негръ, но за то имѣющій деньги для того, чтобы давать обѣды у Ритца.

Когда я, въ концѣ 1918 года, покинула Петербургъ, я оставила тамъ графа Бенкендорфа больнымъ, онъ лежалъ

въ постели, съ опухшими отъ недоѣданія ногами, казалось, его глаза скоро закроются на вѣки. Съ тѣхъ поръ, какъ Государя перевели въ Тобольскъ, я видалась почти ежедневно съ Бенкендорфомъ. Мы жили по сосѣдству — я, въ моей маленькой квартирѣ у князя Лобанова, на углу Миллiонной и Мойки, (послѣ того, какъ у меня забрали мой домъ), Бенкендорфы же нѣсколько шаговъ дальше, въ домѣ Великаго Князя Николая Михайловича, гдѣ они наняли нѣсколько комнатъ. Ихъ очень преслѣдовали большевики, которые, подъ разными предлогами, почти каждую ночь производили у нихъ обыски,забирая рѣшительно все: стулья, диваны, одѣяла, бѣлье, платья и т. д. Каждый день встрѣчала меня графиня со слезами на глазахъ; графъ же держался спокойно, но, повидимому, страдалъ за жену. Онъ чувствовалъ, что онъ уже недолговѣченъ. Младшiй сынъ графини, князь Василiй Долгорукiй, былъ вмѣстѣ съ Царемъ отправленъ въ Сибирь. Второй сынъ, князь Александръ, морякъ, жилъ у своихъ родителей и былъ арестованъ, подобно тому, какъ и мы всѣ, одинъ за другимъ, — безъ всякаго повода, безъ предъявленiя какого бы то ни было обвиненiя. Шесть недѣль спустя онъ былъ освобожденъ, затѣмъ черезъ 8 дней, снова арестованъ и на этотъ разъ окончательно. Пока представители нейтральныхъ державъ находились еще въ Петербургѣ, графъ Бенкендорфъ могъ бы еще бѣжать, но его, быть можетъ, преувеличенное самолюбiе, не позволили ему этого сдѣлать, — онъ не хотѣлъ покидать Россiю въ то время, какъ сыновья его жены находились въ смертельной опасности. Онъ все надѣялся помочь одному изъ нихъ, находившемуся въ Петропавловской крѣпости,—помочь или самому умереть. Онъ часто приходилъ ко мнѣ, такъ какъ потреб-

ность въ обществѣ была у насъ велика. Желаніе сообщить новость, подѣлиться впечатлѣніями, забыть на мгновеніе муки голода, холода, отсутствіе освѣщенія, все это побуждало насъ, несмотря на затрудненія и опасность такихъ посѣщеній, ходить другъ къ другу — такъ велико было у насъ желаніе встрѣтиться и провести нѣсколько часовъ вмѣстѣ. Замученные голодомъ, изобрѣтали мы всевозможныя блюда, конечно не утолявшія голода, — мы дѣлали сухари изъ кофейной гущи, изъ картофельной шелухи, смѣшанной съ небольшимъ количествомъ муки съ пескомъ, дѣлали лепешки изъ тертыхъ бураковъ. Счастливы были тѣ, у кого имѣлось какао или черствый французскій военный сухарь, который надо было размягчать въ водѣ и дѣлать изъ него похлебку. Нейтральные и союзники дѣлали для насъ все, что могли и часто даже болѣе того. Я хочу здѣсь выразить свою благодарность итальянскому офицеру, графу Руджіэри, сыну генерала того же имени. Онъ въ тѣ тяжелые дни былъ братомъ для молодыхъ и сыномъ для старыхъ. Американскій генералъ Юдзонъ былъ нами тоже очень любимъ, мы очень цѣнили безпристрастность его сужденій, его умъ, его отзывчивость,

Когда военныя миссіи уѣхали, призракъ голода охватилъ насъ своими костлявыми объятьями, и наши муки стали невыносимыми! Голодъ мучилъ графа Бенкендорфа, привыкшаго много ѣсть, настолько, что онъ однажды, полумертвый, поднялся съ постели и притащился ко мнѣ, такъ какъ онъ слышалъ, что обѣщанный мнѣ Скавеніусомъ шоколадъ прибылъ утромъ изъ Даніи и что я угощу каждаго изъ моихъ гостей чашкой шоколаду.

Помню я этотъ вечеръ. Мы сидѣли за столомъ, на которамъ блисталъ, случайно не похищенный у меня канде-

лябрь въ стилѣ Людовика XII-го и стояло серебряное блюдо, съ необычайной роскошью — купленными за большія деньги рябчиками, привлекавшими жадные взоры присутствующихъ. Съ помощью бутылки пунша, преподнесенной мнѣ шведскимъ морскимъ атташе, капитаномъ Клаасеномъ, сдѣлала я напитокъ, состоявшій изъ небольшого количества пунша, воды и двухъ лимоновъ. Лимоны мнѣ достала моя прислуга и заплатила за нихъ такія деньги, на которыя можно было-бы пріобрѣсти какую-нибудь драгоцѣнность. Почти всѣ сидѣвшіе у меня тогда за столомъ умерли насильственной смертью. Треповъ, нѣкогда глава консерваторовъ — былъ застрѣленъ, Бутурлинъ — застрѣленъ, послѣдній кіевскій губернаторъ Суковкинъ — застрѣленъ, убитъ былъ также нашъ другъ, умный, высокообразованный человѣкъ — Николай Безакъ. Святлѣйшій князь Мингрельскій умеръ при ужасныхъ условіяхъ, въ тюрьмѣ; гофмаршалъ Великаго Князя Кирилла, Константинъ Гартунгъ, скончался также въ тюрьмѣ; послѣдній рижскій губернаторъ Звегинцевъ умеръ въ ссылкѣ.

Сестрѣ моей удалось бѣжать годомъ ранѣе меня. Скавеніусы, сдѣлавшіе намъ столько добра, и генералъ Брандштремъ, которому я обязана моей жизнью и свободой, были вмѣстѣ съ вышеупомянутыми, постоянно съ нами.

Часто, очень часто проводила я вечера у Бенкендорфовъ и они мнѣ не разъ подтверждали то, о чемъ мнѣ говорилъ Фредериксъ, котораго я также часто видала. Фредериксъ долженъ былъ въ день отреченія, покинуть Государя. Бенкендорфъ и его жена раздѣляли съ Ихъ Величествами ихъ арестъ въ Царскомъ Селѣ до ихъ перевода въ Тобольскъ. Страдая вмѣстѣ съ ними, они были свидѣте-

лями ихъ «Голгоѳы». Всегда ровный, безпристрастный, графъ Бенкендорфъ держался всегда спокойно.

Въ его сообщеніяхъ просвѣчивало менѣе теплоты и симпатіи, чѣмъ въ сообщеніяхъ Фредерикса; въ нихъ не замѣчалось нѣжности старика къ ребенку, но за то они отличались безпристрастной обрисовкой личностей Царя и Царицы. Онъ говорилъ о томъ, какъ Николай II покорился своей судьбѣ во время своего ареста, какъ терпѣливо онъ переносилъ всѣ униженія, даже ругань, какъ онъ продолжалъ любить свой народъ, котораго онъ не считалъ ни за что отвѣтственнымъ и которому онъ до конца прощалъ все происшедшее съ нимъ. Въ теченіе семи мѣсяцовъ — ни одной минуты гнѣва или жалобъ! Вѣжливый со своими тюремщиками, благодарный намъ, собственно лишь исполнявшимъ нашъ долгъ, онъ ни разу не обмолвился словомъ упрека по адресу покинувшихъ его! Иногда можно было подумать, что онъ не отдаетъ себѣ яснаго отчета въ своемъ положеніи — такъ какъ невозможно было понять то христіанское совершенство, которое онъ достигъ съ того дня, какъ онъ долженъ былъ отказаться отъ жизненныхъ благъ. Государыня была менѣе симпатичной, но держалась холодно, молчаливо и съ большимъ достоинствомъ. Она старалась скрывать свои чувства, но видно было, что въ ней бушевала гроза. Приведу примѣръ: однажды одинъ гвардейскій офицеръ, стараго режима, находился со своимъ отрядомъ, во дворцѣ, въ караулѣ. Каждое утро, при смѣнѣ караула, Царская семья должна была собираться въ одномъ изъ залъ и подвергатся тщательному осмотру. Государя называли просто: полковникъ Романовъ, государыню — Александра Ѳеодоровна, жена полковника Романова. Послѣ осмотра Государь подходилъ къ

офицерамъ, частью недостойнымъ предателямъ, частью же попавшимъ противъ ихъ воли въ эти тягостныя условія, — любезно подавалъ имъ руку, разспрашивалъ объ ихъ службѣ, и приглашалъ ихъ къ обѣду.

Однажды въ караулѣ находился молодой полковникъ гвардейскаго Стрѣлковаго полка, бывшаго особенно любимымъ нашимъ монархомъ. Послѣ обѣда, во время котораго этотъ молодой человѣкъ держалъ себя враждебно — сухо Государь подалъ ему руку. Молодой полковникъ не принялъ протянутой руки.

«За что?» съ дрожью въ голосѣ спросилъ Императоръ и покраснѣлъ. «Мои возрѣнія, полковникъ, не соотвѣтствуютъ Вашимъ», сухо отвѣтилъ тотъ. Императрица, сжавъ губы сказала Государю: «Какъ часто я тебѣ говорила, что не слѣдуетъ подавать руки. Ты видишь — я была права». Съ этихъ поръ Николай II пересталъ подавать руку офицерамъ. Онъ бесѣдовалъ только съ тѣми, кого онъ ранѣе зналъ и въ которыхъ не сомнѣвался. Комендантомъ въ Царскомъ Селѣ былъ уланскій ротмистръ имени Ея Величества полка — Коцебу. Когда Гучковъ былъ назначенъ военнымъ министромъ, онъ взялъ Коцебу къ себѣ, въ качествѣ адъютанта. Это былъ свѣтскій, воспитанный человѣкъ, который какъ я могу засвидѣтельствовать, дѣлалъ все отъ него зависящее, чтобы облегчить положеніе Царской Семьи. Онъ высказывалъ постоянно свое глубокое почтеніе передъ Императоромъ, котораго, не смотря на запрещеніе, онъ называлъ: Ваше Величество. Коцебу былъ прекраснымъ музыкантомъ, принималъ участіе во всѣхъ нашихъ маленькихъ музыкальныхъ собраніяхъ, устраиваемыхъ у впослѣдствіи подвергшейся аресту, Нарышкиной. На этихъ

собраніяхъ всегда присутствовалъ Государь съ Великими Княжнами; Императрица, часто болѣвшая, бывала рѣдко но, иногда, играла съ Коцебу въ четыре руки.

Коцебу часто приносилъ книги, конфекты, фрукты. Но Керенскій, узнавшій объ этомъ, замѣнилъ его вскорѣ другимъ офицеромъ, и нѣсколько дней спустя бѣдный Коцебу былъ арестованъ и долженъ былъ за свое человѣческое отношеніе заплатить долговременнымъ сидѣніемъ въ тюрьмѣ.

«Во дворцѣ былъ введенъ строгій режимъ,» продолжалъ Бенкендорфъ. «Наши прогулки по парку были намъ разрѣшены на очень небольшомъ пространствѣ. Особенно тяжело было для заключенныхъ то, что для ихъ прогулокъ былъ назначенъ преимущественно дворъ, выходящій на улицу, такъ что всѣ проходившіе могли видѣть царскую семью изъ за рѣшетки забора и воротъ. Число любопытствующихъ было огромно, особенно по воскресеніямъ и праздникамъ, когда поѣзда привозили изъ Петербурга и окрестностей массу людей. Стража показывала заключенныхъ, за деньги народу. Царская семья была обречена на выслушиваніе часами фанатическихъ, полныхъ ненависти замѣчаній, разжигаемаго пропагандой, плебса. Дома заключенныхъ ожидали другія мученія. Когда Великія Княжны или Государыня приближались къ окнамъ, стража позволяла себѣ на ихъ глазахъ держать себя неприлично, вызывая этимъ смѣхъ своихъ товарищей.

Докторъ Боткинъ обратился къ князю Долгорукому съ просьбой держать наготовѣ лодку маленькой флотиліи, стоявшей на большомъ озерѣ въ паркѣ дворца, на тотъ случай, если бы любившіе грести Наслѣдникъ и Его Сестры, захотѣли покататься по озеру. Но такая прогулка

была ими совершена только одинъ разъ: на слѣдующій день лодка была до того загажена и покрыта неприличными надписями, что ею нельзя было больше пользоваться. И это совершили матросы Императорской яхты «Штандартъ», на которой совершала свои прогулки Императорская семья, такъ ихъ баловавшая.

Прошли мѣсяцы, — мѣсяцы страха, въ теченіе которыхъ мы были совершенно отрѣзаны отъ внѣшняго міра и черпали свѣдѣнія лишь изъ революціонныхъ правительственныхъ листковъ. М-ме Нарышкина, оберъ-гофмейстерина двора, не выдержавъ однообразія нашей жизни, заболѣла и просила разрѣшенія уѣхать къ себѣ домой, лечиться, что ей и было разрѣшено. Ея сынъ, товарищъ дѣтства, а затѣмъ первый адъютантъ Николая II, въ первые же дни революціи подалъ въ отставку, что сдѣлали и многіе другіе. Большинство же бывшихъ царедворцевъ разбѣжалось, какъ крысы съ парохода.

Самое замѣчательное происшествіе, которое надо отмѣтить, былъ визитъ Керенскаго въ Царское Село. Керенскій пріѣхалъ въ царскомъ поѣздѣ окруженный блестящимъ штабомъ. Великолѣпный автомобиль, выписанный Государемъ до войны изъ Англіи, ожидалъ Керенскаго на вокзалѣ и доставилъ его во дворецъ. Его визитъ имѣлъ цѣлью убѣдиться лично — всѣ ли мѣры приняты къ воспрепятствію побѣга Царя и его семьи. Маленькій, захолустный адвокатъ, одѣвавшійся ранѣе фабричнымъ рабочимъ и носившій кожанную куртку на плохо вымытой сорочкѣ, былъ теперь одѣтъ въ англійскую форму, носилъ френчъ, сшитый у первокласснаго портного, а на ногахъ— сапоги изъ желтой кожи, со шпорами. Онъ держалъ себя важно, вызывающе и надменно. Прежде всего онъ осмо-

трѣлъ охрану, обошелъ залы дворца и крикнулъ солдатамъ: «слѣдите зорко, товарищи, слѣдите зорко!» Затѣмъ повернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ повелительнымъ тономъ: «скажите полковнику Романову, что я здѣсь и хочу его видѣть.» Государь просилъ его войти. Керенскій первый протянулъ ему руку. Императоръ держался спокойно, съ достоинствомъ и ничто не выдавало состоянія его духа. — Керенскій сдѣлалъ мнѣ знакъ удалиться. Я сдѣлалъ видъ будто не вижу этого и обратилъ свои взоры на Царя, ожидая его приказанія . . . «Оставьте меня одного съ Александромъ Ѳедоровичемъ», сказалъ онъ спокойно. Полъ часа спустя Государь приказалъ своему камердинеру меня позвать. «Александръ Ѳедоровичъ хочетъ видѣть Императрицу. Не будете ли Вы такъ любезны его проводить.» Я поклонился и послѣдовалъ за Керенскимъ, который шелъ впереди меня. Обернувшись ко мнѣ, онъ сказалъ: «Да, я желаю увидѣть Александру Ѳеодоровну, такъ какъ ея личность, о которой такъ много говорятъ, меня интересуетъ. Я хочу съ ней поговорить наединѣ. Я ее никогда ранѣе не видалъ». Я ему ничего не отвѣтилъ и велѣлъ доложить о немъ Государынѣ. «Пусть войдетъ, вѣдь эта чаша меня не минуетъ», былъ ея отвѣтъ на переданное мною требованіе Керенскаго. Онъ оставался около часа у Государыни. Когда онъ вышелъ, я обратилъ вниманіе на происшедшую у него перемѣну въ выраженіи лица. Его взглядъ сталъ мягче и вся его осанка стала менѣе театральной: «Я ее себѣ представлялъ совершенно другой», сказалъ онъ, «она очень симпатична и, повидимому, примѣрная мать. Какое достоинство, какая сила воли, какой разумъ! И какъ она хороша.» Затѣмъ онъ снова вернулся къ Государю, у котораго пробылъ еще четверть часа. Послѣ его отъѣзда, къ

моему искреннему изумленію, Государь сказалъ мнѣ и Долгорукому, довольнымъ тономъ: «Вы знаете — Царица произвела на Керенскаго прекрасное впѣчатлѣніе. Онъ нѣсколько разъ мнѣ повторилъ: «какая она у Васъ умная!»

«Не стану отъ васъ скрывать,» продолжалъ Бенкендорфъ, «на меня произвело непріятное впечатлѣніе, что Царь былъ доволенъ по поводу похвалы Керенскимъ его супруги. Не знаю, что Государыня разсказывала Государю по поводу этого разговора, — въ нашемъ присутствіи она никогда не говорила объ этомъ посѣщеніи.»

Николай II много читалъ, чаще всего книги о французской революціи. Онъ былъ мало знакомъ съ этой эпохой и увлекся исторіей жирондистовъ Ламартина. Онъ неоднократню пробовалъ читать изъ этой книги Государынѣ, но нервы ея были въ такомъ состояніи, что разсказы о Маріи Антуанетѣ, судьбу которой она впослѣдствіи раздѣлила, ей было не въ моготу слушать. Изъ этой книги Царь черпалъ силы подчиниться безропотно волѣ Божьей. Онъ сравнивалъ свою жизнь съ жизнью Людовика XVI и находилъ, что онъ менѣе несчастенъ, чѣмъ этотъ французскій король, такъ какъ при немъ оставили его семью.

Когда, послѣ посѣщенія Керенскимъ, временное правительство ограничило царскій обѣдъ, состоявшій изъ пяти блюдъ, тремя и Великія Княжны стали выражать неудовольствіе по этому поводу, Государь прочиталъ имъ мѣста изъ жизни французскаго монарха и сказалъ: «дѣти, не жалуйтесь, могло бы быть еще хуже.».

Въ Августѣ Керенскій снова пріѣхалъ въ Царское Село. Онъ направился прямо въ комнату Императора и сообщилъ ему, что временное правительство рѣшило, для ихъ безопасности, перевести его со всей семьей, въ другое

мѣсто, и что отъѣздъ долженъ немедленно послѣдовать. «Куда повезутъ насъ?» спросилъ Государь. «Вы это въ пути узнаете», отвѣтилъ Керенскій. Николай II обладалъ непоколебимымъ оптимизмомъ и, такъ какъ тонъ Керенскаго показался ему дружественнымъ, то онъ былъ увѣренъ, что ихъ повезутъ въ Крымъ, что ему было очень желательно. Керенскій далъ намъ всѣмъ очень мало времени для упаковки вещей и вообще, для дорожныхъ приготовленій. Я, конечно, рѣшилъ сопутствовать Государю, но онъ сказалъ мнѣ съ своей природной добротой и чуткостью: «не можетъ быть, конечно, и рѣчи о томъ, чтобы Вы съ нами ѣхали, мой милый Бенкендорфъ. Ваша жена слишкомъ больна и Вы не можете ее оставить. Я возьму съ собой вашего пасынка — князя Василія Долгорукова, генерала Татищева, доктора Боткина и M-er Жиллара. Для начала будетъ достаточно. Когда супруга ваша поправиться Вы, конечно, можете къ намъ пріѣхать.»

Волненіе прислуги было велико. Я долженъ замѣтить, что оставшіеся при царской семьѣ слуги были ей очень преданны и никто изъ нихъ не отказывался слѣдовать за Императоромъ и его семьей. Другіе же слуги вели себя недостойно и подъ предлогомъ любви къ отечеству и либеральнымъ идеямъ, они покинули свою службу у Императора.

Часъ отъѣзда былъ назначенъ Керенскимъ — на 3 ч. утра. Съ 1/2 3-го были всѣ уже въ сборѣ въ залѣ дворца, гдѣ священникъ совершалъ молебенъ. Бѣдные дѣти особенно радовались предстоящей перемѣнѣ. Наслѣдникъ былъ очень оживленъ и шаловливъ. Всѣ были убѣждены, что цѣль ихъ поѣздки — Ливадія въ Крыму.

Пробило 3 часа. Прошло затѣмъ четверть часа, затѣмъ полчаса, три четверти, часъ. Керенскій не появлялся. Наконецъ Государь послалъ офицера разыскать диктатора, находившагося все это время во дворцѣ. Офицеръ вернулся и сообщилъ, что диктаторъ спитъ и никто не имѣетъ права его будить. Всѣ были давно готовы. Государь былъ уже въ фуражкѣ, въ перчаткахъ. Нетерпѣніе и нервность возрастали и мы всѣ глубоко чувствовали то униженіе, которое выпало на долю того, кто еще вчера былъ всесильнымъ властителемъ. Наконецъ, послѣ того, какъ мы прождали два часа, появился Керенскій—свѣжій, отдохнувшій. Онъ не сказалъ ни слова въ извиненіе, и лишь произнесъ, будто желая этимъ сдѣлать всѣмъ удовольствіе: «Я прекрасно выспался. Теперь можемъ ѣхать.»

Въ рукахъ такого человѣка находилась судьба Россіи!

Мое заключеніе.

Власть все болѣе и болѣе лѣвѣла. Родзянко пересталъ быть народнымъ божествомъ; народный трибунъ Керенскій сталъ диктаторомъ.

Однажды, послѣ завтрака, у меня въ квартирѣ, появилось 33 матроса, съ державшимся пассивно, дрожащимъ морскимъ офицеромъ. Они пришли меня арестовать. Начальникомъ ихъ былъ — студентъ. На этотъ разъ они мнѣ предъявили приказъ, подписанный совѣтомъ рабочихъ и солдатскихъ депутатовъ. Гостившая у меня сестра моя не знала ,когда мы вновь увидимся, была очень огорчена разлукой со мной. «За что вы меня арестовали» спросила «я какое обвиненіе вы мнѣ предъявляете?» «Вы — врагъ народа», послѣдовало въ отвѣтъ. Бывшій при этомъ матросъ, унтеръ-офицеръ сказалъ мнѣ грубо: «мы требуемъ, чтобы Вы насъ кормили и платили намъ за охрану по три рубля въ день. Это мы получаемъ отъ всѣхъ иностранныхъ посольствъ.» «Господинъ офицеръ», обратилась я къ лейтенанту, «объясните вашимъ людямъ, что въ данномъ случаѣ они этого не могутъ требовать — я васъ не приглашала. Вы исполняете вашу, очень для меня тягостную, обязанность, и я не обязана ни кормить Васъ, ни

платить вамъ.»—«Я совѣтую Вамъ, для вашей безопасности, исполнить ихъ требованіе», сказалъ онъ мнѣ тихо, и пошелъ за студентомъ, раставлявшимъ караулы. Вмѣстѣ со мною была арестована вся моя прислуга. Дочь моей экономки, служившая въ банкѣ, находившаяся тогда въ гостяхъ у своей матери, несмотря на всѣ ея просьбы была арестована и когда ее освободили, она потеряла свое мѣсто. Моя секретарша, англичанка, Миссъ Плинке, не захотѣла меня покидать, и ея присутствіе, спокойствіе, самопожертвованіе мнѣ очень облегчали гнетъ этихъ долгихъ мучительныхъ дней.

Намъ объяснили, что мы всѣ находимся подъ тайнымъ арестомъ и ни съ кѣмъ сноситься не имѣемъ права. Мнѣ разрѣшалось писать только министру юстиціи Бессарабову и предсѣдателю совѣта солдатскихъ депутатовъ; письма эти просматривались каждый разъ дежурнымъ матросомъ и это было смѣшно, такъ какъ эти господа были безграмотны и читать не умѣли.

«Снимите телефонный аппаратъ, находящійся въ спальнѣ графини: каждое утро она по телефону предаетъ Россію, ведя переговоры съ нѣмецкимъ посломъ и съ Вильгельмомъ», крикнулъ студентъ. Велико было удивленіе, когда моя прислуга объяснила, что не только у кровати графини, но и во всемъ этажѣ нѣтъ телефоннаго аппарата и что графиня, въ молодости которой еще не существовали телефоны, никакъ не могла къ нимъ привыкнуть и никогда лично не пользовалась ими но, когда надо было вести тайные политическіе разговоры, она поручала говорить по телефону своему швейцару и слугамъ. На второй день моего ареста матросы вошли въ мою комнату, когда я еще лежала въ постели и унтеръ-офицеръ сообщилъ мнѣ,

что онъ слыхалъ, что я хорошо играю на билліардѣ и потребовалъ чтобы я встала и съ каждымъ изъ нихъ сыграла по партіи. (Ввиду того, что я, вслѣдствіи бронхита, должна была много мѣсяцевъ сидѣть дома, врачъ предписалъ мнѣ, какъ гимнастику, игру на билліардѣ и я научилась довольно хорошо играть). Я отвѣтила матросу: «Вы привыкли къ выборамъ, соберитесь въ корридорѣ и выберите трехъ делегатовъ. Съ ними я сыграю три партіи, а не тридцать три». Эта мысль имъ понравилась. Цѣлый часъ они совѣщались и все не приходили къ рѣшенію. Наконецъ были выбраны трое изъ нихъ. За это время я успѣла одѣться и мы пошли въ библіотеку, гдѣ я сыграла съ ними три партіи на билліардѣ и всѣ три выиграла. «На сегодня довольно», сказала я. «Завтра я буду играть съ охраной, которая васъ смѣнитъ». Въ сущности я была довольна, продѣлавъ полезный для меня моціонъ. Но эта игра на билліардѣ не могла болѣе продолжаться, такъ какъ уходя, «представители флота» украли всѣ билліардные шары.

Дни тянулись. Томила полная неизвѣстность. Я получала газеты, въ которыхъ мнѣ часто попадались враждебныя статьи по моему адресу. Печать продолжала возбуждать противъ меня народныя страсти, приписывая мнѣ всевозможныя преступленія. Матросы смѣнялись ежедневно. Они были часто пьяны, но не такъ отъ алкоголя, какъ отъ сознанія своей свободы и важности возложенной на нихъ обязанности. Ихъ отношеніе ко мнѣ было очень неодинаково: были между ними спокойные люди, ничего не понимавшіе изъ того, что вокругъ нихъ происходило; эти проводили всѣ дни за разсматриваніемъ моихъ картинъ, слушаніемъ граммофона и пѣньемъ; они также просили меня рисовать съ нихъ портреты, говоря;

что они ихъ отошлютъ домой, въ деревню. Имъ очень нравилась ихъ спокойная, уютная жизнь у меня. Иногда я имъ говорила, что стыдно, когда 33 огромныхъ молодца охраняютъ меня старую, 70-ти лѣтнюю женщину, въ то время какъ они теперь такъ нужны для полевыхъ работъ. «Старуха права» сказалъ кто-то изъ нихъ. «Тебя не спрашиваютъ», крикнулъ на него унтеръ-офицеръ, «если насъ здѣсь такъ много, то видно совѣтъ рабочихъ депутатовъ считаетъ ее очень опасной».

Иногда они просили, чтобы я показала имъ свои руки, которыя они разсматривали, трогали, спокойно обсуждая въ моемъ присутствіи, могла ли я такими руками стрѣлять изъ пулемета по народу, и приходили къ заключенію, что это невозможно. Между ними нашелся и такой смѣлый, который выразилъ свое сомнѣніе въ томъ, могъ-ли видѣть Императоръ Вильгельмъ тѣ знаки, которые я ему подавала съ крыши моего дома.

Слѣдующій примѣръ характеризуетъ ихъ психологію. Однажды я спросила молодого матроса, съ добродушнымъ симпатичнымъ лицомъ, знаетъ-ли онъ лейтенанта Воронова. «Воронова», воскликнулъ онъ и лицо его радостно засіяло, «еще-бы, вѣдь, онъ былъ моимъ начальникомъ на Императорской яхтѣ. Мы его очень любили. Не правда ли?» обратился онъ съ вопросомъ къ своимъ товарищамъ. «Конечно онъ былъ хорошимъ офицеромъ и хорошимъ начальникомъ», подтвердили они, «и мы были счастливы, когда мы узнали, что онъ еще до революціи отпросился въ отпускъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ мы должны были-бы его убить наравнѣ съ другими». — «Какъ», воскликнула я, «его убить? Вы же говорите, что онъ былъ хорошимъ офицеромъ и вы

всѣ его любили»? — «Ну, да, мы его очень любили, но все таки мы бы его убили: онъ значился въ спискѣ. Было рѣшено. Мы не могли-бы иначе поступить». Симпатичный матросъ мнѣ сталъ разсказывать, — и лицо его приняло при этомъ жестокое выраженіе, — что существуютъ двѣ категоріи офицеровъ, — такіе, которыхъ просто убиваютъ и такіе, которымъ передъ тѣмъ, какъ ихъ убить, отрѣзываютъ носы». — «Какой ужасъ!», воскликнула я, «но почему?» «Это имѣетъ свое основаніе: были офицеры, которые во время учебной стрѣльбы имѣли привычку запускать палецъ въ дуло ружья и затѣмъ держать его у нашего носа и, если на пальцѣ оказывались слѣды сажи, насъ наказывали. Именно у такихъ офицеровъ было рѣшено отрѣзывать носы.» — «Значитъ вы чувствовали себя настолько обиженными, что вы рѣшились мстить такимъ страшнымъ способомъ?» — «Нѣтъ», отвѣтилъ онъ просто, «тогда это никого не обижало объ этомъ и не думали. Но, послѣ», продолжалъ онъ, принявъ гордую осанку, «мы поняли, что это — было оскорбленіемъ нашего человѣческаго достоинства». — «Да, да», подхватили матросы, «оскорбленіемъ человѣческаго достоинства». Они произнесли это, какъ заученный урокъ.

Нашли, что 33-хъ человѣкъ не достаточно для охраны моей личности, къ нимъ прибавили еще 15 солдатъ Волынскаго полка. Волынскій полкъ одинъ изъ первыхъ, подъ предводительствомъ вольноопредѣляющагося Кирпичникова, сталъ заниматься грабежами. Этотъ Кирпичниковъ убилъ выстрѣломъ изъ револьвера командира полка, не пожелавшаго перейти на сторону возставшихъ — за этотъ геройскій поступокъ Керенскій наградилъ его георгіевскимъ крестомъ.

Матросы были недовольны вновь пришедшими и обѣ стороны вступили въ пререканія, перешедшія въ драку. Нѣкоторое время спустя была ими установлена нейтральная зона, которой служила моя спальня. Солдаты Волынскаго полка были значительно менѣе культурны, чѣмъ матросы, это были настоящія — животныя. Они устроили на лѣстницѣ призовую стрѣльбу въ цѣль, причемъ цѣлью избрали историческіе портреты членовъ семьи Романовыхъ. Они втыкали въ глаза портрета Императрицы Елисаветы горящіе окурки и вырѣзали носъ на портретѣ Екатерины Великой. Они уничтожили портретъ, прекрасной работы Штейбена, Императора Николая I, который онъ подарилъ моему тестю и, вообще, разрушили все, что возможно. Ночью наше положеніе — между арміей справа и флотомъ слѣва — было довольно критическимъ. Я обыкновенно запиралась на ключъ въ своей комнатѣ вмѣстѣ съ миссъ Плинке и двумя горничными, и устраивала у дверей баррикаду изъ стульевъ и столовъ. Мы то тушили, то вновь зажигали электричество; мы слыхали крадущіеся шаги, шепчущіе голоса, глухой стукъ ружейныхъ прикладовъ о замокъ нашей двери — и думали, что настаетъ нашъ послѣдній часъ. Окно во дворъ было широко открыто и мы рѣшили всѣ выброситься изъ него, если-бы эти люди ворвались въ нашу комнату. Я имѣла при себѣ на этотъ крайній случай ядъ. Этотъ ядъ являлся для меня жизненнымъ элексиромъ, такъ какъ онъ мнѣ давалъ спокойное сознаніе того, что я во всякое время могу избѣгнуть тѣхъ страданій, которыя выпали многимъ на долю и привели ихъ къ гибели.

Однажды, ночью, мое сердце все таки не выдержало всѣхъ этихъ волненій и я получила тяжелый припадокъ

angina pectorius, такъ что даже матросы испугались. Унтеръ-офицеръ телефонировалъ министру юстиціи Переверзеву и тотъ мнѣ прислалъ врача.

Во время моего заключенія я писала Керенскому и просила его объ одномъ: судить меня, поставить меня передъ трибуналомъ или слѣдователемъ, дабы я могла оправдаться и отвѣтить на всѣ предъявленныя мнѣ обвиненія, такъ какъ до сихъ поръ никакого оффиціальнаго обвиненія мнѣ не предъявлено. Ни на одно изъ моихъ пяти писемъ, посланныхъ Керенскому, я отъ него отвѣта не получила! Надвигался праздникъ мира, Пасха, а мы все еще находились въ заключеніи. Моя, утомленная долгимъ арестомъ, прислуга стала замѣтнымъ образомъ измѣнять свое отношеніе къ намъ, — этому содѣйствовали рѣчи агитаторовъ, произносимыя въ моемъ залѣ въ присутствіи моихъ слугъ. Эти слуги были у меня уже много лѣтъ. Однихъ изъ нихъ я повыдавала замужъ, крестила у другихъ дѣтей, третьихъ воспитывала и они образовывали со мною одну дружественную семью, узы которой, казалось, были неразрывны. Тѣмъ не менѣе, утомленные долгимъ затворничествомъ, они были раздражены и требовали большаго денежнаго вознагражденія. Было печально и смѣшно въ то-же время, когда они мнѣ прислуживали за столомъ, въ своихъ ливреяхъ, украшенныхъ красными лентами и дѣлились своими революціонными познаніями. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ, что онъ хочетъ всеобщаго мира безъ анексій и контрибуцій. Когда я его спросила — что это обозначаетъ, онъ мнѣ отвѣтилъ съ убѣжденіемъ, что это два отдаленныхъ, безплодныхъ острова, населенныхъ нѣмцами. На нихъ ни рожь, ни что другое произростать не можетъ и потому они совершенно не нужны Россіи. Вза-

мѣнѣ ихъ союзники дадутъ намъ Константинополь, гдѣ каждый получитъ даромъ участокъ плодородной земли. Я невольно вспомнила слова Шиллера: «Съ глупостью даже боги тщетно борятся», слова вложенныя имъ въ уста англичанина Лорда Тальбота, имѣвшаго счастье вскорѣ послѣ произнесенія ихъ умереть. Мы же должны были жить въ обществѣ матросовъ и солдатъ Волынскаго полка!

Въ Пасхальную ночь, когда мы съ миссъ Плинке собирались уже ложиться спать, два матроса внесли ко мнѣ въ комнату огромную корзину цвѣтовъ (бѣлыхъ розъ) съ визитной карточкой Скирмунта, нынѣшнаго польскаго посла въ Римѣ, бывшаго моимъ частымъ желаннымъ гостемъ. Этотъ рыцарски-смѣлый поступокъ оставилъ навсегда слѣдъ въ моемъ сердцѣ. Красивыя, душистыя розы доставили мнѣ огромное наслажденіе.

Воспользовавшись настроеніемъ, какое вызвали у матросовъ пасхальные праздники и приготовленные моимъ поваромъ блюда, прелестной маленькой Маги, сестрѣ миссъ Плинке, удалось къ намъ пробраться. Она внесла свѣжую струю воздуха и нѣсколько чрезвычайно интересныхъ новостей. Она видала мою добрую, такъ грустившую сестру, сестра моя видала Сазонова, Сазоновъ — Милюкова, Милюковъ — Керенскаго и оказалось, что всѣ знали о моей невиновности и мой арестъ состоялся лишь для успокоенія плебса. Она сказала, что едва правительство встанетъ на твердыя ноги, я буду освобождена — если только, до этого, меня не убьютъ.

Наконецъ, послѣ семинедѣльнаго моего ареста, ко мнѣ явился комиссаръ нашего участка, соціалъ-революціонеръ, Рыбаковъ, и сообщилъ мнѣ, что я свободна. Моей многочисленной охранѣ онъ далъ приказъ оставить мой

домъ, что она очень неохотно исполнила, чувствуя себя у меня прекрасно.

Нѣсколько часовъ спустя пришла меня навѣстить моя сестра; затѣмъ пришло много моихъ добрыхъ знакомыхъ, изъ которыхъ назову шведскаго и датскаго пословъ — моихъ дорогихъ, незабвенныхъ друзей; пришли графъ Шамбрунъ и графъ де Робіенъ, затѣмъ, маркизъ де Вилладинда; добрый, преданный Исаакъ Канъ, баронъ де Свертсъ (нидерландскій посланникъ), двѣ сестры Елена Оливъ и Наташа Горчакова съ ихъ мужьями, и еще много другихъ.

Ввиду того, что Керенскій мнѣ не отвѣтилъ ни на одно изъ моихъ писемъ, мнѣ пришла мысль обратиться съ просьбой къ Набокову. Онъ былъ тогда членомъ думы; я была съ нимъ мало знакома, но его отецъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ моей семьей. Я просила Набокова передать диктатору мое прошеніе, въ которомъ я у него, какъ милости, просила назначить строгое слѣдствіе (въ чемъ не отказываютъ ни одному преступнику) по моему дѣлу. Я знала, что это слѣдствіе послужитъ лучшимъ отвѣтомъ моимъ клеветникамъ. Слѣдствіе было произведено, но меня ни разу не пригласили на него. Всю-же мою прислугу, какъ мужскую такъ и женскую, призывали и допрашивали. Мои управляющіе должны были дать отчетъ въ моихъ средствахъ. Мой нотаріусъ долженъ былъ принести съ собою свои книги. Были также допрошены нѣсколько изъ лицъ, посѣщавшихъ мой домъ.

Къ большому огорченію слѣдователя выяснилось, что я никогда, ни копейки не получала изъ за границы, а, наоборотъ, каждые три мѣсяца посылала деньги моей дочери, въ Италію и моему зятю во Францію. Выяснилось

только о моемъ послѣднемъ путешествіи — въ невѣдомое. До сихъ поръ сожалѣю я, что мнѣ не пришлось быть въ Испаніи. Всѣ испанцы, которыхъ я знала, мнѣ были очень симпатичны. Мнѣ нравился сохранившійся у нихъ духъ рыцарства. Оффиціальные представители Испаніи — посолъ и представители Краснаго Креста, во время войны и революціи въ Россіи, выказали много благородства, человѣколюбія и самопожертвованія, чѣмъ вызвали у каждаго изъ насъ чувство уваженія и благодарности.

Укажу прежде всего на послѣдняго испанскаго посла въ Петербургѣ, маркиза де Билассинда, съ опасностью для жизни, спасшаго отъ красныхъ бандъ, укрывшихся въ его домѣ офицеровъ и ихъ женъ.

Его предшественникомъ былъ графъ Ганнибалъ де Картагена, высокообразованный, очаровательный человѣкъ. До него же испанскимъ посломъ былъ прекрасный дипломатъ и политикъ, знатокъ Россіи, графъ де ла Винаца, имя котораго было извѣстно также и въ литературѣ. При немъ испанское посольство въ Петербургѣ было поставлено на блестящую ногу, подобно посольству графа Пурталеса. Добродушная, умная, простая въ обращеніи графиня де ла Винаца, пріобрѣла себѣ много друзей въ Петербургѣ. Лѣтомъ она жила въ Біаррицѣ и въ ея прелестной виллѣ „Trois Fontaines“ продолжала гостепріимно принимать своихъ добрыхъ знакомыхъ. Я имѣла удовольствіе прожить съ ними вмѣстѣ въ санаторіи Денглера въ Баденѣ. Это пребываніе еще усилило наши симпатіи другъ къ другу и обратило ихъ въ долголѣтнюю дружбу.

Въ 1904 году собралась я въ Парижъ и тогдашній испанскій посолъ въ Петербургѣ просилъ меня предоставить

ему мой домъ, на время моего отсутствія. Такимъ образомъ испанскій флагъ развѣвался въ теченіе года надъ моимъ домомъ и посолъ, князь Піо ди Савойя, устроился у меня съ особеннымъ блескомъ. Ввиду моего отсутствія, я рѣдко встрѣчалась съ княземъ и княгинею Піо. Впрочемъ, княгиня очень недолго пробыла въ Петербургѣ. Князь же, полу-итальянскій, полу-испанскій вельможа (Піо де Савойя — звали его въ Италіи, и маркизъ де Кастеллъ Родрило — въ Испаніи) пріобрѣлъ себѣ много друзей въ нашемъ обществѣ.

Однимъ изъ любимѣйшихъ испанскихъ пословъ былъ графъ де ла Вилла Гонзало, отличавшійся большимъ гостепріимствомъ и роскошью своихъ пріемовъ. Если эти страницы попадутъ случайно въ его руки, онъ конечно вспомнитъ о своемъ путешествіи по россійскимъ равнинамъ, которое онъ совершилъ съ цѣлью посѣтить меня, бывшую тогда въ имѣніи въ Курской губерніи. Его сопровождали его сынъ, Фернандо Малдонато, нынѣ маркизъ де ла Скала, Сергѣй Набоковъ (послѣдній губернаторъ Курляндіи) и Ѳедоръ Безакъ, тогда еще бравый поручикъ — кавалергардъ, впослѣдствіи членъ государственной думы, послѣдній кіевскій предводитель дворянства. Прибытіе моего высокопоставленнаго гостя въ имѣніе, гдѣ испанскихъ пословъ также знали, какъ бѣлыхъ сіамскихъ слоновъ, произвело всеобщее волненіе. Мое имѣніе въ то время отстояло очень далеко отъ желѣзной дороги, верстъ шестьдесятъ отъ станціи Клейнмихелево. На каждой изъ четырехъ остановокъ сельскіе власти выходили привѣтствовать графа де Вилла Гонзало, мужики выходили ему на встрѣчу съ хлѣбомъ-солью, женщины подносили ему корзины и платки съ яйцами, урядникъ съ

гихъ газетахъ появилось интервью со мною, въ которомъ приводились будто-бы мои слова, сказанныя мною въ бесѣдѣ съ журналистомъ въ Юрьевѣ (Дерптѣ), гдѣ я никогда въ жизни не была, — о сформированіи мною бѣлой арміи. Тогда продукты питанія въ Германіи были очень ограничены и я должна была кормить и одѣвать армію, въ то время, какъ я долго колебалась съѣсть-ли мнѣ баранью котлету или бутербродъ съ ветчиной, купить-ли себѣ перчатки или отложить этотъ расходъ на будущій мѣсяцъ! Молодой офицеръ, давшій въ газетѣ это свѣдѣніе обо мнѣ, безспорно хотѣлъ польстить моему самолюбію, преувеличить мои силы, но въ то же время, онъ обокралъ заплатившее ему за это свѣдѣніе правительство.

Часть населенія столицы встрѣтила большевиковъ восторженно, съ музыкой. Ленинъ немедленно занялъ особнякъ балерины Кшесинской (нынѣ супруги Великаго Князя Андрея Владиміровича) противъ Петропавловской крѣпости, и находящуюся на берегу Невы, прекрасную дачу Дурново. Онъ помѣстилъ въ домѣ Кшесинской свой штабъ, и здѣсь начала дѣйствовать, подъ благосклонными взорами Керенскаго и другихъ, такихъ же безсильныхъ и слѣпыхъ, какъ онъ, приведшая Россію къ несчастію, пропаганда. Кшесинская и Дурново, при помощи энергичнаго адвоката Хессина, приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы министръ юстиціи, соціалъ-революціонеръ Переверзевъ призналъ, что въ Россіи пока еще не отмѣнено право собственности и что, пока, никто не имѣетъ права занимать чужія помѣщенія. Тѣмъ не менѣе конечнымъ результатомъ этого не было выселеніе Ленина, что было бы, казалось, вполнѣ логичнымъ, а — отставка Переверзева! Какъ теперь ясно видно: буржуазное временное пра-

вительство 1917-го года не препятствовало большевистской пропагандѣ. Приказомъ № 1-й, подписаннымъ Стекловымъ и Чхеидзе, и особенно установленіемъ «правъ солдата», выработанныхъ бывшимъ военнымъ министромъ измѣнникомъ Поливановымъ — большевизмъ проникъ въ русскую армію и сдѣлалъ въ ней свое губительное дѣло разрушенія и деморализаціи.

Нѣмцы никогда бы не достигли такихъ результатовъ, если-бы кадеты и соціалъ-революціонеры не содѣйствовали бы этому. Въ моихъ сообщеніяхъ о революціи мнѣ по неволѣ приходилось приводить столько страшныхъ, безчеловѣчныхъ фактовъ, что я счастлива отмѣтить въ рядахъ нашихъ враговъ — революціонеровъ людей искреннихъ, храбрыхъ и это преимущественно — среди русскихъ женщинъ, болѣе чуткихъ и сердечныхъ, чѣмъ мущины. Русская женщина не разъ доказывала свою храбрость и готовность на самопожертвованіе въ бояхъ войскъ временнаго правительства съ большевиками. Это было въ ночь 25-го октября 1917-го года. Какъ хорошо я помню эту ночь! Сестра моя попросила графа Руджіери, изъ итальянской миссіи, меня провѣдать. Онъ, рискуя жизнью, подъ градомъ пуль пробрался ко мнѣ на уголъ Мойки, близъ Зимняго дворца, гдѣ я временно пріютилась. Это было какъ разъ тогда, когда большевики аттаковали войска Керенскаго. Слышалась безпрерывная ружейная стрѣльба и щелканіе пулеметовъ, въ то-же время громъ пушечныхъ выстрѣловъ потрясалъ все зданіе. Моя прислуга, вся дрожа отъ страха, скрылась въ погребѣ, въ то время какъ преданная миссъ Плинке и я, привыкшія за восемь мѣсяцевъ къ такимъ ужасамъ, почти равнодушно глядѣли смерти въ глаза.

Керенскій довѣрилъ защиту Зимняго дворца и его особы женскому баталіону и юнкерамъ, т. е. юношамъ и молодымъ дѣвушкамъ, принадлежащимъ преимущественно къ интеллигенціи — среди нихъ было много курсистокъ. Женскій баталіонъ тщетно давалъ примѣръ исполненія долга и презрѣнія къ смерти своимъ товарищамъ — юнкерамъ. Знаменоносцемъ баталіона была дочь адмирала Скрыдлова, героя 1877 года. Она была очень красива и принадлежала къ уважаемой, извѣстной семьѣ. Юнкера были уже нѣкоторымъ образомъ разложены и, вмѣсто того, чтобы исполнять приказы, они занимались разсужденіями, вмѣсто того, чтобы вступать въ бой — выборами; они первые выбросили бѣлый флагъ и сдались большевикамъ. Женщины-же, число которыхъ доходило до тысячи, были всѣ убиты или ранены, и когда красныя банды ворвались въ Зимній дворецъ, они потащили несчастныхъ, дрожащихъ женщинъ въ казармы, гдѣ насиловали ихъ и издѣвались надъ ними всяческимъ образомъ.

Въ то время, какъ эти молодыя женщины умирали геройской смертью за Керенскаго, онъ, этотъ диктаторъ, не думая объ ихъ участи, бѣжалъ. Для меня, какъ для женщины — это самая черная страница въ исторіи Керенскаго. Должна прибавить, что этотъ женскій баталіонъ, въ которомъ до послѣдняго дня царила дисциплина и геройскій духъ, не имѣлъ ничего общаго съ многочисленными женщинами, служившими въ большевитскихъ полкахъ на ряду съ мущинами и несшими кромѣ военныхъ и другія, менѣе почетныя обязанности. Многихъ изъ нихъ привлекали на военную службу хорошее жалованье, пища и свободное поведеніе.... Но и здѣсь, какъ и вездѣ, существовали исключенія; обыкновенно-же женщины отличались лишь распутствомъ и жестокостью.

Испанскій посолъ.

Давно уже моимъ завѣтнымъ желеніемъ было — увидѣть Испанію. Маркизъ де Парадосъ, съ которымъ я встрѣтилась въ Баденѣ, пригласилъ меня въ Севилію, герцогиня-же де Найера и госпожа Мануэль д'Итурбе, съ которыми я познакомилась во время коронаціи, въ Москвѣ, просили меня посѣтить ихъ въ Мадридѣ. Я была очень дружна съ M-me Мануэль д'Итурбе которую я ежегодно видала въ Парижѣ. Я любила ее за ея умъ и образованность, а ея дочь, прелестную Пьеретту — за ея обаятельность и музыкальный талантъ. Сестра д,Итурбе маркиза д'Иванрай, была также со мною въ дружбѣ и мнѣ очень улыбалась возможность посѣтить ее.

Наша родина находится такъ далеко отъ Испаніи, что я предпочитала ѣздить въ Біаррицъ, и, — не рѣшаясь на дальнѣйшій путь, — тамъ оставаться, тѣмъ болѣе что многіе бывшіе въ Біаррицѣ испанцы мнѣ говорили, что я въ Мадридѣ найду картины Веласкеца, но не друзей, такъ какъ всѣ испанцы въ это время года уѣзжаютъ въ Санъ-Себастіано или въ Парижъ. Я отложила мою поѣздку на другое время года; но проходили годы, а я все не рѣшалась ѣхать. И теперь, на закатѣ долгой жизни моей я думаю

верховыми сопутствовалъ ему до моего имѣнія. Одинъ изъ моихъ арендаторовъ превзошелъ всѣхъ — онъ поднесъ графу раскрашенную въ цвѣта Испаніи — красный и золотой — живую курицу. Графъ принялъ этотъ знакъ вниманія съ большимъ удовольствіемъ и въ то время какъ произносились торжественныя рѣчи, курица, которую графъ держалъ въ рукахъ, хлопала крыльями, стремясь освободиться. «Эта курица — лучшій день моей жизни», сказалъ онъ по-французски. Крестьяне, не понявшіе его словъ, были ими все таки очень тронуты. Въ церкви, въ одной отдаленной деревушкѣ, священникъ принялъ графа за самаго Короля Испанскаго. Альфонсу XIII было тогда лѣтъ двѣнадцать — тринадцать. Священникъ, называя графа — Ваше Величество, — выразилъ ему свою необычайную радость — видѣть у себя властителя Испаніи. — Испанскіе національные флаги украшали путь графа. Но, на слѣдующій день, должна къ стыду моему признаться, всѣ эти флаги были раскрадены.

Много лѣтъ спустя еще можно было видѣть женщинъ и дѣвушекъ, изъ сосѣднихъ деревень, одѣтыхъ въ красные и желтые цвѣта. Вся сосѣдняя знать устраивала въ честь графа охоты на волковъ и лисицъ и, ввиду того, что въ моемъ дворцѣ былъ недавно пожаръ, я могла принимать гостей лишь въ скромной квартирѣ моего управляющаго.

Фернандо, сынъ посла, конечно помнитъ долгія прогулки верхомъ съ моей дочерью — моей бѣдной, такъ рано умершей, маленькой Маріей — и съ ея друзьями. Празднества, иллюминаціи, бѣга въ мѣшкахъ — слѣдовали одни за другими.

Денно и нощно ждали крестьяне появленіе посла, желая его привѣтствовать. Какъ сердечны были тогда наши отношенія съ крестьянами! И не вѣрится мнѣ, что тѣ самые крестьяне и ихъ дѣти потомъ разрушали наши лѣса и посѣвы, и грабили наше имущество, то имущество, которымъ мы по братски съ ними дѣлились; мы были всегда готовы, послѣ пожаровъ, отстраивать ихъ избы и хаты, и во время неурожая снабжать ихъ хлѣбомъ. Мы содержали ихъ школы и больницы, и платили лечившимъ ихъ врачамъ.

Мы всѣ оттуда уѣхали въ Крымъ, и графъ Вилла Гонзало былъ удивленъ, когда мой арендаторъ, у котораго онъ переночевалъ, принесъ ему въ 7 часовъ утра бокалъ шампанскаго, полагая, что такая высокопоставленная особа не можетъ пить болѣе обыкновеннаго напитка.

Во время пребыванія посла въ Петербургѣ мы имѣли удовольствіе встрѣтить у него его сестру, герцогиню де Санъ Карлосъ и его друхъ племянниковъ — маркиза де Санта Круцъ и графа де л'Уніонъ, съ ихъ сестрой, нынѣ супругой князя Меттерниха. Впослѣдствіи пріѣхала туда Инфанта Евлалія для того, чтобы повидать Великую Княгиню, супругу Великаго Князя Владиміра Александровича, съ которой она была очень дружна. Она привела въ восторгъ все общество своимъ присутствіемъ. Ея своеобразный умъ производилъ на всѣхъ большое впечатлѣніе. Старая бурбонская кровь не мѣшала современности ея возрѣній. Всѣ добивались чести принять ее у себя. Отъ меня она охотно приняла приглашеніе на обѣдъ и на поѣздку на тройкѣ по окрестностямъ столицы. Поѣздка эта, къ сожалѣнію, была испорчена плохой погодой.

также, что я, не въ примѣръ другимъ соотечественникамъ не имѣла ни одной марки въ Германіи и что я не вела даже самой невинной переписки съ враждебными странами. Слѣдователемъ ставились забавные вопросы: такъ напримѣръ графа Л. М. спросили, знаетъ-ли онъ почему Король Португальскій Мануэль у меня обѣдалъ, и не думаетъ-ли онъ, что это можетъ служить доказательствомъ тому, что я симпатизирую португальскимъ контръ-революціонерамъ. Миссъ Плинке, которую хотѣли считать нѣмкой, оказалась къ величайшему разочарованію слѣдователя чистокровной англичанкой. Ее допрашивали — не было-ли, въ теченіе тѣхъ 16-ти лѣтъ, что она у меня служила, уязвлено ея національное чувство. «Ни въ коемъ случаѣ», отвѣтила она, «мы съ графиней постоянно читали англійскія книги и графиня любила очень много людей, съ которыми она познакомилась въ Англіи и которые были англичанами». — Наконецъ, очень неохотно, было констатировано, что никакого обвиненія противъ меня не можетъ быть предъявлено, въ чемъ мнѣ было выдано свидѣтельство. Я хотѣла предать его гласности, но газеты, такъ охотно помѣщавшія на своихъ столбцахъ клеветническія обвиненія по моему адресу, этого свидѣтельства помѣстить не пожелали.

Представитель прессы въ думѣ былъ безусловно правъ.

Большевики и женскій баталіонъ.

Нѣмецкій генеральный шабъ, весною 1917 года разрѣшилъ отправку, черезъ Финляндію, въ Россію, въ пломбированномъ вагонѣ, будущихъ представителей совѣтской власти.

Тогда нѣмцы были нашими врагами и послали на насъ большевиковъ, такъ же какъ они посылали на насъ танки и удушливые газы. Всѣ воюющія страны считали себя въ правѣ примѣнять всѣ свои силы и средства на уничтоженіе непріятеля. Всѣ онѣ тратили на это огромныя суммы, и никакую изъ странъ нельзя было упрекнуть въ отсутствіи воли и рвенія. Но развѣ контръ-развѣдка всѣхъ странъ, поглотившая, къ сожалѣнію, такъ много изъ нашей обѣднѣвшей молодежи, не опаснѣе и не ядовитѣе всякихъ газовъ? Она, разрушавшая душу еще болѣе чѣмъ газъ — тѣло! Эти организаціи, неизбѣжныя во время войны, отвратительны въ мирное время. Чтобы не потерять службы, контръ-развѣдка часто, за отсутствіемъ фактовъ, вводитъ въ заблужденіе тѣхъ, кому она служитъ. Еще въ прошломъ году я въ этомъ могла убѣдиться. Я жила уже годъ въ Баденѣ, въ кругу моихъ друзей бѣженцевъ, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный день, во мно-

При перечисленіи испанскихъ пословъ, я не должна упустить графа Кампо Саградо. Онъ былъ большимъ охотникомъ и игрокомъ, человѣкомъ симпатичнымъ, но очень безалабернымъ въ своихъ денежныхъ дѣлахъ. И если онъ оставилъ въ Петербургѣ много друзей, то кредиторовъ не менѣе. Разсказываютъ, что онъ послалъ своему зятю свою фотографическую карточку, на которой онъ былъ изображенъ закутаннымъ съ ногъ до головы въ шубу. Подъ карточкой онъ подписалъ: «Такъ выгляжу я въ Петербургѣ». Въ отвѣтъ онъ получилъ отъ своего зятя фотографію, гдѣ зять этотъ былъ снятъ совершенно голымъ, съ подписью: «А такъ мы, представь себѣ, выглядимъ въ Мадридѣ!»

Самымъ первымъ испанскимъ посломъ, котораго я могу вспомнить, былъ Герцогъ д'Оссуна, котораго называли: „Don Magnifico". Онъ жилъ въ знаменитомъ дворцѣ Зубова, противъ Исаакіевскаго собора, гдѣ нынѣ находится народный университетъ. Онъ былъ женатъ на очень красивой особѣ, бывшей значительно моложе его и вышедшей замужъ, послѣ его смерти, за герцога де Круа.

Я извиняюсь передъ Испанцами. Въ одномъ я никакъ не могла съ ними сойтись, это въ вопросѣ о «боѣ быковъ». Это жестокое зрѣлище надрывало мое сердце, и чувство жалости къ несчастнымъ лошадямъ, съ распоротыми животами и къ обреченному заранѣе на смерть быку, было у меня сильнѣе интереса къ этому зрѣлищу и даже къ геройскому духу тореадоровъ и матадоровъ. Еще разъ прошу у Испанцевъ прощенія.

Мое бѣгство изъ Совѣтской Россіи.

Въ концѣ 1918 года жизнь въ Петроградѣ стала настолько невыносимой, что я начала искать возможности покинуть «Совдепію». Большевитское правительство опубликовало условія, необходимыя для полученія разрѣшенія на отъѣздъ, и мнѣ казалось, что я сдѣлаю хорошо, если исполню всѣ необходимыя формальности и требованія, и, конечно, тогда получу оффиціальное разрѣшеніе.

Прежде всего я должна была обратиться въ комитетъ для неимущихъ. Этотъ комитетъ былъ недавно учрежденъ и сидѣвшіе въ немъ новые господа наблюдали за буржуазіей. — Затѣмъ надо было обратиться въ совѣтъ рабочихъ депутатовъ, потомъ получить разрѣшеніе отъ совѣтовъ солдатскихъ и матроскихъ депутатовъ. Все это поглотило у меня много дней и денегъ, такъ-какъ извозчики, которыхъ тогда уже было очень не много, требовали за конецъ сто рублей. Я возвращалась домой необычайно усталой, чтобы на слѣдующій день начать наново мои хлопоты. Послѣ того, какъ я переходила изъ одного комиссаріата въ другой и была тамъ чрезвычайно грубо принята не только комиссарами, но и стенотипистками, большею частью враждебными, нахальными, державшимися болѣе надменно и

гордо, чѣмъ предсѣдатель комитета министровъ при старомъ режимѣ, болѣе надмѣнно даже, чѣмъ предсѣдатели Государственной Думы, которые отличались необычайной важностью! — Послѣ всего этого я достигла, какъ мнѣ казалось, послѣдняго акта: врачебнаго осмотра.

Всѣ, хлопотавшіе о разрѣшеніи на выѣздъ, подлежали осмотру въ комиссіи большевитскихъ врачей. Свидѣтельствамъ знаменитыхъ профессоровъ и спеціалистовъ не придавали никакого значенія. Пять дней сряду ходила я безуспѣшно въ этотъ новый комиссаріатъ, все не попадая въ очередь. Насъ было очень много, и я должна была пріучаться къ терпѣнію, такъ необходимому теперь тѣмъ несчастнымъ, которые переживаютъ въ Россіи эру свободы. Въ тѣсныхъ комнатахъ былъ спертый, удушливый, вѣроятно полный всевозможныхъ бациллъ, воздухъ нерѣдко выносились оттуда тяжелыя, заразныя болѣзни. На малѣйшій вопросъ, большевитская бюрократія отвѣчала руганью. Я уже совершенно пала духомъ, какъ вдругъ дверь растворилась, и я, съ пятью другими, очутилась передъ ареопагомъ изъ пяти совѣтскихъ врачей. Одинъ «товарищъ», съ длинными грязными волосами, въ очкахъ на носу, выдававшемъ его семитическое происхожденіе, сидѣвшій за отдѣльнымъ столомъ — очевидно комиссаръ — сказалъ намъ рѣзкимъ тономъ: «Раздѣвайтесь!», какъ будто мы были новобранцами. Мы растегнули наши платья и каждую изъ насъ сталъ свидѣтельствовать отдѣльный врачъ: смотрѣли пульсъ, выслушивали сердце, выстукивали. Должна отдать справедливость всѣмъ свидѣтельствовавшимъ насъ пяти врачамъ — они выказали по отношенію къ намъ большое сочувствіе и, видимо, тяготились навязанной имъ ролью. Они выслушивали насъ

очень добросовѣстно, но комиссаръ все время ихъ подгонялъ. Врачъ нашелъ у меня всевозможныя болѣзни, даже такія, о которыхъ я бы боялась подумать, и далъ мнѣ въ этомъ свидѣтельство, по которому мнѣ оставалось жить еще только нѣсколько мѣсяцевъ. Несмотря на это, я ушла отъ него въ почти радостномъ настроеніи, — несомнѣнно я получу разрѣшеніе на отъѣздъ!

На слѣдующій день отправилась я въ комиссаріатъ по иностраннымъ дѣламъ. Послѣ долгаго ожиданія и толканія въ густой толпѣ народа, меня, наконецъ, принялъ комиссаръ по иностраннымъ дѣламъ, молодой грузинъ, Лоркипанидзе, человѣкъ атлетическаго сложенія. Онъ сухо сказалъ мнѣ, что просмотритъ мои бумаги. Этотъ Лоркипанидзе, нѣсколько дней тому назадъ нанесъ ударъ кулакомъ въ грудь княгинѣ Палей, обратившейся къ нему по какому-то дѣлу. Это были новые пріемы русской дипломатіи: вмѣсто осторожныхъ, обдуманныхъ фразъ дипломатовъ—ударъ кулакомъ,—способъ короткій, ясный и не допускающій никакихъ недоразумѣній.

Нѣсколько дней спустя, въ 7 ч. вечера, красноармеецъ принесъ мнѣ бумаженку, на которой былъ нацарапанъ приказъ явиться къ Урицкому, на Гороховую, для полученія паспорта. Урицкій былъ предсѣдателемъ чего-то въ родѣ „Comité de salut public". Имя его заставляло насъ дрожать также какъ несчастой памяти французскихъ аристократовъ имя Фукье Тенвиля. Несмотря на это, я обрадовалась этой бумаженкѣ, такъ какъ въ ней было ясно сказано, что меня призывали для того, чтобы вручить мнѣ паспортъ. Меня все-таки встревожило одно обстоятельство: я должна была, какъ гласила полученная мною бумажка, быть въ 12 часовъ дня, а получила это приглаше-

ніе только въ 7 часовъ вечера того-же дня. Это, конечно, произошло не по моей винѣ, но такъ какъ у насъ пользуются всякимъ поводомъ для обвиненія высшихъ классовъ, это опозданіе меня очень встревожило. Долго до назначеннаго времени, отправилась я на слѣдующій день на Гороховую, но она была закрыта для публики, — много красноармейцевъ оцѣпило зданіе, гдѣ жилъ Урицкій.

Урицкій былъ убитъ. — Никто не сожалѣлъ объ этомъ болѣе чѣмъ я, такъ какъ я сразу поняла, что терроръ станетъ все усиливаться и моя поѣздка за границу можетъ не состояться. На слѣдующій день были арестованы наши друзья, князь и княгиня Меликовы, оттого — что убійца Урицкаго, соціалъ-революціонеръ, студентъ-еврей Каннегиссеръ, какъ-то случайно заходилъ въ домъ, гдѣ они жили. Я сама видала, какъ взводъ солдатъ велъ въ тюрьму толпу женщинъ, среди которыхъ я узнала несчастную княгиню Меликову, несшую въ рукахъ свертокъ съ своимъ бѣльемъ. Нѣсколько дней спустя мнѣ повстрѣчалась другая группа арестованныхъ, среди которыхъ я увидала нашихъ частыхъ партнеровъ въ бриджъ — полковника, графа Лорисъ-Меликова и генерала, графа Татищева, жена котораго, дочь оберъ-гофмейстера Нарышкина, шла съ плачемъ за этимъ печальнымъ шествіемъ. Вскорѣ послѣ этого графъ Татищевъ былъ разстрѣлянъ, что же касается графа Лорисъ-Меликова, то, какъ говорятъ, онъ понынѣ томится въ одной изъ московскихъ тюремъ. Одно мгновеніе я думала, что насталъ мой послѣдній часъ, такъ какъ оба они, узнавъ меня, пріостановились на мгновеніе, позвали меня по имени и громко воскликнули: «Насъ ведутъ въ тюрьму, сдѣлайте все для нашего освобожденія!» Солдаты погрозили мнѣ прикладами, но спѣша, про-

шли далѣе. Это произошло въ двухъ шагахъ отъ моей квартиры, на Милліонной. Я поспѣшила въ датское посольство, гдѣ жилъ нашъ ангелъ утѣшитель, добрыя дѣла котораго перечислить невозможно, — госпожа Скавеніусъ, и ея супругъ тотчасъ-же предпринялъ необходимые шаги, для того чтобы попробовать спасти этихъ несчастныхъ.

Недѣлю спустя рѣшилась я снова, съ имѣющейся у меня бумаженкой, отправиться узнать о моей судьбѣ. Послѣ многихъ усилій и разспросовъ въ различныхъ мѣстахъ, добилась я, наконецъ, права стать въ очередь съ остальными, при чемъ мнѣ сказали, что когда очередь дойдетъ до меня, я буду принята помощникомъ Урицкаго, товарищемъ Іоселевичемъ. Меня повели въ залъ, гдѣ я часто играла въ бриджъ у княгини Оболенской. Этотъ, когда-то элегантный залъ, въ которомъ собирался цвѣтъ петербургскаго общества, былъ обращенъ теперь въ клоаку, паркетъ былъ такъ заплеванъ, что нельзя было найти мѣста куда поставить ногу. Запыленная, разбитая мебель являлась вѣрнымъ символомъ теперешней Россіи. Единственный свидѣтель прошлаго, старый, голодный, курьеръ узналъ меня и прошепталъ горестно: «что за время, Боже мой, что за время!»

Въ теченіи многихъ часовъ ожиданія, проведенныхъ мною съ другими, относившимися крайне подозрительно другъ къ другу, я видала много арестованныхъ, окруженныхъ красноармейцами, проводившими ихъ черезъ залъ и награждавшими ихъ толчками и ударами прикладовъ. Я не знала откуда шли эти люди и куда ихъ вели. Я была поражена, почти не видя среди нихъ интеллигенціи. Это были все люди изъ народа: преимущественно кухарки, раз-

носчики, крестьяне. Шумъ стоялъ ужасный, такъ какъ всѣ они одновременно кричали, отвѣчая руганью на расточаемые имъ пинки. Я могла себѣ объяснить этотъ арестъ простонародія лишь доносами, очень любимыми и поощряемыми совѣтскимъ правительствомъ. Такъ — ссора между двумя извозчиками или торговками, кончавшаяся раньше по большей части только бранью, теперь обыкновенно кончалась доносомъ. Иногда оба ссорившіеся доносили другъ на друга и оба бывали арестованы, или освобождены, часто же и разстрѣляны, — это зависѣло отъ случая и счастья. Наконецъ, спустя четыре часа, подошелъ ко мнѣ красноармеецъ и сказалъ: «Теперь ваша очередь. Товарищъ Іоселевичъ Васъ приметъ». Мнѣ было извѣстно, что Іоселевичъ имѣлъ на своей совѣсти нѣсколько тысячъ смертныхъ приговоровъ и я не могла побороть въ себѣ волненія при мысли, что я сейчасъ увижу эту жестокую личность.

Я вошла въ такъ хорошо мнѣ знакомый, бывшій кабинетъ княгини Оболенской. За письменнымъ столомъ сидѣлъ худощавый юноша, въ синей шелковой рубашкѣ, перетянутой кожанымъ поясомъ. Онъ сидѣлъ ко мнѣ спиной и рылся въ какихъ то бумагахъ. Я узнала мое прошеніе и свидѣтельство. Онъ повернулся ко мнѣ лицомъ и я увидѣла молодого, довольно красиваго еврея, лѣтъ 17—18, съ умнымъ, циничнымъ лицомъ. Впослѣдствіи я узнала, что ему было 20 лѣтъ. Не успѣла я подумать надъ тѣмъ, что у большевиковъ состоятъ на службѣ едва-ли не мальчики, какъ, развалившись въ креслѣ, юноша указалъ мнѣ величественнымъ жестомъ — сѣсть возлѣ него. «Вы — бывшая графиня Клейнмихель?» спросилъ онъ меня.

«Да», отвѣтила я, «а Вы кто такой?» — «Я — товарищъ Іоселевичъ. Съ какой цѣлью хотите Вы ѣхать за границу?» продолжалъ онъ. «Всѣ причины обозначены въ моемъ прошеніи, находящемся у васъ въ рукахъ. Съ 1913 года не имѣла я возможности продѣлать заграницей леченіе, въ которомъ я очень нуждаюсь.» — «Сколько Вамъ лѣтъ?» — «Какъ Вамъ легко убѣдиться по моему метрическому свидѣтельству, мнѣ 72 года». Онъ некрасиво засмѣялся: «Какъ, Вамъ 72 года и Вы все еще хотите жить? Вы уже и такъ живете на этомъ свѣтѣ лишніе два года. Стыдно для женщины желать жить долѣе 70-ти лѣтъ». Ничего не отвѣчая, я встала и направилась къ дверямъ. Онъ меня окликнулъ: «не хотите ли еще присѣсть на минуту, я хочу сдѣлать Вамъ одно предложеніе: — есть для Васъ возможность получить столь желаемый Вами паспортъ» — «Какимъ образомъ?» спросила я, «мнѣ кажется я все исполнила, что потребовало ваше правительство.»—«Сообщите мнѣ адресъ госпожи Вырубовой, подруги Царицы; какъ намъ извѣстно — она прячется здѣсь, въ Петроградѣ и мы ее никакъ не можемъ отыскать, — и тогда я Вамъ обѣщаю не препятствовать вашему отъѣзду, и вы немедленно получите паспортъ. Это единственное средство для Васъ, если Вы желаете уѣхать». — «Я не намѣрена покупать мой паспортъ цѣною такой низости,» отвѣтила я и вставъ пошла, не оглядываясь, къ двери.—«Низость,—что за громкія слова», сказалъ онъ, «Вы должны знать, что всѣ ваши знакомые купили себѣ паспорта такою цѣною.» —«Я не хочу этому вѣрить», отвѣтила я, «и, во всякомъ случаѣ, я не желаю увеличивать ихъ числа.» — «Какъ Вамъ угодно, Вырубову мы найдемъ и безъ Васъ, но если

съ Вами случится какая либо непріятность — пеняйте на себя, я Васъ предупредилъ. У насъ найдется для Васъ мѣсто», возразилъ онъ мнѣ. Еще понынѣ звучитъ въ моихъ ушахъ его звенящій угрозой голосъ.

Покинувъ этотъ очагъ слезъ, я направилась въ шведское посольство отыскать барона фонъ Коскула и передать ему обо всемъ происшедшемъ. Я его просила предупредить госпожу Вырубову о грозящей ей опасности.

Нѣсколько дней спустя изъ Швеціи возвратился генералъ Брандстремъ и сказалъ мнѣ, что онъ попробуетъ вырвать меня изъ рукъ большевиковъ. Двѣ недѣли спустя его хлопоты увѣнчались успѣхомъ: канцелярскій служащій, господинъ Лундбергъ, принесъ мнѣ мой подписанный страшнымъ Іоселевичемъ, паспортъ. Въ тотъ же день я на маленькомъ шведскомъ пароходѣ покинула Россію съ тѣмъ чтобы ее, вѣроятно, уже болѣе никогда, не увидѣть. Іоселевичъ, не предвидя, что я въ тотъ же день уѣду, вечеромъ того же дня направилъ ко мнѣ отрядъ красноармейцевъ съ тѣмъ, чтобы меня арестовать и посадить въ тюрьму, гдѣ я, въ виду моихъ лѣтъ и слабаго здоровья, кончила бы скоро мои земные дни. Это разсказала мнѣ моя секретарша, Миссъ Плинке, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, — она тогда, послѣ моего отъѣзда хотѣла привести въ порядокъ всѣ мои бумаги и, лишь благодаря тому, что она — англичанка, избѣгла ареста.

Тетка моя, мой племянникъ графъ Александръ Келлеръ и его прелестная маленькая жена, бѣжали черезъ Финляндію за мѣсяцъ до моего отъѣзда. Ихъ также хотѣли, въ день ихъ отъѣзда, арестовать. Когда красноармейцы не нашли ихъ дома, они разгромили всю квартиру.

Они были такъ озлоблены, найдя клѣтку пустой, что поднялись этажемъ выше, гдѣ застали стараго артиллерійскаго генерала Щербова-Нефедовича, жившаго съ тремя сыновьями, изъ которыхъ двое были женаты, и арестовали всю семью. Недѣлю спустя генералъ и его три сына были растрѣляны. Это были искупительныя жертвы за убійство Урицкаго.

Охота въ Нейдекѣ. Императоръ Вильгельмъ II.

Послѣ того, какъ я, въ Апрѣлѣ 1919 года бѣжала изъ Петербурга и провела затѣмъ нѣсколько мѣсяцевъ въ Стокгольмѣ, я получила разрѣшеніе на въѣздъ въ Германію и была счастлива, въ первый же день моего пріѣзда въ Берлинъ, встрѣтить мою соотечественницу, добрую, преданную мнѣ княгиню Нину фонъ Доннерсмаркъ.

Необычайная чуткость, самопожертвованіе и сочувствіе къ чужимъ страданіямъ—отличительныя черты этой исключительной женщины, всѣ мысли которой направлены на оказаніе помощи ближнимъ. Каждый часъ ея жизни былъ часомъ самозабвенія и самопожертвованія. Это хрупкое, болѣзненное существо, которое, казалось, сломилось бы отъ дуновенія вѣтерка, — обладаетъ мужской силой воли въ перенесеніи страданій, и не боится смерти. Въ виду того, что она знала всѣхъ тѣхъ, кого я знала и такъ же какъ я судила о вещахъ и людяхъ, безъ предубѣжденія, безъ предвзятости, для меня было большимъ утѣшеніемъ подѣлиться съ нею всѣми нашими мучительными переживаніями и нарисовать ей картину нашихъ бѣдствій. Тяжелое чувство охватило меня, ко-

гда я не увидѣла рядомъ съ ней выдающагося человѣка, для котораго она была ангеломъ — хранителемъ, — графа Гвидо фонъ Доннерсмаркъ, этого убѣжденнаго друга Россiи. Его сыновья, которыхъ я знала съ дѣтства, приняли меня очень сердечно. Графъ Гвидо унаслѣдовалъ не только титулъ и имущество своего отца, но и сходство въ чертахъ лица, въ звукахъ голоса, во всемъ своемъ обликѣ. Графъ Крафтъ остался все тѣмъ же красивымъ, рослымъ юношей, котораго мы всѣ такъ любили; полные лишенiй, и физическихъ и моральныхъ страданiй, годы войны наложили на него отпечатокъ грусти.

Я застала у Нины большой кругъ друзей, о которыхъ я ничего не слыхала въ теченiи всѣхъ пяти лѣтъ пока продолжалась война. Встрѣтила я здѣсь барона фонъ Штумъ, бывшаго посланника въ Мадридѣ, знакомаго мнѣ около сорока лѣтъ, человѣка съ большимъ умомъ и познанiями, что признавалось и другомъ, и недругомъ его; но мнѣ кажется, что я неправильно выразилась: невозможно, чтобы этотъ доброжелательный, всѣми любимый человѣкъ, имѣлъ недруговъ. Его дочь, графиня Марiя Гауфельдъ — исключительно гармоничная натура; я ее знала еще ребенкомъ въ Гольцгаузенѣ, одномъ изъ красивѣйшихъ имѣнiй въ Германiи; затѣмъ я ее видѣла молодой дѣвушкой въ прелестной виллѣ Русцiано, и была искренно рада встрѣтиться съ нею въ прошломъ году въ Баденѣ. Ея мужъ, князь Гацфельдъ-Вильденбургъ, также сынъ моихъ старыхъ друзей. Назову еще Гвидо фонъ Нимпшъ, — интереснаго собесѣдника, много видавшаго въ жизни; затѣмъ графа фонъ Рантцау, барона фонъ Рейхшахъ и его супругу, урожденную принцессу Ратиборъ,

графа и графиню Августъ фонъ Эйленбергъ, ихъ дочь и зятя Вильгельма фонъ Швейницъ, сына посла, друга моего дѣтства, бывшаго отцемъ четырехъ дѣтей. Всѣ приняли меня чрезвычайно сердечно, но бесѣда наша заключалась преимущественно въ передачѣ другъ другу о перенесенныхъ каждымъ страданіяхъ. Два года до войны была я приглашена Доннерсмарками въ ихъ замокъ Нейдекъ, въ Силезіи. Замокъ этотъ окруженъ большимъ паркомъ и обставленъ съ царской роскошью: богатство конюшенъ, ливрей, изысканность блюдъ — соотвѣтствуютъ огромнымъ средствамъ владѣльца замка. Императоръ Вильгельмъ пріѣхалъ, съ большой свитой, на охоту. Онъ былъ весело настроенъ, казался всѣмъ доволенъ и производилъ впечатлѣніе человѣка, пользующагося своими каникулами. Кромѣ ихъ высокаго гостя и его свиты, Доннерсмарки пригласили еще слѣдующихъ лицъ: герцога фонъ Ратибора, князя и княгиню Отто Витгенштейнъ, графа Герцъ, князя Гогенлоэ-Кохентинъ, господъ фонъ Майстеръ, графа и графиню Сирсдорфъ и меня. Князь Витгенштейнъ и графъ Герцъ были друзьями дѣтства Императора Вильгельма, причемъ воспитателемъ всѣхъ троихъ былъ господинъ Гинцпетеръ.

Княгиня Лори Витгенштейнъ — одна изъ извѣстнѣйшихъ дамъ европейскаяо общества. Обаятельность общенія съ ней обратилась въ поговорку. Фонъ Мейстеръ былъ губернскимъ совѣтникомъ въ Висбаденѣ; жена его, привѣтливая американка, обладала прекраснымъ голосомъ, сама себѣ акомпанировала на гитарѣ и пѣла по вечерамъ французскіе и нѣмецкіе романсы, а также негритянскія пѣсенки, такъ называеться „minstrels". Всѣ ее окружали и Вильгельмъ ей подпѣвалъ. Спать ложились рано,

такъ какъ охота была назначена на слѣдующій день, въ очень ранній часъ. За обѣдомъ Вильгельмъ обыкновенно обращался къ хозяйкѣ дома, русской подданной, съ тостомъ за здоровіе своего кузена, нашего Императора. Однажды Императоръ Вильгельмъ сталъ жаловаться на то, что о немъ распространяется столько злыхъ небылицъ. Онъ приводилъ, слова ему приписываемыя, извѣстныя не только въ Германіи, но и заграницей. Повсюду говорили, что онъ ограничивалъ дѣятельность женщинъ кухней, церковью, дѣтьми и платьями (vier K — Küche, Kirche, Kinder und Kleider.)

«Какъ могъ я, сынъ моей матери, столько сдѣлавшей для образованія, развитія и эмансипаціи женщинъ въ Германіи, сказать такую глупость?» взволнованно говорилъ Вильгельмъ II.

Кульминаціоннымъ пунктомъ пріема у Доннерсмарковъ было приглашеніе хозяевами, въ видѣ сюрприза для Германскаго Императора, французской артистки Режанъ, очаровавшей всѣхъ своимъ выдающимся талантомъ. Послѣ ея выступленія, Вильгельмъ долго съ нею бесѣдовалъ. — Это было въ послѣдній разъ, что я видала Императора Вильгельма. Прежде, во время моего пребыванія проѣздомъ въ Берлинѣ, я бывала не разъ и въ Берлинѣ, и въ Потсдамѣ на обѣдѣ у Ихъ Величествъ. Знавшіе меня давно Императоръ и Императрица германскіе, были со мною чрезвычайно любезны. Графъ Остенъ-Сакенъ, очень цѣнимый Вильгельмомъ, и генералъ фонъ Вердеръ, были постоянно на этихъ обѣдахъ. Императоръ былъ очень разговорчивъ. Послѣ обѣда всѣ садились вокругъ круглаго стола и разсматривали фотографіи, гравюры и картины. Заглядывая въ фотографіи Вильгельмъ

вспоминалъ о многочисленныхъ своихъ поѣздкахъ и посѣщеніяхъ иностранныхъ дворовъ и дѣлился съ нами этими воспоминаніями. На одномъ изъ такихъ обѣдовъ среди присутствующихъ находилась вдова ректора Боннскаго университета, которую Вильгельмъ зналъ будучи еще студентомъ. Встрѣтивъ ее случайно на улицѣ, онъ тутъ же запросто, пригласилъ ее къ обѣду. Эта дама все еще видала въ германскомъ Императорѣ студента-корпоранта, какимъ онъ былъ въ Боннѣ и, слушая ея разговоръ, казалось, что время остановилось. Вильгельмъ былъ къ ней очень внимателенъ, она же обращалась съ нимъ съ нѣжностью, будто ему все еще было только 18 лѣтъ; она ставила ему такіе вопросы, которые никто изъ насъ не посмѣлъ бы поставить, и на которые онъ ей просто и съ удовольствіемъ отвѣчалъ. Такъ напримѣръ она его спросила: «также ли сынъ вашъ любитъ студенческую жизнь, какъ Вы ее любили?» «Нѣтъ», отвѣтилъ Императоръ, «можетъ быть я и жена моя въ этомъ виноваты. Мои родители отдали меня въ гимназію, въ Кассель, и, 15-ти лѣтнимъ юношей мечталъ я, какъ и всѣ мои товарищи, объ университетѣ и мнѣ казалась, что гораздо важнѣе быть студентомъ, чѣмъ фельдмаршаломъ. Сынъ же мой посѣщалъ кадетскій корпусъ и для него, когда ему минуло 15 лѣтъ, офицеръ игралъ такую же роль, какъ для меня — студентъ». Императрица, улыбаясь слушала разсказъ Вильгельма, вставляла иногда слово, но оставалась всегда Императрицей, въ то время, какъ любившій особенную торжественность въ оффиціальныхъ случаяхъ, Императоръ, у себя дома держался совершенно просто. Оба они обожали свою дочь, постоянно присутствовавшую на этихъ обѣдахъ, такую же оживленную какъ и ея отецъ.

Она разсказывала объ одной охотѣ, въ которой она впервые принимала участіе, съ такимъ оживленіемъ, что я была ею совершенно очарована. Въ 16 лѣтъ въ ней осталось еще много дѣтскаго. Она была счастливѣе Юліи, такъ какъ вышла замужъ за своего Ромео, и такимъ образомъ примирила Монтеки съ Капулетти.

— Я была бы не благодарной, если бы не упомянула княгиню и князя Лихновскихъ. Князь предвидѣлъ и предсказалъ многое изъ того, что нынѣ происходитъ; княгиня же была оригинальной писательницей и, тѣмъ не менѣе, хорошей хозяйкой. Въ ея книгѣ объ Египтѣ, она оживила своимъ талантомъ египетскую цивилизацію, извѣстную намъ лишь по саркофагамъ и муміямъ.

— Домъ графини Редернъ, невѣстки княгини Лихновской, давалъ также много моему серцу и уму. Графъ Редернъ былъ германскимъ посланникомъ въ Петербургѣ и нашимъ общимъ другомъ. Его четыре дочери, — княгиня Линаръ и ея сестры, вмѣстѣ съ ихъ матерью, оживляли все вокругъ себя въ ихъ дворцѣ на Алзенштрассе.

— Очень гостепріименъ салонъ госпожи фонъ Фридлендеръ-Фульдъ, въ ея прекрасномъ дворцѣ, на Парижской площади, — въ немъ собирались всегда верхи общества и дипломатіи. Ея дочь, интересная оригинальная женщина, госпожа фонъ Кюлманъ, для насъ русскихъ представляетъ особенную притягательную силу: она говоритъ свободно по русски, ей хорошо знакома наша литература, наши художественныя произведенія, наша исторія. Нельзя не упомянуть о томъ содѣйствіи, которое оказывали она и ея мать, въ дѣлѣ благотворительности русскимъ въ Берлинѣ, устройствомъ въ ихъ пользу базара.

За обѣдомъ у госпожи фонъ Фридлендеръ, моимъ частымъ сосѣдомъ бывалъ Павелъ Вайтцъ, чѣмъ я была довольна, такъ какъ онъ, считается во всѣхъ дипломатическихъ салонахъ не только лучшимъ знатокомъ Востока, но также однимъ изъ интереснѣйшихъ людей Берлина и по праву называется «ami des ambassades»

Хотѣлось бы мнѣ упомянуть еще и о красивой графинѣ Ведель, вдовѣ оберъ-шталмейстера графа Эрнста Веделя, этого рыцаря изъ исчезнувшихъ временъ. У графини трое очень симпатичныхъ красивыхъ сыновей, и когда они появляются всѣ втроемъ въ салонѣ, всѣ женщины завидуютъ ихъ матери.

Для меня также было большой радостью встрѣтить здѣсь милаго, умнаго Вилли Радовица, съ матерью котораго, прелестной Надиной Радовицъ, урожденной Озеровой, я была въ большой дружбѣ. Вилли былъ другомъ моихъ дѣтей. Онъ занималъ постъ посланника въ Парижѣ и Вашингтонѣ и считается однимъ изъ лучшихъ людей Германіи. Нынѣ онъ занимается адвокатурой и имѣетъ большую практику въ Берлинѣ. Его прелестная жена, урожденная графиня Матушко, и онъ, приняли меня какъ свою старую родственницу, и я чувствовала себя прекрасно въ ихъ домѣ.

Начало революціи.

Это было 27-го февраля 1917 года. У меня было за ужиномъ нѣсколько моихъ хорошихъ друзей: князь и княгиня Куракины, жившіе въ теченіи 25 лѣтъ въ первомъ этажѣ моего дома и бывавшіе очень часто у меня; князь Мингрельскій; оба барона Пилара, отецъ и сынъ; послѣдній рижскій губернаторъ Звегинцевъ; Николай Безакъ; нашъ общій другъ Губастовъ и фонъ Строльничъ — вице-президентъ русскаго историческаго общества, впослѣдствіе разстрѣлянный большевиками. Князь Мингрельскій и Губастовъ погибли отъ холода, голода и отъ другихъ лишеній.

Мой дворецкій, старикъ Андрей, доложилъ, что кушать подано. Онъ распахнулъ широко дверь и мы вошли въ столовую, какъ вдругъ рѣзкіе крики, вопли отчаянія и ужаса донеслись до нашихъ ушей. Въ то же мгновеніе ворвались къ намъ въ столовую лакеи, кухонные мужики, повара въ бѣлыхъ фартукахъ, поварята, горничныя и истерически кричали: «бѣгите, бѣгите! вооруженныя банды ворвались чернымъ ходомъ и ранили двухъ, хотѣвшихъ ихъ остановить, дворниковъ; они сейчасъ сюда нахлынутъ. Бѣгите, бѣгите!»

— Фонъ Пиларъ схватился за саблю, желая оказать сопротивленіе. Но было ясно, что онъ былъ бы убитъ и его кровь принесла бы намъ всѣмъ погибель. Я схватила его за руку, умоляя слушать меня и помочь моему бѣгству. Мы ринулись вмѣстѣ со всѣми остальными приглашенными по широкой парадной лѣстницѣ и успѣли спастись. Опоздай мы на нѣсколько секундъ — мы всѣ были бы умерщвлены. Съ непокрытой головой, безъ пальто, въ ажурныхъ чулкахъ и туфляхъ, бѣжали мы по глубокому снѣгу, при 15-ти градусномъ морозѣ, въ противоположный домъ, въ которомъ занималъ квартиру баронъ Пиларъ съ сыномъ. Нѣсколько мгновеній спустя мы увидали свѣтъ въ окнахъ моей квартиры, гдѣ въ бальномъ залѣ горѣли, не горѣвшіе съ начала войны, большія люстры. Толпа, вооруженная топорами, ружьями, палками бѣгала по всѣмъ комнатамъ, срывала гардины съ оконъ, тянула столы на середину комнаты, такъ какъ, очевидно, этимъ непрошеннымъ гостямъ не хватало столовъ находящихся въ столовой. Немного спустя мы увидали, какъ мой дворецкій разносилъ имъ блюда. Солдаты и матросы тащили много супныхъ вазъ и бутылокъ. Чокались съ моей прислугой. Приносили все новыя бутылки изъ моего виннаго погреба. До поздней ночи наблюдали мы эту оргію, отъ которой не были въ силахъ оторвать глазъ.

Можно подумать, что я передаю сцену изъ французской революціи. Увы, къ сожалѣнію, наша революція, восторженно встрѣченная какъ у насъ въ Россіи, такъ и за границей, революція, названная кадетами «безкровной», на много превзошла французскую революцію своими кровавыми ужасами и продолжительностью. Одинъ мой французскій другъ, графъ де Робіэнъ, какъ-то мнѣ ска-

залъ: «разница между вашей и французской революціей заключается въ томъ, что Франція имѣла «Вандею», Людовикъ XVI-й — свою охрану, царская семья — Филиппа Эгалитэ. Въ Россіи же не было «Вандеи», Николай II не имѣлъ охраны, а ваша Царская Семья имѣла много Филипповъ Эгалитэ.»

Подъ утро мы разошлись и Пилары уступили мнѣ диванъ, на которомъ я прилегла на пару часовъ, но уснуть не могла. Днемъ мы увидѣли, что мой домъ превратился въ цитадель, въ которой продолжала хозяйничать грязная банда красноармейцевъ. Надъ квартирой Пиларовъ жилъ членъ государственной думы, хорошій, уважаемый человѣкъ, М. Крупенскій, бывшій крупнымъ землевладѣльцемъ въ Бессарабіи. Я просила его гостепріимства и была чрезвычайно сердечно принята его семьей. Когда мы сидѣли за чаемъ, боязливо дѣлясь впечатлѣніями, сотни грузовиковъ съ вооруженными людьми проѣзжали по Сергіевской, проходила масса солдатъ подъ предводительствомъ офицеровъ съ сорванными погонами и съ красными бантами въ петлицахъ. Большинство изъ этихъ офицеровъ напоминало мнѣ барановъ, ведомыхъ на закланіе.

Подъ вечеръ ворвались къ намъ, въ квартиру Крупенскихъ, гдѣ находились, кромѣ семьи Крупенскихъ, княгиня Кантакузенъ и я, банды солдатъ. Крупенскій былъ арестованъ. Княгиня Кантакузенъ мнѣ шепнула: «бѣжимъ въ китайское посольство, я знакома съ посланникомъ, я увѣрена, что мы можемъ тамъ скрыться.» Сквозь кричащую толпу людей, подъ звуки выстрѣловъ, неизвѣстно куда и кѣмъ направляемыхъ, бѣжали мы въ китайское посольство, находящееся на той же улицѣ.

Китайскій посолъ принялъ насъ чрезвычайно тепло. Его жена и прелестные дѣти окружили насъ трогательными знаками вниманія. До смерти сохраню я къ этимъ благороднымъ людямъ чувство глубокой благодарности. Въ виду того, что я не имѣла съ собой ни платья, ни бѣлья, китаецъ — слуга, получивъ разрѣшеніе на входъ въ мой домъ, досталъ постепенно у моей домоправительницы необходимыя мнѣ вещи. Черезъ него я узнавала о происходящемъ у меня дома: всевозможные солдаты и женщины, которыхъ было нѣсколько сотъ человѣкъ, спали во всѣхъ моихъ салонахъ и корридорахъ; они грабили и уничтожали все, что имъ попадалось въ руки; мои слуги выглядѣли полу — помѣшанными и нѣкоторые изъ нихъ, отъ страха и волненія, заболѣли. Что касается двухъ раненныхъ дворниковъ, то одинъ изъ нихъ былъ до того тяжело раненъ, что его отправили въ больницу.

— На третій день моего бѣгства, когда мы, т. е. семья посла, княгиня Кантакузенъ и я, сидѣли за обѣдомъ, двери были взломаны ударами прикладовъ, и приблизительно 15 солдатъ, во главѣ съ вольноопредѣляющимся, ворвались къ намъ въ столовую. Посланникъ и его первый секретарь пытались имъ объяснить, что они не имѣютъ права врываться въ зданіе посольства. Не смотря на то, что эти слова были произнесены на прекрасномъ русскомъ языкѣ, ворвавшаяся банда дѣлала видъ, что съ нею говорятъ по китайски. Они заявили, что они пришли арестовать графиню Клейнмихель, за то, что она стрѣляла, собственноручно изъ пулета въ народъ.

Затѣмъ отецъ одного парикмахера и жена швейцара (оказавшаяся прислугой графини Лили Ностицъ) утверждали, что они собственными глазами видѣли, что я, по

совершеніи такаго преступленія, полѣзла на крышу моего дома и этими, моими руками, въ теченіи часа сигнализировала германскому Императору Вильгельму, съ цѣлью предать русскую армію.

Китайскій посолъ тотчасъ же обратился къ бывшему всесильнымъ, англійскому посланнику, прося его вліянія и помощи; онъ сообщилъ ему, не называя моего имени, что у него ищутъ спасенія двѣ дамы. Сэръ Джоржъ Бьюкенэнъ отвѣтилъ, что онъ обѣщалъ Милюкову не мѣшаться во внутреннія дѣла Россіи, что онъ отказался отъ права защиты и что эту роль взяли на себя Палеологъ и маркизъ Карлотти. Китайскій посолъ не хотѣлъ меня выдавать и былъ готовъ защищать меня собственной особой. Но, когда я увидала, какой оборотъ приняло дѣло, я боялась, что эти добрые китайцы и ихъ прелестныя дѣти, могутъ, благодаря мнѣ, пострадать отъ дикой солдатской орды и сказала пришедшимъ, что готова за ними слѣдовать куда имъ угодно. Графиня Кантакузенъ поступила также, какъ и я, но ей, какъ болѣе молодой и подвижной удалось на улицѣ, смѣшавшись съ толпой, скрыться. Сопровождавшіе меня солдаты все время приказывали мнѣ идти впередъ, говоря, что они должны доставить меня въ Государственную думу, гдѣ предсѣдатель думы, Родзянко велитъ меня повѣсить. Я имъ на это отвѣтила: «я не могу идти такъ быстро, какъ вы.» и когда они замѣтили, какъ тяжело я дышу, одинъ изъ нихъ, не безъ добродушія, сказалъ: «ты права. Ты слишкомъ стара, чтобы продѣлать этотъ длинный путь пѣшкомъ. Мы поищемъ для тебя автомобиль.» — «Пусть старуха идетъ пѣшкомъ, она продала армію Вильгельму.» — «Видно, ты ей помогалъ, что такъ хорошо объ этомъ знаешь», возвра-

зилъ ему первый. «Ахъ ты негодяй, ты ее защищаешь? васъ обоихъ повѣсятъ за это», — и между ними возгорѣлась ссора. Не будь мнѣ 72-хъ лѣтъ, мнѣ было бы легко скрыться, такъ заняты были они оба своею ссорой. Въ это мгновеніе къ намъ приблизился автомобиль, въ которомъ сидѣло пять офицеровъ. Солдаты его задержали, приказавъ офицерамъ сойти и уступить свое мѣсто графинѣ Клейнмихель, которую они должны доставить въ Государственную думу, такъ какъ она предала Россію и стрѣляла въ русскій народъ. Офицеры были очень удивлены и, сперва, отказались уступать свои мѣста. Но, когда солдаты начали давать волю рукамъ и пустили въ ходъ ружейные приклады, эти пять вооруженныхъ съ ногъ до головы офицеровъ, вмѣсто того, чтобы защищаться, смиренно и безпрекословно уступили мнѣ свои мѣста. Потянувъ меня за собою, солдаты полѣзли въ автомобиль и вскарабкались на сидѣніе шофера. Два солдата держали меня за руки, двое другихъ за ноги, и, вѣроятно въ виду той страшной опасности, какую я для нихъ представляла, — ихъ начальникъ, вольноопредѣляющійся держалъ у самаго моего виска дуло револьвера. Онъ былъ сильно пьянъ, рука его дрожала, и я видѣла, что вотъ - вотъ можетъ раздаться выстрѣлъ, такъ какъ дуло револьвера то скользило по моему виску, то касалось моего носа. «Господинъ вольноопредѣляющійся», сказала я: «вы, какъ я вижу, человѣкъ интеллигентный и, вѣроятно, поэтому нервный. Не думаете ли Вы, что Вы сдѣлали бы лучше, спрятавъ вашъ револьверъ въ кобуру? Вы можете случайно убить одного изъ солдатъ или самаго себя, а это было бы потерей для отечества. Я обѣщаю Вамъ не примѣнять по отношенію къ Вамъ никакихъ насилій.»

Онъ казалось былъ очень польщенъ тѣмъ, что я назвала его интеллигентомъ: «Вы правы, я дѣйствительно интеллигентный и нервный человѣкъ». Положивъ револьверъ въ кобуру, онъ сталъ мнѣ разсказывать о своихъ неудачахъ на службѣ, о семейныхъ неурядицахъ, о томъ, насколько онъ выше своихъ товарищей. Онъ считалъ себя ими непонятымъ. Когда мы подъѣхали къ зданію Государственной думы, онъ помогъ мнѣ сойти и дружески пожалъ мою руку. Каково же было мое удивленіе, когда онъ важнымъ тономъ заявилъ караулу, что онъ привезъ предсѣдателю важную политическую преступницу.

Я забыла сказать, что по пути я расспрашивала его и солдатъ — какимъ образомъ они узнали мѣсто моего пребыванія. Они мнѣ сказали, что отъ моихъ людей имъ ничего не удалось узнать, и назвали мнѣ открывшаго имъ мое убѣжище. Съ болью въ душѣ услыхала я имя меня предавшаго, — я считала его въ теченіи многихъ лѣтъ моимъ другомъ. Въ теченіи 40 лѣтъ мы находились въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, съ женой его я была, какъ съ сестрой, и нѣжно любила его дочь.

Съ тѣхъ поръ этотъ человѣкъ сталъ преслѣдовать меня своей ненавистью. По словамъ окружавшихъ его, онъ распространялъ про меня клевету, которая, если бы дошла до фанатически настроенной, безумствующей толпы, несомнѣнно послужила бы поводомъ къ позорному лишенію меня жизни. Случайно, помимо его вѣдома, я услыхала изъ устъ его выраженіе обо мнѣ, подтвердившее то, что мнѣ со всѣхъ сторонъ о немъ говорили.

Дворъ Государственной Думы былъ полонъ людей, и солдаты могли съ трудомъ пробивать себѣ дорогу. Но вольноопредѣляющійся кричалъ во весь голосъ: «мѣсто,

мѣсто для политической преступницы!», и насъ впустили въ одну изъ комнатъ. Я была тотчасъ-же окружена нѣсколькими знакомыми членами думы, которые съ удивленіемъ меня разспрашивали — зачѣмъ я сюда пришла и кого я здѣсь ищу. «Я пришла, потому что меня арестовали», отвѣтила я. «Кто Васъ арестовалъ?» разспрашивали меня со всѣхъ сторонъ. Начали повсюду наводить справки и выяснилось, что никто не давалъ такого распоряженія, и одинъ изъ присутствующихъ сталъ наивно упрекать меня въ томъ, что я позволила себя арестовать безъ предъявленія мнѣ ордера объ арестѣ. Хотѣла-бы я видѣть, какъ бы онъ разсуждалъ съ 15-тью пьяными солдатами! Стали искать приведшихъ меня солдатъ, хотѣли получить отъ нихъ объясненіе, но они исчезли, и вмѣстѣ съ ними, вольноопредѣляющійся!

Безпрерывно подъѣзжали автомобили съ арестованными министрами, сановниками и генерелами. Огромный залъ Таврическаго дворца, гдѣ нѣкогда «великолѣпный» Потемкинъ устраивалъ столько празднествъ въ честь Сѣверной Семирамиды, этотъ залъ, видалъ въ послѣдній разъ въ своихъ стѣнахъ собраннымъ все, что столица имѣла изъ знати, высокопоставленныхъ лицъ, виднѣйшихъ и штатскихъ и военныхъ сановниковъ.

Стѣны зала, звучавшаго хвалебными гимнами абсолютизму, слыхали нынѣ лишь вздохи и рыданія. Арестованный генералъ, безъ силъ опустился на сосѣдній стулъ. Нѣсколько членовъ думы любезно предложили мнѣ чашку чая. Потрясенный до глубины души генералъ говорилъ, волнуясь: «графиня, мы присутствуемъ при гибели великой страны!»

Безпрерывно проводили мимо меня арестованныхъ знакомыхъ. Вдругъ, въ одномъ изъ сосѣднихъ залъ, раздался страшный шумъ. Черезъ полуоткрытое окно врывались съ улицы крики. Кто то сказалъ: «войска требуютъ, чтобы имъ выдали генерала Сухомлинова для растерзанія», и въ это же мгновеніе въ залъ втолкнули бывшаго военнаго министра. Мундиръ на немъ былъ изодранъ, ордена похищены, погоны и аксельбанты срѣзаны. Юноши, почти мальчики, въ офицерской формѣ, хватали его за руки и толкали, что, конечно, позорило дѣлавшихъ это болѣе, чѣмъ ихъ жертву. Виновный или невиновный, въ этотъ моментъ, Сухомлиновъ былъ безусловно жертвой.

Ревъ толпы все время возрасталъ, и депутаты думали успокоить толпу тѣмъ, что они, окруживъ Сухомлинова тѣснымъ кольцомъ, въ видѣ охраны, проведутъ его мимо солдатъ. Это была первая уступка истерически-безумствующей толпѣ; увы, это было лишь началомъ! Это былъ первый актъ того, что впослѣдствіи вылилось въ большевизмъ . . .

Многіе депутаты совѣтовали мнѣ не возвращаться домой, въ виду того, что на улицахъ грабятъ, и предложили мнѣ остаться въ помѣщеніи Государственной Думы, пока не будетъ учрежденъ кабинетъ охраны жителей. Мнѣ указали на уголъ большого зала, частью еще занятый стенотипистками, которымъ какой-то юный, носатый Демосѳенъ диктовалъ текстъ своей рѣчи, одной изъ тѣхъ рѣчей, которыя своимъ безстыдствомъ разжигали фанатически настроенную толпу. Эта рѣчь должна была на слѣдующій день появиться въ газетахъ.

Я провела ночь въ креслѣ, не раздѣваясь. Ночью приносили много раненныхъ и клали ихъ на диваны. На слѣ-

дующее утро я вышла узнать что происходитъ. Я узнала новости, радостныя для однихъ и горестныя для другихъ; я слыхала много рѣчей, и когда я увидѣла во главѣ гвардейскаго экипажа Великаго Князя Кирилла Владиміровича революціонная осанка котораго восхищала солдатъ, я поняла, что династіи нанесенъ тяжелый ударъ. Впослѣдствіи говорили, что Великому Князю посовѣтовалъ такъ поступить англійскій посолъ. Я увѣрена, что Кириллъ не разъ, впослѣдствіи, въ этомъ раскаивался. Всѣ эти переживанія были очень грустны, но тѣмъ не менѣе, преисполнены такого болѣзненнаго любопытства, что мнѣ кажется, я едва бы замѣтила, если бы меня тогда убили. — Я обѣдала вмѣстѣ съ сестрами милосердія и стенотипистками. Обѣдъ состоялъ изъ чернаго хлѣба съ сыромъ и стакана чая.

Представитель прессы.

Въ этотъ вечеръ число получившихъ увѣчія въ уличной давкѣ, изъ котораго часть являлась жертвой личной мести, другая же пострадала отъ несчастнаго случая, было такъ велико, что не хватало сестеръ милосердія. Я предложила свои услуги и помогала имъ по мѣрѣ силъ моихъ. Принесли толстаго господина, — съ нимъ случился сердечный припадокъ и онъ выглядѣлъ умирающимъ. Глаза его вылѣзли изъ орбитъ, и онъ хрипѣлъ, задыхаясь: «воздуха, побольше воздуха». Я растегнула ему сорочку, влила ему въ ротъ нѣсколько капель какого-то лекарства, поданнаго мнѣ, очень занятой другимъ больнымъ, сестрой; сняла ботинки съ его опухшихъ ногъ и обвѣвала его, сложеннымъ въ видѣ вѣера, газетнымъ листомъ. Онъ глубоко вздохнулъ и пришелъ въ себя: «спасибо», сказалъ онъ мнѣ, «спасибо. Мнѣ казалось, что я умираю, теперь мнѣ стало легче!» Онъ поцѣловалъ мнѣ руку. «Назовите мнѣ ваше имя — я хотѣлъ бы знать, къ кому я долженъ сохранить благодарную память». «Я — графиня Клейнмихель». Онъ приподнялся: «какъ, Вы, Вы графиня Клейнмихель? Вы меня спасли? меня, написавшаго столько статей о Васъ, которыя, быть можетъ, повлекутъ за собою

Вашу смерть?» — Лѣвая и національная пресса предприняли противъ меня походъ. Статьи обо мнѣ, помѣщенныя въ нихъ, одна другой безсмысленнѣе, были полны уличеній меня во всевозможныхъ преступленіяхъ, между прочимъ — въ пониженіи русскаго рубля. Часто въ этихъ статьяхъ мое имя соединялось съ именами лицъ, никогда мною не виданныхъ; сообщались слова произнесенныя мною, какихъ я никогда не произносила, мѣста посѣщаемыя мною, гдѣ я никогда въ жизни не была.

«Почему же Вы совершали такую низость?» спросила я его. «Я корреспондентъ «Петербургской Газеты», «Копѣйки», газеты Бориса Суворина и многихъ другихъ періодическихъ изданій. Наша профессія — некрасивая профессія. Я долженъ былъ повиноваться тѣмъ указаніямъ, которыя мнѣ дѣлали люди, отъ которыхъ я завишу, а кромѣ того,—чѣмъ больше сенсація, тѣмъ больше гонораръ». — «Но Вы, конечно, опровергнете эту ложь. Я считаю себя въ правѣ ожидать, что Вы отнынѣ станете меня защищать отъ возведенной на меня клеветы». Онъ отвѣтилъ, вздохнувъ: «я сдѣлалъ бы это съ удовольствіемъ, но я не могу этого сдѣлать. Въ настоящее время ни одна газета не помѣститъ опроверженія, касающагося Васъ. Вѣрьте мнѣ, я Васъ искренно жалѣю. Большая разница — преслѣдовать человѣка, котораго не знаешь и никогда не увидишь и который, такимъ образомъ, является лишь абстрактной идеей, или же — видя его и чувствуя его дружескую руку на своемъ горячемъ лбу... Помните — Верещагина въ «Войнѣ и Мирѣ», этого ни въ чемъ неповиннаго человѣка, котораго выдалъ толпѣ графъ Ростопчинъ?

Наше безпокойное время требуетъ жертвъ. Вы — тотъ кусокъ мяса, который бросаютъ разъяреннымъ звѣрямъ.

Вы этимъ платите за то, что Васъ всѣ знаютъ. Кто желаетъ прожить счастливо, тотъ пусть живетъ въ неизвѣстности. Васъ уже никто не можетъ спасти: тысячи газетъ печатаютъ завтра на своихъ страницахъ то, что мы сегодня о Васъ выдумываемъ.» Онъ говорилъ такъ взволнованно, что съ нимъ повторился его сердечный припадокъ. Онъ не хотѣлъ называть своего имени. Я была очень растроена послѣ этого разговора. Вечеромъ я почувствовала себя такой усталой, что постеливъ пальто на диванѣ, съ котораго только что убрали скончавшагося солдата, совершенно разбитая, я растянулась и тотчасъ же заснула. Подъ утро я была разбужена стукомъ нѣсколькихъ пишущихъ машинъ, заглушаемымъ громкимъ голосомъ какого-то полковника генеральнаго штаба, диктовавшаго съ пафосомъ Манифестъ объ отреченіи Государя, Императора Николая II. — И такъ, все было кончено.! Я не могла удержать слезъ, и вспомнила слова, произнесенныя больнымъ генераломъ: «мы присутствуемъ при гибели великой страны». Сколько ошибокъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и сколько славы, сколько мощи схоронено сегодня! Какъ и всѣ умѣренные въ своихъ возрѣніяхъ люди, я никогда никому не сумѣла угодить: одни меня считали слишкомъ либеральной, другіе — слишкомъ реакціонной. Я часто порицала противозаконія, совершавшіяся во имя абсолютизма, но, тѣмъ не менѣе, мнѣ всегда казалось, что лишь единая власть была бы въ силахъ соединить въ одно такія различные, въ ихъ привычкахъ, стремленіяхъ и духовномъ развитіи, народности, какъ населяющія нашу обширную территорію — Греки, Поляки, Нѣмцы, Евреи, Мусульмане и даже огнепоклонники.

— Выпивъ стаканъ чая, я покинула комнату, видя, что мое подавленное настроеніе раздражаетъ всѣхъ этихъ ликующихъ и обнимающихся стенотипистокъ, сестеръ, студентовъ и офицеровъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза едва я вышла въ корридоръ, это большая группа офицеровъ царскаго конвоя: это были — кавказцы, о преданности которыхъ я слыхала всю мою жизнь. Эти офицеры не удовольствовались красными бантами въ петлицахъ, но надѣли еще широкія, красныя ленты черезъ плечо. Они были окружены депутатами, пожимавшими имъ съ благодарностью руки. Да, секретарь французскаго посольства, графъ де Робіенъ, былъ правъ: Николай II не имѣлъ не только швейцарской, но даже и своей охраны! Безпрерывно прибывали все новыя депутаціи. Дворъ и площадь передъ зданіемъ Государственной Думы были переполнены солдатами.

Ежеминутно Родзянко появлялся на балконѣ, и эти появленія сопровождались неописуемыми восторженными оваціями. Крики восторга вырывались у тѣхъ же людей, которые нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ кричали восторженно: ура! Николаю II. Съ удовольствіемъ передавали другъ другу въ думскихъ кулуарахъ, что гордовые, быть можетъ единственные оставшіеся вѣрными своему долгу, слуги отечества, были самымъ жестокимъ образомъ умерщвлены. Однихъ сожгли на сорной кучѣ, другихъ утопили, третьихъ истязали на разные лады. Министерство юстиціи было сожжено.

Арсеналъ — разгромленъ, а два находившіеся въ немъ, въ то время, генерала были убиты. Двери всѣхъ тюремъ были открыты и всѣ политическіе и уголовные преступники были выпущены на свободу. На всѣхъ дворцахъ и

домахъ развѣвались красные флаги. На третій день, вечеромъ, рѣшилась я вернуться домой. Нѣсколько депутатовъ составили мнѣ свидѣтельство, которое должно было послужить мнѣ пропускомъ. На углу одной изъ улицъ я встрѣтила Великаго Князя Николая Михайловича, идущаго, какъ и я, пѣшкомъ. Онъ меня остановилъ, разспрашивалъ о моемъ арестѣ, сказалъ, что многіе мои друзья думали, что я нахожусь въ Петропавловской крѣпости, и прибавилъ, что я найду въ его мемуарахъ статью о солидарности высшихъ круговъ общества, написанную имъ вчера и что въ этой статьѣ онъ говоритъ и обо мнѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что онъ вчера обѣдалъ у графини Д. (я могла разсчитывать на самыя лучшія чувства ко мнѣ со стороны этой молодой особы, бывшей съ ранняго дѣтства такъ тепло и дружественно принятой въ моей семьѣ). И вотъ, эта молодая особа, по словамъ Великаго Князя, клеветала на меня во время обѣда, утверждая, что у меня нашли переписку съ генераломъ Сухомлиновымъ, доказывающую мое предательство. Ее въ этомъ поддерживалъ тотъ «другъ», о которомъ я уже упоминала въ предыдущей статьѣ. Прибавлю, что это заявленіе графини Д. мнѣ впослѣдствіи подтвердила бывшая на томъ же обѣдѣ тетка графини, баронесса фонъ М. Николай Михайловичъ разсказывалъ объ этомъ многимъ членамъ Яхтъ-Клуба.

Вернувшись домой, я застала мою квартиру почти всю разгромленной, — многое было похищено, много мебели попорчено. Кромѣ того, комиссаръ устроилъ въ моемъ домѣ продовольственный пунктъ для солдатъ изъ окрестностей Петербурга, потерявшихъ связь съ своими частями. Эти господа, безпрепятственно сновавшіе повсюду, обратили мой домъ въ большой трактиръ, въ которомъ студен-

ты и курсистки варили имъ обѣды не только на кухнѣ, но и въ салонахъ. Студенты и курсистки держали рѣчи, пѣли революціонныя пѣсни и подъ звуки рояля предавались какой-то безумной пляскѣ.

Тотчасъ, послѣ моего возвращенія, меня заставили въ знакъ моего принудительнаго гостепріимства внести 5.000 рублей. Двѣ недѣли провела я въ этомъ отвратительномъ сосѣдствѣ. Мнѣ предоставили двѣ комнаты, моей же прислугѣ — восемь.

— Я никогда болѣе не увижу Италіи... Никогда! Сколько грусти заключается въ этихъ словахъ! Мои скромныя средства не позволяютъ мнѣ согрѣваться лучами солнца Италіи, любоваться прелестными пейзажами римской Кампаніи, которую я тамъ любила, которою я такъ восторгалась; не увижу я болѣе и музеи, и церкви, въ которыхъ я проводила столько часовъ, и произведенія искусства, бывшіе моими старыми друзьями! Никогда болѣе не смогу я посѣтить милые художественные ателье на Віа-Маргута, гдѣ я, подъ руководствомъ моего друга Пістро Габрини, сама немного занималась живописью.

Римъ! Какъ много говоритъ это слово сердцу чуткаго, образованнаго человѣка! Сколько жизни заключается въ этихъ старыхъ руинахъ, кажущихся болѣе живыми, чѣмъ всѣ памятники новаго времени! Какой-то французскій писатель сказалъ, что каждый въ Римѣ находитъ то, что онъ туда принесъ въ своей душѣ. Какъ это вѣрно! Не мало вечеровъ проводила я на сѣверѣ въ обществѣ Гете, Ранке, Гервиніуса, Тэна, Сенкевича, Маріи Корелли и другихъ знаменитостей; назову еще Мориса Палеолога, который въ своей прекрасной книгѣ, посвященной описанію Рима, раскрываетъ всѣ сокровища своихъ глубокихъ по-

знаній; затѣмъ — Поля Бурже. Всѣмъ имъ я должна быть благодарной за то, что каждый уголъ, каждый камень въ Римѣ имѣетъ для меня свое значеніе.

Въ молодости я бывала въ Римѣ, но изъ всѣхъ тѣхъ, кого я часто тамъ видала, теперь уже никого нѣтъ въ живыхъ. Мой старый другъ Сольмсъ жилъ въ палаццо Каффарелли, нынѣ уже не существующемъ. Графъ Ревертера, бывшій австрійскій посолъ—при Ватиканѣ; баронъ фонъ Брукъ — въ Квириналѣ; баронъ фонъ Икскюль жилъ въ зданіи русскаго посольства, въ паллаццо Чиги. Извольскій, тогда еще былъ молодымъ, блестящимъ совѣтникомъ посольства, и лишь впослѣдствіи былъ призванъ возобновить добрыя отношенія между Россіей и священнымъ престоломъ. Затѣмъ назову еще умнѣйшаго изъ нашихъ дипломатовъ, барона Эрнста Мейендорфа; мою старую тетку, графиню Ржевусскую; княгиню Палавичинни, графа Сомагліа; моего двоюроднаго брата — Талатеска. — Ихъ всѣхъ уже нѣтъ на свѣтѣ!..

Я часто пріѣзжала въ Римъ, такъ какъ дочь моя была замужемъ за русскимъ посланникомъ, барономъ Модестомъ фонъ Корфъ, и стала настоящей италіанкой. Оба они прожили въ Римѣ 15 лѣтъ. И братъ мой, графъ Александръ фонъ Келлеръ, долго служившій въ посольствѣ, сталъ настоящимъ римляниномъ. На Віѣ Систинѣ, старый графъ Григорій Строгановъ, этотъ извѣстный коллекціонеръ, устроилъ въ своемъ домѣ прекрасный музей, который я съ удовольствіемъ посѣщала. Много интересныхъ часовъ провела я въ обществѣ стараго графа и его друга, скульптора д'Эпинай, прекраснаго художника и блестящаго человѣка общества.

Судьба сжалилась надъ графомъ Строгановымъ: онъ умеръ не узнавъ, что его дочь, красивая княгиня Щербатова, съ внучкой и внукомъ его, а также и съ невѣстками, годъ тому назадъ были умертвлещены большевиками въ ихъ замкѣ Немировѣ (близь принадлежавшаго имъ города).

Вилла Мальта была построена графомъ Леономъ Бобринскимъ и его супругой, оказавшей столько вниманія мнѣ и моему брату. Графъ Бобринскій имѣлъ красивѣйшія въ мірѣ розы, которыя онъ поливалъ бульономъ, роскошь которую и Ротшильдъ не могъ бы себѣ позволить.— У нихъ я встрѣтила донну Лауру Мингетти и донну Франческу Кассели. Первую я встрѣчала впослѣдствіи часто на виллѣ Мальта, когда эта раскошная вилла перешла во владѣніе князя Бюлова.

У Бюловыхъ я также проводила прелестные вечера въ обществѣ князя и обѣихъ выдающихся женщинъ, окружавшихъ его такимъ вниманіемъ и любовью. Князь Бюловъ, какъ извѣстно, не только большой государственный дѣятель,но и блестящій, остроумный собесѣдникъ. Картины людскихъ отношеній, которыя онъ рисовалъ передъ нашими глазами, благодаря его большой наблюдательности и познаніямъ, доставляли огромное наслажденіе интимному кругу его друзей въ тихомъ уютѣ его римскаго дома.

Въ паллаццо Каффарелли жила вдова моего брата, урожденная княжна Шаховская, вышедшая затѣмъ замужъ за нѣмецкаго посланника Флотова. Я очень любила мою невѣстку и очень уважала ее за ея прямой, откровенный характеръ. Она была блестящей свѣтской дамой. Еще недавно помѣстила она въ „Revue Contemporaine“ воспоминанія о своемъ пребываніи на Кавказѣ во время господ-

ства тамъ большевиковъ, жертвой издѣвательствъ которыхъ пришлось ей быть и спастись отъ нихъ какимъ-то чудомъ.

Красивый паллаццо Венеція, мѣстопребываніе австрійскаго посольства при Ватиканѣ, былъ занятъ принцемъ Шенбургомъ и его женой, урожденной принцессой фонъ Эттингенъ. Ихъ квартира была произведеніемъ искусства временъ ренессанса; ихъ пріемы, которымъ присутствіе кардиналовъ придавало особый блескъ, отличались роскошью, достойной представителей обоихъ большихъ домовъ — Шенбургъ и Эттингенъ. Я познакомилась съ принцемъ Шенбургомъ въ Петербургѣ, когда онъ былъ секретаремъ у своего дяди, принца Франца Лихтейнштейна, этого рыцарскаго вида аристократа, любителя и знатока искусства, такъ уважаемаго всѣми нами.

Боюсь, что, къ моему искреннему сожалѣнію, я также никогда болѣе не встрѣчусь съ Крупенскимъ, этимъ жизнерадостнымъ, сердечнымъ человѣкомъ. Крупенскіе были милыми, гостепріимными людьми. Она такъ умѣла побѣждать свои тѣлесные недуги въ угоду своимъ обязанностямъ, какъ жена посланника.

Назову еще домъ княгини Бишетъ Радзивиллъ, этотъ гостепріимный домъ, гдѣ всѣ были такъ дружески принимаемы. Гостепріимство было старымъ обычаемъ этого дома. Мать княгини, графиня Браницкая, славилась роскошью своихъ пріемовъ въ Ниццѣ, Парижѣ, Варшавѣ и на Украинѣ, старая графиня Браницкая, недавно умершая, въ то время какъ петлюровскіе солдаты разоряли ея историческое помѣстіе въ Бѣлой-Церкви!

Я не должна забыть упомянуть донну Марію Мацолени, сіявшую во время моего перваго пребыванія въ Ри-

мѣ, своей красотой и привѣтливостью, которыми любовалась Европа и которыя я нашла неизмѣнными во время моего послѣдняго посѣщенія ее въ ея домѣ.

Помню я также хорошо бельгійскаго посла Лео Джайтъ и его супругу, чей салонъ былъ долгое время однимъ изъ самыхъ посѣщаемыхъ въ Римѣ. Мадамъ Лео Джайтъ находилась тогда въ Парижѣ, чтобы ухаживать за своимъ больнымъ мужемъ, бывшимъ посланникомъ въ Петербургѣ и въ Парижѣ.

Вспоминаю я также супруговъ Вурцъ, собравшихъ сокровища всего міра въ одинъ изъ красивѣйшихъ дворцовъ стараго Рима, въ которомъ они такъ сердечно принимали своихъ друзей. Ихъ коллекція парчи и стариннаго серебра, пріобрѣтенная ими въ Россіи, несомнѣнно единственная на свѣтѣ. Госпожа Вурцъ была сестрой Шарлемана Товера, посла Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, а затѣмъ въ Берлинѣ. Я его часто видала у себя въ Петербургѣ, а затѣмъ на моей дачѣ, на Островахъ. Онъ былъ прекраснымъ писателемъ и авторомъ, быть можетъ самаго лучшаго, историческаго изысканія о Лафайэтѣ. Въ Петербургѣ, какъ и въ Берлинѣ, онъ былъ очень цѣнимъ въ высшемъ обществѣ. —

Одинъ изъ послѣдующихъ за нимъ пословъ, Мистеръ Ленгерке Мацеръ, жилъ въ теченіи одной зимы въ моемъ домѣ, когда я повезла мою больную дочь за границу, и какъ впослѣдствіи испанскій флагъ, такъ вѣялъ тогда надъ моимъ домомъ, на Сергіевской, полосатый, съ звѣздами въ углу, флагъ Соединенныхъ Штатовъ. Къ сожалѣнію этотъ флагъ не принесъ мнѣ спасенія, а, наоборотъ, лишь привлекъ на мой домъ вниманіе красныхъ бандъ . . .

Но вернемся къ Риму. Мои мысли направляются теперь къ прелестному парку вокругъ дома fuori mura, въ которомъ жили Абамеликъ-Лазаревы, и я съ любовью вспоминаю прелестную, обворожительную Монну, хореографическій талантъ которой восхищалъ всю Европу. Въ прелестныхъ чертахъ ея лица отражалась ея душевная доброта. Съ грустью вспоминаю я ея мужа, котораго я въ послѣдній разъ видѣла при странныхъ обстоятельствахъ. Это было вскорѣ послѣ объявленія войны. Я совершала прогулку по Елагину острову и вдругъ увидѣла среди поляны сидѣвшаго и набрасывавшаго что-то въ альбомъ, съ натуры художника. Я подошла къ нему, чтобы взглянуть на его работу, и онъ оказался — княземъ Абамеликомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что переписываетъ свое завѣщаніе и тутъ же посвятилъ меня въ подробности его. Онъ хотѣлъ основать въ Римѣ нѣчто въ родѣ академіи русскаго искусства, на подобіе французской Виллы Медичи. «Я пришелъ сюда, чтобы мнѣ никто не мѣшалъ,» сказалъ онъ мнѣ. Я сочла это за упрекъ и рѣшила удалиться. Но онъ сказалъ, что онъ свою работу окончилъ, и, приведя бумаги въ порядокъ, проводилъ меня домой, гдѣ я предложила ему чашку чая. «Я понимаю, что можно умереть безъ завѣщанія», сказалъ онъ, «но не могу понять, какъ можно и день прожить, не приведя въ порядокъ свое завѣщаніе».

На слѣдующій день я уѣхала въ Крымъ и недѣлю спустя мы получили извѣстіе, что князь Абамеликъ умеръ отъ расширенія сердца.

Я не могу обойти молчаніемъ также и несравненнаго Джіовани Боргезе, преданнаго друга моего брата Александ-

ра. Я знала его цвѣтущимъ юношей и встрѣчала его снова послѣ его страшнаго паденія съ лошади, обезобразившаго его черты, но не умалившаго очарованіе его личности. Жена его, урожденная принцесса Алиса Караманъ теперь уже вдова. Въ прекрасной обстановкѣ палаццо Боргезе я часто встрѣчала княгиню Вигіано, одну изъ виднѣйшихъ римскихъ дамъ, съ которою въ теченіи многихъ лѣтъ меня связывала искренняя симпатія и къ которой я сохранила сердечную признательность.

Маркиза Лео ди Рудини была бы удивлена, если-бы я о ней не вспомнила; и она была-бы права — сколько симпатіи и расположенія она мнѣ выказывала!

Last not least, обѣ королевы... Мои отношенія къ королевѣ Маргаритѣ начались давно: въ 1870 или 1871-мъ году я сопровождала Великую Княгиню, супругу Великаго Князя Константина, въ Монцу, когда королева Маргарита была еще принцессой Пьемонтской. Неудивительно, что я помню эту встрѣчу, но поразительно, какъ *она*, послѣ стольких лѣтъ, не забыла меня. При каждомъ моемъ пріѣздѣ она меня удостаивала долгой аудіенціей. Не стану я говорить объ очарованіи ея личности, о ея душевной красотѣ — это давно всѣмъ извѣстно. Но на что я особенно обратила мое вниманіе, это — на ея основательныя познанія всего того, что касалось Россіи.

Что касается королевы Елены, то меня приводила въ изумленіе своеобразно любезная манера ея пріемовъ. На эти пріемы разрѣшалось появляться два раза въ недѣлю иностранцамъ, высшимъ провинціальнымъ служащимъ и находящимся проѣздомъ въ Римѣ генераламъ. Чай и печенія разносились придворными дамами и кавалерами. Носители стариннѣйшихъ именъ Италіи, изъ которыхъ

каждый въ отдѣльности олицетворялъ цѣлую историческую эпоху, помогали прелестной королевѣ въ ея хозяйскихъ заботахъ. Она переходила отъ одной группы къ другой; просила то того, то другого сѣсть съ ней рядомъ и поговорить. Главной темой ея разговора были ея дѣти,— видно было что она особенно заинтересована ихъ воспитаніемъ. Со мною она говорила преимущественно о жившей у нея ея племянницѣ, сербской принцессѣ Еленѣ, и я могла съ убѣжденіемъ ей передать какъ цѣнима и любима была у насъ, въ Россіи, эта принцесса, вышедшая замужъ за погибшаго нынѣ страшной смертью отъ рукъ большевиковъ в. к. Іоанна Константиновича.

Уѣзжая въ послѣдній разъ въ 1914 году (нѣсколько мѣсяцевъ до начала войны) изъ Рима, я не забыла, придерживаясь старинной сааги, бросить монету (солдо) въ Fontana Trevi. Боюсь, что нынѣ это повѣріе утратило свою силу и что я уже никогда снова не увижу прекрасной Италіи.

Великій Князь Павелъ Александровичъ.

Въ началѣ 1919-го года въ Стокгольмѣ распространился слухъ объ убійствѣ Великаго Князя Павла Александровича. Я знала, что въ Финляндіи образовался союзъ спасенія Великихъ Князей, но знала я также, что среди членовъ этого союза были пылкіе молодые люди, быть можетъ не достаточно осторожные, и въ глубинѣ души я давно боялась — чѣмъ окончатся ихъ старанія.

Молодой, восемнадцатилѣтній, бѣжавшій изъ совѣтской Россіи вольноопредѣляющійся далъ намъ подробныя свѣдѣнія о происшедшемъ. Подъ страхомъ разстрѣла, покинувъ свой караульный постъ, пробрался онъ въ тюремную камеру къ Великому Князю Павлу Александровичу и предложилъ ему свой планъ бѣгства, но Великій Князь не согласился бѣжать.

«Думалъ ли онъ, что здѣсь кроется какая-нибудь ловушка? Считалъ ли онъ этотъ шагъ слишкомъ рискованнымъ? Имѣлъ ли онъ что-либо другое въ виду? — я этого не зналъ и сердце мое, при мысли о немъ, болѣзненно сжималось. Мои опасенія скоро оправдались. Въ попавшейся мнѣ въ руки большевистской газетѣ, я прочелъ

правительственное извѣщеніе со спискомъ разстрѣлянныхъ контръ-революціонеровъ, среди которыхъ были названы имена четырехъ Великихъ Князей: Павла Александровича, Николая Михайловича, Дмитрія Константиновича и Георгія Михайловича. Никакого поясненія за этимъ не слѣдовало. Напечатанныя мелкимъ шрифтомъ, эти имена яркимъ пламенемъ горѣли передъ моими глазами . Мысль о возможности такаго ужаснаго преступленія меня приводила въ содроганіе. Благородный сынъ Александра II, этого Царя — Освободителя, не палъ на полѣ битвы, и не былъ сраженъ пулей заговорщика, но палъ жертвой убійцъ, старающихся облечь въ законную форму свои звѣрства.

Люди, не признающіе права, прикрываясь какими то «законами», приговорили къ разстрѣлу этого невиннаго и много другихъ. Я слыхалъ, что Ленинъ, нѣсколько дней до совершенія этого преступленія, собирался выдать приказъ объ освобожденіи Великихъ Князей. Этотъ приказъ долженъ былъ быть въ то же утро доставленъ Максимомъ Горькимъ въ Петербургъ.

Большевикъ Петерсъ телеграфировалъ предсѣдательницѣ ужасной, кровавой комиссіи для борьбы съ контръ-революціей Яковлевой: «приказъ объ освобожденіи Великихъ Князей подписанъ. Пріймите надлежащія мѣры.» Эта двухсмысленная телеграмма была истолкована Яковлевой на свой ладъ, и думается, что и Петерсъ послалъ не безъ задней мысли, такую телеграмму. Въ морозную январскую ночь четверо Великихъ Князей были переведены изъ тюрьмы въ Петропавловскую Крѣпость и тамъ разстрѣляны» . . .

— Графъ де Сентъ-Соверъ взялъ на себя тяжелую обязанность сообщить объ этомъ страшномъ дѣлѣ несчастной княгинѣ Палей.

— Въ первый разъ въ жизни увидала я Великаго Князя Павла въ Ниццѣ. Онъ былъ тогда прелестнымъ пяти — шестилѣтнимъ ребенкомъ. Мои родители и я были приглашены къ Императрицѣ Маріи Александровнѣ. Она занимала виллу Бермонтъ, гдѣ въ томъ же году умеръ ея сынъ, цесаревичъ Николай. Маленькій Великій Князь Сергѣй и его сестра Марія Александровна, впослѣдствіи герцогиня Эдинбургская, сидѣли уже за столомъ. Маленькій Павелъ пришелъ уже послѣ обѣда. Онъ былъ такъ миловиденъ, что у меня явилось желаніе его расцѣловать, чего я, конечно, не посмѣла сдѣлать. На немъ была бѣлая шелковая рубашка, а на ногахъ — сапоги съ красными отворотами. Императрица, казалось, угадала мое желаніе: «посмотрите, какъ мой маленькій Котъ въ сапогахъ на Васъ смотритъ. Поцѣлуйте же его!» Я покраснѣла отъ удовольствія, получивъ такое разрѣшеніе. Впослѣдствіи, будучи фрейлиной, я часто встрѣчала въ Мраморномъ дворцѣ Великаго Князя Павла. Его тетка, Великая Княгиня, супруга Великаго Князя Константина Николаевича, обожала его также, какъ и его двоюродные братья, Константинъ и Димитрій, бывшіе его лучшими друзьями. Послѣ я встрѣчала его въ гусарской формѣ, при дворѣ и въ обществѣ. Онъ былъ ловкимъ танцоромъ, талантливымъ, выдающимся драматическимъ артистомъ, и не будь онъ принцемъ царской крови, онъ достигъ бы громкой славы. Все русское общество хорошо помнитъ, также какъ и я, постановку «Бориса Годунова» Алексѣя Толстого въ театрѣ Эрмитажа. Великій Князь

Сергѣй, командовавшій тогда Преображенскимъ полкомъ и бывшій впослѣдствіи московскимъ генералъ-губернаторомъ, игралъ — Өеодора, сына Бориса Годунова, игралъ весьма посредственно, но за то роль молодого датскаго принца Христіана, жениха Ксеніи, отравленнаго націоналистами того времени, была блестяще, съ большимъ темпераментомъ исполнена Великимъ Княземъ Павломъ. Находившійся тогда въ Петербургѣ великій итальянскій трагикъ Сальвини, былъ также приглашенъ на этотъ парадный спектакль. Онъ сидѣлъ рядомъ со мной и сказалъ мнѣ: «какъ жаль, что такой большой талантъ погибаетъ для сцены!»

Впослѣдствіи стала я свидѣтельницей, какъ великихъ испытаній, выпавшихъ на долю Великаго князя, такъ и счастья дарованнаго ему судьбой. «Подруга моихъ тяжелыхъ дней,» называлъ онъ меня въ разговорѣ. Когда снова настали для него ясные дни, друзья его стали многочисленными, и я затерялась въ ихъ толпѣ. Тѣмъ не менѣе мы часто встрѣчались то въ Шлангенбадѣ, гдѣ Великій Князь и Великая Княгиня (тогда еще графиня фонъ Гогенфельзенъ) жили, какъ они говорили, въ своемъ «красивомъ зеленомъ уединеніи», то въ Мюнхенѣ, то въ Біаррицѣ, Парижѣ или Царскомъ Селѣ.

Всѣ, знавшіе Великаго Князя, могли убѣдиться въ его благородствѣ. Это была исключительно гармоничная натура. Чрезвычайно вѣжливый съ окружающими, скромный, доброжелательный, онъ тѣмъ не менѣе всегда сохранялъ благородство осанки и, какъ бы ни былъ онъ простъ въ отношеніяхъ съ людьми, нельзя было на минуту забыть, что предъ вами — Великій Князь. Онъ былъ большимъ семьяниномъ и его любимымъ занятіемъ было чте-

ніе. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ Сергѣемъ онъ получилъ, подъ руководствомъ адмирала Арсеньева, очень тщательное образованіе. Преподавателями его были лучшіе ученыя силы столицы. У него были особенныя способности къ языкамъ.

Сколько пріятныхъ вечеровъ мы провели въ его прекрасной виллѣ въ Булони! Я часто встрѣчала тамъ супруговъ Жанъ де Реске, Райнальда Гана, Поля Бурже съ женой, принца и принцессу Мюратъ, прелестную графиню Робертъ де Фицъ Джемсъ, графиню Пурталесъ, Леди де Грей и многихъ другихъ.

На большихъ обѣдахъ, а также на интимныхъ пріемахъ, душою этого гостепріимнаго дома была графиня Палей. Какъ мнѣ не вспомнить милой, доброй герцогини де Роганъ, герцогини де Каместра, графини Вѣры де Таллейранъ, оригинальной принцессы Маріи Мюратъ? Какъ много изъ нихъ уже умерло!

Я такъ любила ея сына, бѣднаго Володю Палей, обладавшаго большимъ лирическимъ талантомъ, и такъ же хорошо писавшаго по французски, какъ и по русски. Если бы онъ такъ рано не умеръ, онъ навѣрное занялъ бы выдающееся мѣсто среди русскихъ поэтовъ. — Дорогого, горячо любимаго Великаго Князя Павла я видала въ послѣдній разъ осенью 1918 года въ Царскомъ Селѣ. Обѣ его маленькія дочери встрѣтили меня на вокзалѣ. При нихъ не было ни гувернантки, ни слуги, проводившаго ихъ. Несчастье, постигшее ихъ, сдѣлало ихъ самостоятельными и они сами пробили себѣ дорогу черезъ толпу на вокзалъ. Вмѣсто дорогого лимузина, отвозившаго ранѣе гостей, насъ извозчикъ подвезъ на маленькую дачу, которую они занимали, послѣ того, какъ у нихъ отня-

ли ихъ великолѣпный дворецъ. Я нашла Великаго Князя очень измѣнившимся. Сохранивъ все еще свою осанку, свое благородство, онъ все таки выглядѣлъ исхудавшимъ, осунувшимся. Какъ всегда любезный и привѣтливый, онъ казался почти счастливымъ и даже улыбался. Когда его супруга была возлѣ него, ему, казалось, ничего болѣе не надо было: въ ея нѣжности, которою она его окружала, въ ея взглядѣ — для него заключался весь міръ. Семейная жизнь ихъ была очень трогательной.

Они получили письма отъ сына, сосланнаго вмѣстѣ со своими кузенами на Уралъ. Княгиня Палей читала мнѣ эти письма, эти стихотворенія въ прозѣ, въ которыхъ бѣдный юноша изливалъ, въ возвышеныхъ чувствахъ, свою душу, такъ, что слезы выступили на моихъ глазахъ. И этотъ юноша, съ такого чистою душой, умеръ смертью мученика. Его, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Сергѣемъ Михаиловичемъ, сестрой Государыни и Князьями Іоанномъ, Константиномъ и Игоремъ, большевики бросили въ яму и звѣрски убили градомъ камней.

Княгиня Палей, эта несчастная мать, письма посланныя ею ея сыну, не знаю какимъ образомъ, получила послѣ его смерти обратно. Эти письма были найдены въ его карманѣ.

Благородные люди собрали останки этихъ погибшихъ мученической смертью и привезли ихъ въ гробахъ въ Китай, гдѣ они нынѣ покоятся. Бренные останки Великой Княгины, супруги В. К. Сергѣя, стараньями ея сестры, принцессы Баттенбергской, были перевезены въ Іерусалимъ и похоронены на священной землѣ.

Послѣдняя Неаполитанская Королева.

Мирабо сказалъ: «единственный мущина среди приближенныхъ Людовика XVI, это — Марія Антуанетта.» Эти слова подходятъ также и къ Королевѣ Неаполитанской, Маріи.

Моя кузина и подруга, графиня Леонтина фонъ Кенигсмаркъ, принявшая меня такъ сердечно въ прошломъ году въ Мюнхенѣ, передала мнѣ, нѣсколько дней послѣ моего пріѣзда, приглашеніе отъ Королевы Неаполитанской. Глубоко тронутая, направилась я во дворецъ эрцгерцога Карла Теодора, чтобы увидѣть принцессу, о которой я въ юности такъ много мечтала. Нынѣшнее поколѣніе не знаетъ, какъ цѣнили современники Неаполитанскую Королеву Марію-Софію. Я относилась къ ней съ любопытствомъ и глубокимъ почтеніемъ.

Видъ этой 83-лѣтней старухи, черты лица которой сохранили слѣды былой красоты, ея гордая осанка, плавныя движенія, весь ея видъ и занимательная бесѣда съ нею перенесли меня въ давно прошедшее время моей молодости.

И, если я ей, быть можетъ, показалась невнимательной и разсѣянной, то это лишь оттого, что я мысленно

переживала ея славное прошлое, какъ яркимъ лучемъ, на мгновеніе озарившее темное царствованіе послѣднихъ Бурбоновъ въ Сициліи.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ, во время моего пребыванія въ Неаполѣ, совершила я нѣчто въ родѣ паломничества, съѣздивъ въ автомобилѣ въ Гаету.

Владѣлецъ гостинницы, гдѣ я остановилась, разсказывалъ мнѣ, что его отецъ принималъ участіе въ защитѣ Гаеты отъ пьемонтскихъ войскъ. Гаета — маленькій городокъ съ 15,000 жителей — находится въ десяти километрахъ отъ Капуи и въ пятнадцати — отъ Неаполя.

Въ Гаето, по приказу Марка Антонія, былъ убитъ Цицеронъ. Тамъ показываютъ туристамъ руины, подъ названіемъ Торе д'Орланде, и гробницу Цицерона.

Въ столовой висѣлъ большой портретъ восемнадцатилѣтней Королевы, въ бѣлой накидкѣ и калабрійской шляпѣ. Я еще въ Минскѣ, будучи ребенкомъ, любовалась этимъ портретомъ, копіи съ котораго проникли въ отдаленнѣйшія углы Россіи. Королева была сестрой австрійской Императрицы, а также графини Трапи, несчастной герцогини Алонсонской и принцессы фонъ Турнъ ундъ Таксисъ. Она принесла съ собою свѣжую струю воздуха баварскихъ горъ въ удушливую атмосферу неаполитанскаго двора, гдѣ были въ порядкѣ вещей — деспотизмъ и ханжество и гдѣ все опиралось на полицію и на грабежъ.

Молодая баварская принцесса оказалась весьма зоркой королевой. Она сдѣлала попытку уговорить своего супруга дать народу требуемыя имъ реформы, но эта попытка встрѣтила враждебное отношеніе со стороны свя-

щенника Короля Франца III, патера Борелли. «Какая каналія этотъ патеръ Борелли!» восклицалъ, потрясая кулакомъ, хозяинъ нашей гостинницы. «Сколько зла принесъ онъ нашей родинѣ. Если бы не онъ, несомнѣнно были бы мы въ союзѣ съ „Regalantuomo". Въ виду того, что, отецъ его принималъ участіе въ защитѣ Гаеты, онъ сталъ мнѣ разсказывать нѣкоторыя подробности. Какъ оказывается, туринскій кабинетъ дѣйствительно сдѣлалъ такое предложеніе. То, чего Францъ III не хотѣлъ отдать добровольно, было у него отнято силой совершенно такъ, какъ когда-то у Людовика XVI и затѣмъ у Николая II, у которыхъ силою было взято то, что они должны были бы отдать добровольно. Но Король Неаполитанскій слишкомъ долго колебался и его запоздалыя уступки требованіямъ народа уже не были въ силахъ удержать побѣдоноснаго шествія Гарибальди.

Если Королевѣ Маріи-Софіи не удалось спасти тронъ своего супруга, то она все таки сумѣла пасть величаво и съ блескомъ, и пятимѣсячная осада Гаеты, начавшаяся и кончившаяся тринадцатаго числа, останется навсегда блестящей страницей въ военной исторіи всѣхъ народовъ. Если генералъ Боско былъ главой этой геройской защиты, то Королева была ея душой. День и ночь она бывала въ траншеяхъ, ободряла офицеровъ и солдатъ, раздѣляла съ ними ихъ лишенія опасности, ухаживала за ранеными, помогала хоронить убитыхъ.

Учителя исторіи, до революціи въ Россіи, говорили своимъ ученикамъ, что георгіевскіе кавалеры должны были гордиться имѣя въ своемъ числѣ неаполитанскую Королеву.

„Tack så Mycket“.

„Tack så Mycket“! Съ этими словами покинула я шведскій пароходъ, привезшій меня изъ большевистскаго ада въ гавань Стокгольма, гдѣ я наконецъ вздохнула полной грудью.

„Tack så Mycket“! были слова произнесенныя мною, когда я покидала эту гостепріимную страну. Прежде всего вспоминаю я при этомъ шведскаго посла въ Петербургѣ, генерала Брандстрема, моего стараго, вѣрнаго, спасшаго мнѣ жизнь, друга.

„Tack så Mycket“! — слова, которыя я хотѣла бы сказать каждому шведу. Въ каждомъ шведѣ вижу я друга и спасителя моего.

— Когда мнѣ было восемь лѣтъ, я получила рождественскій подарокъ, — нѣсколько книгъ; среди нихъ были и историческіе разсказы, начинавшіеся разсказомъ о Густавѣ Вазѣ, этомъ борцѣ за независимость Швеціи. Эта книга возбудила у меня впервые интересъ къ Швеціи. Немного спустя, когда я прочла жизнеописаніе Маріи Антуанетты, я восторгалась графомъ Ферзеномъ, этимъ молчаливымъ, преданнымъ обожателемъ несчастной короле-

вы. Когда я въ Петербургѣ встрѣчала, среди гвардейскихъ офицеровъ, молодыхъ Финовъ шведскаго происхожденія, я часто думала найти среди этихъ бѣлокурыхъ, молчаливыхъ офицеровъ новаго Ферзена или Густава Вазу. Значительно позже увлекалась я историческими повѣстями Вернера фонъ Гейденштама.

Нѣсколько лѣтъ до войны познакомилась я съ другимъ Гейденштамомъ, отцомъ моего друга Карла фонъ Гейденштама, бывшимъ долгое время секретаремъ шведскаго посольства въ Петербургѣ; я говорю объ извѣстномъ, талантливомъ писателѣ, которымъ написаны на французскомъ языкѣ сочиненія: «Конецъ одной династіи» и «Королева Софія Ульрика». Обѣ книги удостоились преміи французской академіи наукъ и считаются, по ихъ захватывающему содержанію и красотѣ стиля, одними изъ лучшихъ историческихъ сочиненій.

Недавно фонъ Гейденштамъ выпустилъ въ свѣтъ найденную имъ въ секретныхъ документахъ, переписку Маріи Антуанетты съ Ферзеномъ.

— Окна моей комнаты въ Грандъ-Отелѣ, въ Стокгольмѣ, выходили на большую площадь. На этой площади, какъ говорятъ, былъ убитъ графъ Ферзенъ. Со дня смерти французской королевы никогда улыбка не озаряла его лица. Убитъ онъ былъ при слѣдующихъ обстоятельствахъ: онъ собирался отправиться на похороны датскаго принца, наслѣдника шведскаго престола. Холодный и высокомѣрный, съ оберъ-церемонимейстерскимъ жезломъ въ рукѣ, въ пудренномъ парикѣ, съ орденомъ Св. Серефима, сидѣлъ онъ въ раззолоченной каретѣ, когда толпа набросилась на его карету, извлекла его оттуда и тутъ-же, на площади, жесточайшимъ образомъ убила. Его политическіе враги,

желая его погубить, распространили о немъ слухъ, что онъ отравилъ наслѣдника. — Возлѣ теперешняго Грандъ-Отеля находился старый дворецъ графини Пиперъ, сестры графа Ферзена. Теперь этотъ дворецъ обращенъ въ матроскій клубъ

Шведовъ называютъ сѣверными парижанами, и, дѣйствительно, знать и высшіе сановники этой страны, въ 18-омъ вѣкѣ сильно увлекались всѣмъ французскимъ. Ихъ литература, искусство, привычки, воспитаніе находились подъ сильнымъ вліяніемъ Версаля. Оригинальнымъ является тотъ фактъ, что это французское вліяніе должно быть приписано, главнымъ образомъ, королевѣ Фредерикѣ Ульрикѣ, сестрѣ Фридриха Великаго. Она приказала выстроить свой дворецъ Дротнингсгольмъ въ стилѣ Людовика XV-го, и ввела при дворѣ французскій языкъ и французскія моды. Вся шведская молодежь того времени ѣздила въ Парижъ. Молодые шведскіе аристократы служили тамъ въ шведскомъ королевскомъ полку, молодые художники, скульпторы, архитекторы — работали въ парижскихъ художественныхъ мастерскихъ.

Я уже упоминала о Розлинѣ, написавшемъ много портретовъ членовъ семьи Романовыхъ. Его ставятъ рядомъ съ Ванъ Лоо и Натіе. Назову также знаменитаго ходожника Густава Лундберга, писавшаго пастелью, выдающагося мастера, бывшаго профессора стокгольмской академіи художествъ; затѣмъ — Таравала и скульптора Бухардона.

Фридерика Ульрика выписала труппу французскихъ артистовъ, ставившихъ въ Стокгольмѣ пьесы Мольера и драмы Расина и Корнейля.

— Въ моей молодости я страстно увлекалась оккультизмомъ, такъ распространеннымъ, въ свое время, въ Шве

ціи. Приверженцы Сведеборга произвели на меня глубокое впечатлѣніе и я находила связь между вліяніемъ госпожи фонъ Крюденеръ на Императора Александра I-го и шведскими сектами 18-го вѣка. Орденъ розоваго креста, бывшій въ Швеціи, напоминаетъ мнѣ по созвучію — Красный Крестъ. Нельзя забыть исключительную любовь къ ближнему, оказанную во время войны шведскимъ Краснымъ Крестомъ, во главѣ котораго стоялъ братъ короля, благородный, бывшій образцомъ настоящаго христіанина, принцъ Карлъ. Случайно секретаремъ у принца былъ мой племянникъ Эрикъ фонъ Стьернстедъ, котораго я, къ искренней моей радости, встрѣтила въ Стокгольмѣ, также, какъ и его братьевъ и сестру, прелестную Марику. Я, къ сожалѣнію, не владѣя шведскимъ языкомъ, не могла читать ея романовъ.

Въ Россіи шведскій Красный Крестъ находился, конечно, подъ покровительствомъ шведскаго посла, встрѣтившаго въ своей дочери, Эльзѣ Брандштремъ, энергичнаго, способнаго на самоотверженіе, неутомимаго помощника.

Эта молодая, бѣлокурая дѣвушка, имя которой и весь обликъ напоминаетъ Эльзу изъ «Лоэнгрина», не побоялась провести годы въ Сибири, гдѣ она едва не умерла отъ тифа. Она спасла своей неутомимой дѣятельностью жизнь многимъ тысячамъ людей. При ней находился цѣлый штабъ сестеръ милосердія и людей, преданныхъ ея дѣлу,— назову госпожу фонъ Гейденштамъ и графа Гергарта Стенбока. Изъ русскихъ сопровождали ее — князь Павелъ Ливенъ, мужъ одной изъ моихъ племянницъ, человѣкъ чистой души, вѣрующій христіанинъ, готовящійся къ своей миссіи еще на поляхъ сраженія въ Манджуріи.

Не могу закончить эту статью, не упомянувъ о графѣ и графинѣ Вахтмайстеръ, урожденной графини Рейтернъ-Нолкенъ; я очень любила ея отца и въ ихъ домѣ я всегда встрѣчала дружеское участіе и отдыхала у нихъ душой.

Хотѣла-бы я еще сказать о пріятномъ домѣ госпожи фонъ Рейтерскіольдъ, мужъ которой былъ долгое время шведскимъ посломъ въ Петербургѣ. Ихъ милаго сына и его прелестную супругу встрѣтила я снова въ шведскомъ посольствѣ въ Берлинѣ. Затѣмъ домъ церемоніймейстера фонъ Сагера, жена котораго—урожденная графиня Мольтке. Ихъ квартира — образецъ французскаго вкуса и изящества. Ихъ сынъ, Леонъ фонъ Сагеръ, былъ особенно предупредителенъ къ намъ, русскимъ, и оказалъ большія услуги многимъ бѣженцамъ.

Я также съ удовольствіемъ встрѣтилась съ бывшимъ совѣтникомъ шведскаго посольства въ Петербургѣ, барономъ Коскуломъ, съ морскимъ атташе Лильегекомъ и многими другими.

Я заканчиваю эту главу, въ которой я собрала безчисленныя, случайныя мои воспоминанія, съ выраженіемъ моей благодарности послу Эссену и его супругѣ, въ чьемъ гостепріимномъ домѣ въ Берлинѣ я была такъ радушно принята. Имъ, какъ и всѣмъ другимъ моимъ шведскимъ друзьямъ, говорю я: „Tack så mycket“!

Цвѣтокъ на могилу Насти.

Бѣдня Настя! Какой поэтическій образъ встаетъ передъ моимъ духовнымъ взоромъ.

Эта нѣжная, хрупкая дѣвушка, съ дѣтскимъ лицомъ, казавшаяся такой слабой, обладала душой героини.

Графиня Настя Гендрикова, фрейлина Императрицы Александры Өеодоровны, послѣдовала за царской семьей въ Сибирь, но въ пути была съ ними разлучена и вмѣстѣ съ сербской принцессой Еленой Петровной (супругой Іоанна) и госпожей Шнейдеръ, гофъ-лектрисой Императрицы, заключена въ тюрьму.

Однажды, ночью, заключенные были грубо разбужены красноармейцами, приказавшими молодой фрейлинѣ и госпожѣ Шнейдеръ за ними слѣдовать. — Немного спустя сербская принцесса услыхала два выстрѣла и послѣдовавшій за ними душураздирающій крикъ.

На слѣдующій день ей разсказали, что комиссаръ, тронутый Настиной молодостью и красотой, обѣщалъ даровать ей жизнь, если она покинетъ Императрицу. «Моя послѣдняя мысль будетъ о ней», воскликнула Настя, и тутъ же была разстрѣлена.

Другая придворная дама, баронесса Иза фонъ Буксгевденъ, питавшая такую же привязанность къ несчастной

Императрицѣ, не могла, вслѣдствіе болѣзни, ей сопутствовать въ ея мѣсто изгнанія. Но, едва она оправилась, она предприняла тяжелое, опасное путешествіе въ Тобольскъ, зная какую радость доставитъ она царской семьѣ своимъ пріѣздомъ. Но бѣдныя Великія Княжны, такъ нѣжно любившія Изу Буксгевденъ и ожидавшія ее съ такимъ нетерпѣніемъ — жестокостью тюремщиковъ были лишены этой радости: Изу Буксгевденъ не допустили къ царской семьѣ. Тѣмъ не менѣе она не покидала Сибири все время, пока въ ней находилась царская семья. Она съ жадностью собирала всѣ свѣдѣнія о заключенныхъ и жила только надеждой на ихъ освобожденіе... Она вернулась къ своему отцу, послу въ Копенгагенѣ, лишь послѣ того, какъ свершилось ужасное преступленіе. И можно считать чудомъ ея избавленіе отъ гибели.

— Генералъ Татищевъ, князь Василій Долгоруковъ и лейбъ-медикъ Боткинъ, братъ извѣстнаго дипломата, предвидѣли, уѣзжая, свою судьбу. Они доказали своей кровью свою преданность Императорской Фамиліи. Генералъ Татищевъ и князь Долгоруковъ были извѣстны, какъ очень нѣжные сыновья. Мать Татищева умерла до его смерти,— Богъ спасъ ее отъ страданій за гибель сына. Мать Василія Долгорукова, вышедшая вторымъ бракомъ за графа Бенкендорфа, жива понынѣ, и оплакиваетъ смерть своихъ двухъ сыновей. Старшій изъ нихъ, князь Александръ, также былъ убитъ большевиками. Графиня Бенкендорфъ похоронила своего мужа въ Нарвѣ, послѣ того, какъ она его спасла отъ совѣтской Россіи.

Я встрѣтила ее недавно, когда она была проѣздомъ въ Берлинѣ. Сердце мое обливалось кровью при видѣ ея невыразимыхъ страданій.

Заключеніе.

Я вызвала много тѣней прошлаго. Сама только — тѣнь, стану я скоро такой же безтѣлесной, какъ и всѣ эти исчезнувшія лица.

Почти всѣ мои современники уже покинули этотъ свѣтъ, и теперь найдутся едва-ли болѣе трехъ-четырехъ такихъ, къ кому я могу обратиться съ словами: «помните-ли Вы? . . .

Здѣсь я кончаю свои воспоминанія. Разсѣянные по всей Европѣ одною и тою же катастрофой, мы потеряли другъ друга изъ виду. Пусть эти страницы послужатъ моимъ привѣтомъ издалека всѣмъ тѣмъ, которые въ теченіе моей долгой жизни, отосились ко мнѣ благожелательно и дружески. Я вспоминаю о нихъ съ чувствомъ глубокой благодарности и мысленно ищу ихъ повсюду. Къ счастью число тѣхъ, кто въ эти страшные, жестокіе дни, дни разнузданныхъ, дикихъ страстей распускали обо мнѣ самые позорные, противные здравому смыслу слухи, чрезвычайно ограничено, и къ нимъ я отношусь, большею частью, равнодушно.

Но есть среди тѣхъ, кто занялъ враждебную позицію по отношенію ко мнѣ, и такіе, которыхъ я очень любила,

которымъ оказывала много услугъ и на доброе отношеніе Баденѣ отъ . . .», въ ихъ душу закрадется сожалѣніе, а знаюсь, причинили мнѣ много страданій! — Я съ ними никогда болѣе не увижусь, но я увѣрена, что если они когда-нибудь, пробѣгая газету, найдутъ въ ней эти скромныя строки: «Старая графиня Клейнмихель умерла въ Баденѣ отъ . . .», въ ихъ душу закрадется сожалѣніе, а сердце, быть можетъ, будетъ охвачено угрызеніями совѣсти. Этимъ я хотѣла-бы уже теперь сказать: «никакой злобы я не унесла съ собой въ могилу». —

Содержаніе.

Типографія О-ва „ПРЕССА“ Берлинъ, Лейпцигерштрассе 50.